

ISSN 2664-374X (Print)
ISSN 2664-3758 (Online)

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

1/2020

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одегова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семькина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семькин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 2 от 06.03.2020 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 1/2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бубела Н. И., Хань Г. А.</i> Расследование серийных убийств (особенности криминалистической характеристики)	3
<i>Вишневский Я. А., Евтушенко Ю. В.</i> Институт уголовного наказания в первой половине XX века	9
<i>Герасименко Ю. В.</i> Роль правосознания как регулятора общественных отношений	16
<i>Гулина С. Н., Гокунь Ю. С.</i> Убийство матерями новорожденных детей: специфические вопросы в определении состава преступления	21
<i>Дербишева О. А.</i> Правовые и процессуальные аспекты института замены ненадлежащей стороны	27
<i>Дорошева Е. Н., Левикин С. С.</i> Международный терроризм как международное преступление	34
<i>Кулакова Е. В.</i> К вопросу о теоретической сущности местных территориальных коллективов (общин)	41
<i>Лapidус О. С.</i> Конституционный контроль за актами органов законодательной и исполнительной власти США	48
<i>Лещенко И. И., Костенко В. О.</i> Критика идеократического государства в евразийской концепции: актуальность и значение	55
<i>Манивлец Э. Е., Леонов Н. В.</i> Некоторые проблемы института обвинения в уголовном процессе Донецкой Народной Республики	62
<i>Поляков В. Ю.</i> К вопросу о полномочиях омбудсмана в сфере с овершенствования законодательства	70
<i>Савченко А. А.</i> Генезис института брака: древний мир	77
<i>Смирнова Е. В.</i> Определение момента заключения хозяйственного договора	87
<i>Тимошенко Н. А., Асрян А. Л.</i> Особенности уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном праве Донецкой Народной Республики	93
<i>Тимошенко Н. А., Кондрашов А. В.</i> К вопросу о процессуальном закреплении понятия комплексной судебной экспертизы	98
<i>Финкина А. П.</i> Классификация юридических лиц как субъектов административных правоотношений	105
Правила для авторов	112

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 1/2020

CONTENTS

<i>Bubela N., Khan G.</i> Investigation of serious kills (features of criminalistic characteristics)	3
<i>Vyshnevskyy Ya., Yevtushenko Yu.</i> Institute of criminal punishment in the first half of the XX century	9
<i>Gerasimenko Yu.</i> Role of legal consciousness as a regulator of public relations	16
<i>Gulina S., Gokun J.</i> Killing by mother of newborn children: specific matters in determining the composition of the crime	21
<i>Derbisheva O.</i> Legal and procedural aspects of the institute for replacement of the inappropriate party	27
<i>Dorosheva Y., Levikin S.</i> International terrorism as an international crime	34
<i>Kulakova E.</i> To the question of the theoretical essence of local territorial collectives (communities)	41
<i>Lapidus O.</i> Constitutional control of acts of the legislative and executive authorities of the United States of America	48
<i>Leshchenko I., Kostenko V.</i> Criticism of the ideocratic state in the eurasian concept: relevance and significance	55
<i>Manivlets E., Leonov N.</i> Some problems of the institute of prosecution in the criminal process of the Donetsk People's Republic	62
<i>Polyakov V.</i> To the question of the authority of the ombudsman in the field of improvement of legislation	70
<i>Savchenko A.</i> Genesis of the institute of marriage: ancient world	77
<i>Smirnova E.</i> Determination of the moment of conclusion of the economic contract	87
<i>Timoshenko N., Asryan A.</i> Specific features of criminal responsibility for falsification of the results of operative search activities in the criminal law of the Donetsk People's Republic	93
<i>Timoshenko N., Kondrashov A.</i> To the question of procedural fixing of the concept of integrated forensic expertise	98
<i>Finkina A.</i> Classification of legal entities as subjects of administrative relations	105
Guidelines for authors	112

РАССЛЕДОВАНИЕ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ (ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

В статье рассмотрены особенности криминалистической характеристики серийных убийств, что имеет важное значение для организации расследования данной категории преступлений. Выявлен ряд особенностей криминалистической характеристики и предложены рекомендации направленные на повышение эффективности организации расследования серийных убийств.

Ключевые слова: серия убийств, личность преступника, расследование преступлений.

Организация расследования серийных убийств в настоящее время является одной из проблем правоохранительной практики, к разрешению которой прилагают значительные усилия сотрудники органов предварительного следствия, оперативно-розыскных подразделений, сотрудники судебно-экспертных учреждений, учёные ряда правовых специальностей. Это обусловлено не только повышением удельного веса названных преступлений в общей структуре убийств, ежегодно регистрируемых в Российской Федерации, но также определённой спецификой их выявления, а также сложностями в установлении и изобличении совершивших их лиц [1, с. 3].

В криминалистической литературе проблемы расследования серийных убийств исследовались в трудах таких ученых, как Р. С. Белкин, О. Я. Баев, В. А. Васильев, А. Ф. Волынский, А. И. Гуров, Л. Я. Драпкин, Ю. Г. Корухов, В. Е. Коновалова, В. А. Образцов, В. Ю. Шепитько, Н. П. Яблоков и другие. Однако в целом отдельные вопросы отмеченной проблематики еще не достигли надлежащего научного освещения.

Со времени легендарного Джека Потрошителя, который убивал лондонских проституток, в мире было зафиксировано несколько сотен серийных убийц. Списки жертв каждого из убийц исчисляются десятками человек.

Книга рекордов Гиннеса фиксирует даже такие жуткие достижения, как количество жертв от рук убийц. Там числится немец Бруно Людке, который убил за 15 лет (1928–1943 гг.) 85 женщин; колумбиец Педро Лопес – с 1973 по 1980гг. убил около 300 маленьких девочек в возрасте до 10 лет; австралиец Теофил Рояс, убивший за 1948-1963гг. 593 человека. Имеется также статистика, которая свидетельствует, что в период с 1966 по 1992 гг. в бывшем СССР было раскрыто 108 преступников, обвиняемых во многоэпизодных убийствах (ростовский Чикатило, московский Пинчук, семья Соколовых г. Краснодар и т. п.). Их жертвами стали 463 человека.

Определение понятия серийных убийств, в криминалистической литературе сформулировал Ю. М. Самойлов, обозначив им совершение лицом или группой лиц нескольких преступлений, имеющих логическую связь: один и тот же объект

посягательства, одинаковый мотив, способ, место совершения преступления и т.п. [1, с. 7].

Раскрытие таких преступлений вызывают определённые трудности, которые необходимо учитывать при их расследовании: классификация серийных убийств, их жертв, выяснения причин и последствий девиантного поведения и психических аномалий личности, совершившей эти преступления [2, с. 19–20].

К категории серийных убийц относят таких, которые убили не один раз и за определённый временной промежуток. Обычно – это череда убийств, которая является способом жизни преступника, подчиняя его мысли, интересы, общение, желания. Например, московский серийный убийца Анатолий Сливко, получивший сильное сексуальное возбуждение при наблюдении смерти мальчика при ДТП, совершал свои преступления с целью получить схожие по мощности ощущения. Во многих случаях убийство является жизненно необходимой частью жизни убийцы, даже основной конкретной его частью. Серийный убийца убивает в первую очередь ради самого убийства – это главный и обязательный мотив, которым руководствуется преступник, а другие, которые могут быть в сознании убийцы, всегда будут второстепенными. Иркутский серийный убийца Михаил Попков (с 1992 по 2010 год) убивший 81 женщину испытывал к ним ненависть, а убивая их получал удовлетворение. 19 убийств женщин новосибирским маньяком Евгением Чуплинским, совершены исключительно ради удовлетворения его маниакального любопытства. Всем этим серийным убийцам, которые вели добропорядочный образ жизни, врачами был поставлен диагноз «гомицидомания с элементами некрсадизма». Гомицидомания – это тяга к совершению убийства, причем именно человека. Формально гомицидомания считается всего лишь психическим расстройством, а страдающий ею человек признаётся вменяемым, так как осознаёт, что он совершает [1, с. 16].

Эффективному расследованию серийных убийств, способствует установление данных составляющих их криминалистическую характеристику, то есть совокупность криминалистически значимых элементов, которые помогают быстрому его расследованию. Взаимосвязь элементов криминалистической характеристики проявляется в том, что при наличии одного из её элементов закономерно и наличие других. Изучая и обобщая опыт следственной и оперативно-розыскной практики, выделяют главные элементы криминалистической характеристики убийств, по которым строится модель совершенного преступления, определяются пути его расследования. К таким элементам относятся: способ совершения и сокрытия преступления, место, время и обстановка совершения преступления, «следовая картина» преступления, личность преступника, личность потерпевшего.

К содержанию криминалистической характеристики конкретной серии убийств относятся все без исключения ее структурные элементы, независимо от частоты их повторения. Элементный состав характеристики серийных убийств отличается от других убийств повышенной мерой конкретности. Он более информативно отображает картину преступлений, которые совершены преступником, позволяя более точно определить индивидуальные признаки, способствовать его розыску.

В первую очередь, серийные убийства представляют собой совокупность преступлений, локализованных временем, пространством и главное, действиями

одного и того же лица. Поэтому криминалистическая характеристика содержит в себе информацию, которая обновляет обстановку, но свойственна лишь сериям преступлений, совершаемым конкретным преступником, тем самым отличается от серийных убийств, которые совершаются другими преступниками. Серийные убийства – это такая категория преступлений, которая совершается всегда только тайно, при отсутствии других лиц; виновный совершает активные действия для сокрытия своего причастия к совершённомu преступлению.

Обязательным элементом криминалистической характеристики преступлений, являются сведения о способах его совершения и сокрытия. Структура способа совершения преступления включает в себя этап подготовки, к совершению преступления состоящий из нескольких взаимосвязанных элементов:

- а) изучения данных о личности жертвы;
- б) выбору способа совершения убийства (орудия или иного способа);
- в) выбор тактики совершения преступления [3, с. 372–373].

По общему правилу, подготовка включает в себя, выбор орудий, средств, методов совершения задуманного. Если орудия и средства можно рассматривать как традиционные, то методы совершения преступления могут отличаться большой изобретательностью. Психологические аспекты подготовки во многом определяют поведение убийцы в период совершения преступления и после него, что позволяет в процессе расследования установить следы преступления, которые ведут к установлению личности преступника. Совершение преступления – это волевой процесс, который включает в себя этап формирования воли имеющий прямое отношение к мотиву. Криминогенность психических нарушений всегда зависит от особенностей личности, а в конечном итоге – от условий ее формирования, воспитания, внешних воздействий на протяжении всей жизни индивида [4, с. 27]. Таким образом, в зависимости от особенностей психогенной травматизации происходит формирование различных типов патологических развитий, что может проявляться в поведении, в том числе антиобщественном. Совершая убийства, виновный ставит перед собой цель, выбор способа достижения результата, принятие и выполнение решения. При этом, имеющимися доказательственное значение должны быть признаны лишь следующие виды поведения обвиняемого (подозреваемого), независимо от того, появилось оно после или до совершения преступления: поведение, направленное на уклонение от грозящего обвиняемому наказания; проявление обвиняемым осведомленности об обстоятельствах, которые могли быть известны лишь преступнику; поведение, косвенно свидетельствующее о признании обвиняемым своей виновности [5, с. 5].

При совершении убийства преступник совершает круг обязательных действий для его сокрытия, которые составляют несколько самостоятельных способов, объединенных одной целью – сокрыть совершенное. Невыполнение хотя бы одного из них, означает неполное сокрытие преступления. Способ сокрытия преступления зависит от связи преступника с объектом посягательства, что влияет на выдвижение версий о личности преступника.

Сокрытие преступления – элемент преступной деятельности, направленный на затруднение расследования путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника, а так же их доказательств [6,

с. 150–164]. Определенный интерес в проблеме сокрытия преступления представляет психологическая сторона этой деятельности. Сокрытие преступления всегда включает в себя мыслительную деятельность субъекта, связанную с решением многих задач. Именно большая психологическая нагрузка при сокрытии, как и наличие объективных факторов, которые создают непредвиденные трудности, нарушают тщательно спланированную логику сокрытия и создают возможность оставления следов самим преступником с одной стороны и получение важной информации о преступлении для следователя – с другой стороны.

Необходимым элементом криминалистической характеристики является также сведения о времени совершения убийства. Установлено, что наиболее часто сексуальные убийства совершаются в летнюю пору, в ночное время. Особенностью данного вида преступлений является их количество, а промежуток между убийствами может составлять от нескольких минут до нескольких лет.

Место совершения преступления – будучи одним из элементов криминалистической характеристики, содержит большой объем информации, которая относится к способу совершения преступления, характеристике следов преступления в широком и узком смысле слова, характеристике личности преступника. Во всех случаях данные осмотра места происшествия, сохраняют целую систему взаимозависимых признаков, которые отображают совершённое преступление.

К системе элементов криминалистической характеристики относится и обстановка совершения преступления. Поведение человека на месте преступления всегда отображается в обстановке и несёт большой объем криминалистически значимой информации о личности преступника.

При осмотре следы обнаруживаются на трупе, его одежде, предметах, обстановке. Сюда относятся орудия преступления (веревка, нож) и следы рук на ноже, следы обуви, других частей тела преступника, детали его одежды, предметы принадлежащие преступнику. Иногда на теле потерпевшего могут быть оставлены следы зубов преступника, его волосы, частицы кожи, кровь (под ногтями жертвы), слюна, следы спермы, следы транспортных средств.

Комплекс признаков, которые характеризуют личность преступника, совершающего серийные убийства, может быть различным. Личность преступника может отображаться в мотиве совершения преступления, способе совершения, особенностях характера и темпераменте, привычках, профессиональных навыках.

Клиническими исследованиями в ГНИЦ им. Сербского было установлено, что почти 100% маньяков мужчины, 35 % – женаты, 20 % – разведены, 45 % не были женаты, 91 % – совершали единолично, 9 % – действовали в группе, 25 % – имеют признаки фетишизму, а некоторые имеют ещё и признаки садизма, вампиризма, некрофилии и пиромании, возраст серийных убийц на момент совершения ими первого убийства, был следующим: несовершеннолетние – 5 %, от 18–25 лет – 50 %, 26–35 лет – 27 %, от 48–55 лет – 2 %. Последнее своё убийство они совершили в возрасте 18–25 лет – 45 %, 26–35 лет – 25 %, 36–45 лет – 24 %, 46–55 лет – 5 %, после 55 лет – 1 % [7, с. 112].

Эти данные могут способствовать формированию воображаемой модели убийцы в тех случаях, когда в процессе расследования убийств отсутствуют

конкретные сведения о личности виновного. Очень часто это бывает когда заявляют о, без вести пропавших родственниках, но само заявление не содержит конкретных обстоятельств, а заявления написаны после долгого времени с момента исчезновения родственников, мотив, место, время – вызывают подозрение и являются основанием для создания модели преступного деяния и личности убийцы.

Личность потерпевшего – сложный в криминалистическом отношении элемент. Он изменяет своё положение в зависимости от категории преступления, вида преступного посягательства, наличия или отсутствия связей между жертвой и преступником, психологических особенностей потерпевшего, его ролевых функций до и во время совершения преступления. Среди жертв серийных убийств в большинстве случаев составляли женщины – 76 %, мужчины – 8 %, и мужчины и женщины одновременно – 16 %. Возраст также различный: в 3 % – младше 7 лет, 46 % – от 7 до 18 лет, 22 % – от 18 до 35 лет, 29 % – более 35 лет [7, с. 42].

Во многих случаях серийный убийца останавливается на конкретном типе жертвы. Это личности одного пола, часто имеют совпадения во внешности, приблизительно одного возраста. Иногда это люди, внешность которых напоминает преступнику личность, которая нанесла ему психические переживания, и, совершая убийство, он как бы осознанно стремится доминировать именно над этим человеком. Стремлением доминировать поясняется и нанесение множественных повреждений жертве. Так, например, нанося повреждения в область половых органов, преступник мстит за свою сексуальную неполноценность, а обезображивание лица жертвы, главным образом глаз, можно пояснить желанием уничтожить её духовную сущность.

Серийные убийства в большинстве случаев сопровождаются особой жестокостью, а личности, которые их совершают, делятся на две группы: «сексуальные» – убийства одним человеком двух и более людей, которые сопровождаются явными признаками сексуального домогательства и сексуальной мотивацией (представитель – А.Чикатило); «асексуальные» – убийства одним человеком двух и более людей, которые не сопровождались сексуальной мотивацией (представитель – О.Онопrienко).

Для производства комплекса мероприятий по борьбе с данным видом преступлений целесообразным будет использование практических наработок иностранных криминологов и криминалистов. Наибольший опыт работы изучения серийных убийств накоплен в США, где ещё в 1978 году на базе ФБР был организован специальный отдел для борьбы с ними. Обобщив сотни дел, специалисты создали огромный банк данных, на основании которого были разработаны несколько различных методик, которые позволяют выявить серийного убийцу по определенным поисковым признакам. Существенные шаги для решения этой проблемы были сделаны специалистами России. Сегодня в России функционируют автоматизированные системы «Монстр» и «Маньяк», которые существенно облегчили выявление лиц, которые потенциально являются серийными убийцами или уже стали ими. Однако по настоящее время ещё не установлено, что же является конкретной причиной становления человека на путь серийного убийцы.

Список источников

1. Исаенко, В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств: монография / В. Н. Исаенко. – М.: АНО «Юридические программы», 2005. – 304 с.
2. Коновалова, В. Е. Убийство: искусство расследования: монография / В. Е. Коновалова. – Харьков: Факт, 2001. – 311 с.
3. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: монография / Р. С. Белкин. – М., 1999. – 969 с.
4. Балабанова, Л. М. Судова патопсихологія (питання визначення норми і відхилень: науково-практичний посібник / Л. М. Балабанова – Донецьк: Сталкер, 1998. – 432 с.
5. Чегодаева, С. С. Криминалистическое исследование улик поведения: научно-практическое пособие / С. С. Чегодаева – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2005. – 112 с.
6. Коновалова, В. Е. Основы юридической психологии: учебник / В. Е. Коновалова, В. Ю. Шепитько. – Харьков: Одиссей, 2005. – 352 с.
7. Александров, Ю. Н. Серійні вбивства: проблемні питання / Ю. Н. Александров // Право України. – 2001. – № 10. – 236 с.
8. Малышев, В. С. Карьера жертвы. Популярно о виктимологии / В. С. Малышев. – Донецк: ИПЦ «Юрпресс», 2002. – 400 с.

Поступила в редакцию: 12.11.2019 г.

INVESTIGATION OF SERIOUS KILLS (FEATURES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS)

This article discusses the features of the forensic characteristics of serial killings, which is important for organizing an investigation of this category of crimes. A number of features of the forensic characteristics were identified and recommendations aimed at improving the efficiency of the organization of the investigation of this category of serial killings.

Keywords: series of murders, the identity of the offender, investigation of crimes.

Бубела Николай Иванович
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: bubela.n.i@mail.ru

Bubela Nikolay
senior Lecturer of the Department of
Criminal Law and Procedure of Donetsk
national university
DPR, Donetsk
E-mail: bubela.n.i@mail.ru

Хань Геннадий Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: khan-genadii@mail.ru

Khan Gennady
PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk national university
DPR, Donetsk
E-mail: khan-genadii@mail.ru

УДК 340

Вишневский Я. А.
Евтушенко Ю. В.

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрена периодизация развития института уголовного наказания в советский период, рассмотрены особенности нормативных актов, регулирующих данную сферу правоотношений. Выявлен ряд положительных и отрицательных моментов в становлении института наказания, что позволило установить историческую ценность для современного уголовного права. При исследовании использовался метод анализа, дедукции.

Ключевые слова: уголовный закон, институт уголовного наказания, уголовное право, историзм, нормативный акт.

Социально-правовой институт уголовного наказания всегда являлся объектом дискуссий среди ученых, в силу своей актуальности и значимости в обществе. Накопленный за длительное время научный материал, который содержит множество концепций, идей, теорий и предложений нуждается в регулярной актуализации и систематизации для установления основополагающих проблем в сфере данных правоотношений. Таким образом, целесообразным является рассмотрение процесса становления института уголовного наказания в советский период с учетом различных точек зрения ученых, которые занимаются изучением данных вопросов.

Вопросом исследования уголовного наказания в советский период занималось множество ученых-правоведов, среди которых, по нашему мнению, целесообразно выделить П. Г. Мишунину, О. Ф. Шишова, А. И. Чучаева, К. А. Сыча, И. А. Исаева, А. А. Пиантковского, С. А. Пригова.

Рассматривая такой многоаспектный институт уголовного права как наказание, целесообразно отметить, что советский период характеризовался преобладанием марксистско-ленинской идеологии, революционными событиями, реформированием общественного строя и др. Таким образом, современное обличие института наказания обусловлено также и происходящими событиями в исследуемый период. Однако некоторые ученые преуменьшают значимость изучения исторического аспекта, ссылаясь на то, что со времен советского периода поменялся общественный строй, форма правления и др. По нашему мнению, придерживаться данной точки зрения нецелесообразно, в связи с тем, что формирование институтов права происходит под влиянием историзма, что придает ему специфические черты. По данному поводу также высказывался

профессор О. Ф. Шишов, который утверждает, что игнорирование историзма является преградой для долгосрочного прогнозирования тенденций развития уголовно-правовых категорий, институтов и норм. По его мнению, обращение к историзму какого-либо понятия способствует установлению первопричин становления уголовно-правовых норм и институтов в современном виде и делает возможным их кодификацию [1, с. 42]. Одной из характерных черт нормотворчества советского периода является разнообразие форм нормативно-правовых актов, среди которых существовали: обращения к населению, декреты, воззвания, постановления съездов, указы местных Советов, инструкции Наркомюста и судебная практика. Так, некоторые уголовно-правовые институты нашли выражение в декретах советской власти (декреты о суде № 1-3 и декреты, в которых репрессивные меры направлены на борьбу с тяжчайшими посягательствами на Советское государство). Анализ содержания декретов советской власти позволяет утверждать, что ответственность за совершаемые преступления дифференцировалась в зависимости от степени вины, также регламентировалась ответственность за наиболее тяжкие преступления. Следовательно, можно говорить о том, что уголовное наказание в советский период строилось на принципе виновности и соразмерности наказания.

Анализ развития категориального аппарата в сфере уголовного права позволяет утверждать, что в советский период, преступление рассматривалось в качестве противоправного действия или бездействия. Также законодатель в 1917–1918 гг. разграничивал все преступления по критерию сохранения и укрепления советской власти и установил следующее деление: 1) контрреволюционные и особо опасные преступления; 2) все остальные.

Санкция за первую группу преступлений предусматривала наказание не ниже соответствующего срока, за вторую группу – до определенного срока. Уголовное законодательство 1917–1918 годов не акцентировало внимание на субъекте преступления как обязательном элементе преступления. Лишь инструкция об освидетельствовании душевнобольных разрешала некоторые коллизионные вопросы в сфере уголовного наказания для специальных субъектов [2, с. 75].

Как отмечено ранее, деятельность законодателя была направлена на регулирование такой категории, как вина и ее формы. Так, практически во всех декретах первых лет образования Советского государства указывалось, что ответственности подлежат лица, «виновные в совершении тех или иных преступлений». Такие формы как умысел и неосторожность появляются лишь в декретах 1917 г. Уголовное законодательство исследуемого периода дифференцирует уголовное наказание в зависимости от формы вины. Следовательно, целесообразно сделать вывод о том, что при регулировании данных правоотношений, законодатель руководствовался положениями классической школы права, которая отрицала существование принципа детерминизма, поскольку он исключает существование в праве таких категорий как вина, справедливость и ответственность.

По мнению профессора К. А. Сыча, в первые годы существования советской власти, уголовное наказание законодателем рассматривалось исключительно как мера

государственного принуждения, что также подтверждается наличием полномочий законодательных органов власти у трибуналов [3, с. 62].

Первый этап развития уголовного законодательства, делящийся от Октябрьской революции до принятия руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1922 года, характеризовался некодифицированностью уголовного законодательства. В данный период уголовное законодательство было выражено в отдельных нормативных актах. Меняющиеся общественные отношения, революционные события, передел власти способствовали изменению законодательства не по принципу актуальности и необходимости, а по принципу верховенства отдельной власти. Общие принципы права заменялись на практике революционной совестью и революционным правосознанием.

С целью систематизации уголовного законодательства и закрепления основополагающих институтов уголовного права, Постановлением Наркомюста от 12 декабря 1919 года были утверждены Руководящие начала уголовного законодательства. Они представляли собой попытку создания Общей части уголовного кодекса без наличия Особенной части, закрепляющей составы преступлений. Данный акт был принят в связи с приходом к власти пролетариата, под воздействием марксистско-ленинской идеологии. Данный нормативно-правовой акт закрепил понятийный аппарат, также расширил существующий перечень уголовных наказаний [4].

Характерной чертой Руководящих начал по уголовному праву заключалась в том, что целью наказания является исправление преступника, в связи с чем следует отказаться от моральных и физических претерпеваний. Из данного положения следует сделать вывод о приверженности законодателя положениям социологической школы права. Следовательно, Руководящие начала являются нормативным актом, которые впервые в истории советского нормотворчества кодифицировал и закрепил основные уголовно-правовые институты, в том числе и институт наказания для советского государства. Кроме того, данный нормативно-правовой акт установил невозможность рассмотрения наказания в качестве возмездия государства за причиненный преступлением ущерб и общественную опасность, чем исключил возможность применения бесполезных и лишних страданий.

Второй этап развития уголовного законодательства, в частности уголовного наказания, связан с принятием Основных начал уголовного законодательства 1922 года, принятием УК РСФСР 1922 года, а также принятием Уголовных кодексов советских республик в 1924 году и иных нормативных актов. Данный этап в общем виде характеризуется формированием и развитием мер социальной защиты, которые были обусловлены идеей «опасного состояния личности», а не виной. В связи с этим, данный период развития уголовного законодательства позволяет утверждать, что законодатель заимствовал положения социологической школы права.

Необычайно эффективна была деятельность законодателя при принятии УК РСФСР. Данный нормативный акт характеризуется демократичностью позиции

законодателя. В итоге, 1 июня 1922 года, рассматриваемый нормативно-правовой акт вступил в юридическую силу и характеризовался краткостью содержания. УК РСФСР contained в себе 218 статей, а его Общая часть состояла из пяти разделов: 1) пределы действия кодекса; 2) общие начала применения наказания; 3) определение меры наказания; 4) роды и виды наказаний и других мер социальной защиты; 5) порядок отбывания наказаний. Принципиальной особенностью является раскрытие социальной сущности и назначения правовых институтов и норм Общей части. В данный период развития правовых институтов в СССР, преступление рассматривается как: «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Таким образом, в рассматриваемом понятии отсутствует такой признак как противоправность. По данному поводу верно, по нашему мнению, высказывался И. А. Исаев, который утверждал следующее: «С точки зрения диктатуры пролетариата, социалистического демократизма, понятие противоправности значительно шире, чем узкое формальное буржуазно-юридическое понятие противоправности. Если с точки зрения буржуазного права, противоправно только то действие, которое точно указано в законе, то, с точки зрения социалистического права, противоправно всякое действие, являющееся общественно опасным... всякое действие, опасное диктатуре пролетариата и социалистическому строительству, противоправно, ибо социалистическое законодательство даёт не формальное, а материальное определение понятия преступления. Социалистическое уголовное право принципиально отрицает формальный принцип буржуазного права» [5, с. 144].

В отношении состава преступления нововведением выступают нормы о формах вины (умысле и неосторожности), которые были заимствованы из Уложения 1903 года. Также были закреплены цели наказания и иных мер социальной защиты, указанные в ст. 8 УК РСФСР 1922 года: а) общего предупреждения новых нарушений, как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путём исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений.

При анализе системы наказаний, можно прийти к выводу, что отсутствие смертной казни указывает на приверженность гуманизма представителей классической школы права. По вопросу относимости к школам права УК РСФСР 1922 года Д. А. Илло отметил: «В УК РСФСР 1922 г. всё отчётливее находили отражение идеи социологического направления теории уголовного права. Так, при определении меры наказания предписывалось учитывать, прежде всего, степень общественной опасности и характер преступника, и только после этого – характер и степень общественной опасности совершённого им преступления» [6, с. 81].

Подводя итог исследованию данного нормативного акта, необходимо отметить, что УК РСФСР 1922 года обладал рядом отрицательных черт, среди которых: ошибочное введение понятия «социально опасный элемент» как самостоятельного

основания уголовной ответственности, включение вместо дополнительных наказаний терминологически неясных «мер социальной защиты», введение высылки по ст. 49 с не уголовно-правовыми основаниями её применения. Однако невозможно не отметить положительные черты, которые являлись результатом сочетания идей социологической школы и неоклассической. В частности, к положительным чертам относится: ясное раскрытие социальной природы советского уголовного законодательства, его задач, понятия преступления, обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, целей наказания; реализация принципа вины восстановлением норм об умысле и неосторожности; гуманность системы наказания.

Дальнейшее развитие мер социальной защиты произошло вследствие принятия и вступления в юридическую силу Основных начал уголовного законодательства в октябре 1924 года. Наиболее яркой чертой данного нормативного акта является отказ от понятия наказание и замена его понятием «мера социальной защиты». Профессор А. А. Пионтковский по поводу введения данного понятия указывал: «Взгляд на меры социальной защиты как на нецелесообразные меры обороны, красной нитью проходит через всё уголовное законодательство». Введение Основными началами института «меры социальной защиты», на наш взгляд, является ошибочным с учётом дефектности данного понятия в том отношении, что, выявляя в репрессии момент «защиты», оно не выявляло сути правовой репрессии [7, с. 55].

Несмотря на указанные недостатки, Основные начала установили понятийный аппарат уголовного права. Сохраняя основные категории права, существовавшие на тот период в СССР, данный нормативно-правовой акт способствовал дальнейшему углубленному изучению и развитию уголовно-правовых институтов.

Завершающим нормативным актом второго этапа является УК РСФСР 1926 года, который был принят в связи с существующими недостатками, пробелами, коллизиями, а также в связи с необходимостью приведения в соответствие с Основными началами уголовного законодательства 1924 года.

Характерной особенностью УК РСФСР 1926 года является то, что в основу данного акта были положены Основные начала уголовного законодательства, также многие положения были продублированы из УК РСФСР 1922 года, а ряд положений был дополнен и конкретизирован. Таким образом, исследуемый акт включал в себя следующие меры социальной защиты: а) меры социальной защиты судебно-исправительного характера; б) меры медико-педагогического характера; в) меры медицинского характера.

Анализ положений УК РСФСР позволяет утверждать, что в первые годы советского периода развития уголовного наказания как института уголовного права был направлен на расширение сферы уголовной репрессии.

Характерной особенностью второго этапа является то, что были определены цели наказания (социальной защиты), установлен категориальный аппарат уголовного права. Советское уголовное законодательство в отмеченный период, прервав, по существу, отчётливо наметившуюся тенденцию реализации идей классической школы уголовного права, встало на позиции позитивистских

концепций наказания, где главным являлись идеи «личности преступника» и «общественной опасности личности».

Таким образом, исследуемый период является одним из наиболее важным в сфере реформирования уголовного законодательства советского периода, в связи с формированием новых институтов права, реформирование существующих, попытками устранения пробелов и коллизий в правоприменительной деятельности. Сформировавшиеся на данном этапе нормы явились основой для дальнейшего формирования и развития законодательства СССР. Анализируя современное уголовное законодательство ряда бывших советских республик, можно заметить, что отдельные положения берут начало с норм советского периода, что обуславливает важность проведенного исследования. Не смотря на несовершенство существующих норм советского уголовного права, регламентирующих институт наказания (социальную защиту), он явился базисом для становления современного понимания исследуемой юридической категории.

Список источников

1. Шишов, О. Ф. Основные этапы развития советского уголовного права / О. Ф. Шишов // Вестник РГГУ. – 2014. – № 3. – С. 42–43.
2. Альбов, А. П. История отечественного государства и права в 2-х частях. Часть 2. XX – начало XIX века: учебник для СПО / А. П. Альбов. – М.: Юрайт, 2018. – 324 с.
3. Сыч, К. А. Уголовное наказание и его состав: Теоретико-методологические аспекты исследования: дисс. ... д-ра юрид. наук: специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. – Рязань, 2001. – 408 с.
4. Постановление Наркомюста 12 декабря 1919 года «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#006924834860771889> (дата обращения: 11.10.2019). – Загл. с экрана.
5. Исаев, И. А. История отечественного государства и права / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2015. – 934 с.
6. Илло, Д. А. Институт наказания в советском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология / Д. А. Илло; науч. рук. В. А. Номоконов. – М., 2007. – 81 с.
7. Пионтковский, А. А. История отечественного государства и права / А. А. Пионтковский. – М.: ИЛ, 2014. – 180 с.

Поступила в редакцию 03.12.2019 г.

INSTITUTE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article deals with the periodization of the development of the institution of criminal punishment in the Soviet period, the features of normative acts regulating this sphere of legal relations. A number of positive and negative aspects in the formation of the institution of punishment were revealed, which allowed to establish the historical value for modern criminal law. The study used the method of analysis, deduction.

Keywords: criminal law, Institute of criminal punishment, historicism, normative act.

Вишневский Ярослав Альбертович
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yaroslav.vyshnevskyy@gmail.com

Vyshnevskyy Yaroslav
senior lecturer of the department criminal law
and process of Donetsk national university
DPR, Donetsk
E-mail: yaroslav.vyshnevskyy@gmail.com

Евтушенко Юлия Викторовна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: julia.evtushenko99@gmail.com

Yevtushenko Yulia
student of the Faculty of Law of Donetsk
national university
DPR, Donetsk
E-mail: julia.evtushenko99@gmail.com

УДК 355.01

Герасименко Ю. В.

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК РЕГУЛЯТОРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрена роль правосознания как особого регулятора общественных отношений. Определены нравственные аспекты правосознания и формирования культурно-правовых ценностей как основных ориентиров правомерного поведения участников правоотношений.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, культурно-правовые ценности, регулятор общественных отношений, правомерное поведение.

Эффективное правовое регулирование общественных отношений не представляется возможным без исследования социально-психологических механизмов действия права. Укрепление законности и правопорядка в государстве возможно только при всестороннем учете психологических аспектов права. Актуальность исследуемой темы заключается в том, что сегодня наше государство непосредственно ощущает на себе все негативные последствия вооруженного конфликта. Кроме того, трудным вызовом для нашего государства является переход к другому типу правовой системы. В этой непростой ситуации, когда правовая система продолжает процесс своего формирования, неизмеримо возрастает роль правосознания, как важнейшего социального регулятора.

Традиционно в юриспруденции внимание научной мысли обращено к правовым нормам, как основным регуляторам общественных отношений. В то же время, очень часто из исследовательского поля зрения выпадает такое значимое явление как правосознание, играющее не менее важную роль в регулировании социальных отношений.

Правосознания является неотъемлемой частью всей правовой системы государства и имеет неразрывную связь с системой права, правотворческой и правоприменительной деятельностью.

Проблематика исследования роли правосознания как регулятора общественных отношений стала предметом научного интереса ученых: И. А. Ильина, А. С. Хомякова, С. С. Алексеева, В. М. Горшнева, В. С. Нерсисянца, Д. А. Керимова, М. Н. Марченко, В. В. Лазарева, П. П. Баранова, В. И. Гоймана, Н. И. Матузова, В. И. Букреева, Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова, И. Ф. Покровского, И. Ф. Рябко, А. П. Семитко.

Целью исследования является попытка осмыслить морально-этические аспекты правосознания как регулятора общественных отношений.

Правосознание является духовно-нравственным фундаментом всей правовой системы государства. Для нашего общества, которое проходит процесс становления в непростых политических и экономических условиях, проблема укрепления правовых ценностей и правосознания становится особенно существенной.

© Герасименко Ю. В., 2020

Прежде всего, необходимо определиться с дефинициями основных понятий и признаков. В научной литературе нет единого подхода к определению правосознания, хотя формулировки различных авторов имеют общее сходство.

Авторы учебника по теории государства и права В. В. Лазарев и С. В. Липень определяют правосознание как одну из форм общественного сознания, представляющую собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности [1, с. 315].

Известный ученый С. С. Алексеев определяет правосознание как «субъективное явление, состоящее из представлений людей о праве, из субъективного отношения к самому феномену права, его ценностям, из правовой психологии и даже из индивидуальной или массовой эмоциональной реакции на право...» [2, с. 265].

По мнению М. Н. Марченко «правосознание представляет собой совокупность взглядов, идей, чувств, настроений, относящихся к праву. Оно включает и само представление о праве, т.е. правопонимание, взгляды на роль права, правовых учреждений в жизни общества и государства, идеи о правах человека, его ответственности перед другими людьми, государством и обществом» [3, с. 336].

Исследуя структуру правосознания, как правило, принято выделять такие основные элементы как правовую идеологию и правовую психологию. В. В. Лазарев к правовой идеологии относит представления, взгляды, понятия и убеждения о правовой действительности. Идеологический элемент правосознания представляет собой систематизированные представления о правовых явлениях. Правовая идеология не возникает произвольно, а вырабатывается специалистами-правоведами [1, с. 316].

Считаем важным отметить, что правовая идеология, как элемент правосознания должна нести в себе духовные, гуманные возможности, быть ориентированной на основные общечеловеческие ценности, создавать необходимые условия для содействия реализации их прав и свобод. Правовая идеология должна отображать прогрессивные идейные взгляды своей эпохи, основываясь на традиционных для данного общества ценностях, вбирая в себя исторический и духовный опыт прошлых поколений.

Правовая психология, напротив, имеет стихийный характер и выражает чувства, эмоции, настроения людей в отношении к праву. Психологический аспект правосознания имеет большое влияние на развитие правовой идеологии.

Некоторые ученые кроме правовой идеологии и правовой психологии в структуре правосознания выделяют еще и поведенческий элемент. Как отмечает В. В. Лазарев, поведенческий элемент «...характеризует готовность личности к совершению сознательных правовых поступков. На этом уровне на основе идеологических и психологических элементов формируются определенные поведенческие ориентации, мотивы, установки» [1, с. 317].

Следует согласиться с мнением С. С. Алексеева о том, что правосознание – это явление, относящееся к субъективной сфере жизни общества и проявляющее духовную, интеллектуальную, социально-психологическую жизнь участников правоотношений [2, с. 265].

Правосознание взаимодействует с механизмом правового регулирования, являясь значимым социальным регулятором. Механизм правового регулирования опирается

на государственное принуждение, а правосознание воздействует на правоотношения через духовно-психологические аспекты. Делая акцент на том, что право выступает в роли силового регулятора, нельзя упускать из вида, что право имеет еще один аспект. Право является еще выражением духовной жизни общества, содержит в себе критерии поведения людей, суждения о ценностях.

Общественное правосознание выполняет важную регулятивную функцию, иногда вовсе заменяя правовое регулирование общественных отношений. Высокий уровень правосознания каждого члена общества обеспечивает эффективную реализацию правовых норм. Ни один государственный закон не сможет поднять уровень нравственности в обществе путем декларирования отдельных норм. Как отмечает Н. И. Матузов, «на право нельзя возлагать завышенные, несбыточные надежды – оно не всесильно. Наивно требовать от него большего, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института» [4, с. 145].

Правовые нормы – это официально признанные правила поведения, которые оформляют уже реально существующие отношения. Вопрос эффективного правового регулирования отношений в обществе невозможно решить без учета особенностей становления и развития общественного правосознания. Процесс становления и развития правосознания характеризуется формированием определенных культурно-правовых ценностей, созданных определенной национальной традицией. Изучение правосознания и правовой культуры связано не только с исследованием их структуры и видов, но и с решением вопроса о том, какие правовые ценности и идеи они транслируют в реальности.

Для нравственной личности наличие правовых норм вовсе не обязательное условие правомерного поведения, поскольку чувство собственного достоинства является лучшим основанием правомерного поведения. Правосознание является одним из важнейших спутников права. В русском национальном сознании слово «право» ассоциируется с такими явлениями как правда, справедливость. Внутренняя правда преобладает над содержанием правовых предписаний над «внешней правдой». Поведение человека – это проявление его собственного выбора между добром и злом. Эталоном поведения является совесть человека, которая подчиняет личную волю моральным требованиям и выражается в совершении поступков по своей свободной воле.

Сущность общественного сознания выражается в том, что оно выступает необходимым условием самоорганизации и саморазвития общества. Стержневым аспектом правосознания является осознание людьми ценности права, о том, насколько позитивное право отвечает требованиям добра и справедливости.

Механизм правосознания содержит морально-этический фундамент, состоящий из уважения к праву, разумности, справедливости и добросовестности каждого участника правоотношений. Поэтому определение ориентиров поведения участников правоотношений неразрывно связано не столько с правовыми нормами, сколько с морально-этическими основами общества.

Известный русский философ И. А. Ильин в своих работах уделяет особое внимание ценностному аспекту правосознания. Он выделяет нравственные основы «здорового» правосознания, названные им «аксиомами».

Во-первых, это духовное достоинство личности. Каждая личность имеет развитое самосознание, осознает свои обязанности и понимает право так, чтобы не унижать себя совершением преступления. Основой здорового правосознания личности является развитое чувство собственного достоинства и самоуважения. По мнению философа, чувство собственного достоинства вызывает в человеке «сознание своей ответственности, а взаимность обязанностей и полномочий, взаимная связь правовых ячеек и солидарность всех в отношении к единому и общему правопорядку – вызывают в его душе непреклонную волю и живую готовность к блюдению своих обязанностей» [5, с. 318].

Во-вторых, это «закон автономии»: человек обладает свободной волей, т.е. исполняя законы, не совершает никакого насилия над собой, поскольку имеет личные убеждения о добре и зле, о цели права. Истинная автономия доступна лишь тому, кто совершил духовное самоутверждение и утвердил в себе духовное достоинство. И. А. Ильин отмечает, что быть гражданином значит, иметь самостоятельные убеждения в том, что есть добро и зло, что такое право и государство и какова их высшая цель. Вне этого гражданин не способен ни к личному, ни к политическому самоуправлению. Ученый акцентирует внимание на том, что духовное развитие народа – единственный путь к политической свободе. Безнравственная политика всегда обречена на крушение [5, с. 338].

В-третьих, это взаимное духовное признание людей, уважение и доверие их друг к другу. Человек не может жить в обществе, не вступая в отношения с другими людьми. Столкновение интересов порождает конфликты, которые должны находить цивилизованные решения. Право возможно только там, где есть живое отношение между людьми. Определяя третью аксиому правосознания, Ильин пишет: «Кто говорит о своем полномочии, тот подразумевает соответствующую ему обязанность другого, но признать за кем-нибудь правовую обязанность, значит утвердить его правоспособность, т. е. признать его *духовную природу*. И точно так же, кто говорит о своей обязанности, тот признает соответствующее ей полномочие другого; а это значит утвердить его правоспособность, т. е. *духовную сущность*» [5, с. 363].

Правосознание является важнейшим аспектом общественной жизни, поскольку модель поведения личности регламентируется не только правовыми нормами, но и индивидуальными моральными ориентирами. Особое значение правосознание приобретает в переломные моменты жизни общества, именно поэтому важным заданием государства является стимулирование развития в обществе морально-этических основ. В свою очередь, эти моральные принципы, воплощаясь через идеи справедливости и добросовестности, выступают фундаментом формирования высокого уровня правовой культуры и правосознания, что, безусловно, является залогом саморазвития общества. Правосознание образует необходимый психологический и идеологический контекст для добровольного соблюдения субъектами правовых норм.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением С. С. Алексеев, который отмечает, что правосознание обладает регулятивной энергией, оказывающей огромное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность государственных органов, важным критерием при толковании права и восполнении пробелов. Правосознание

примыкает к позитивному праву и взаимодействует в тесном контакте с законами, придавая им социально ориентированный характер [2, с. 267].

Роль правосознания как регулятора общественных отношений заключается в том, что через правовые установки и морально-этические ориентиры правосознание влияет на мотивацию поведения субъектов в виде правомерного или неправомерного поведения. Регулирующая роль правосознания заключается в возможности человека самостоятельно определять границы своего поведения, опираясь на моральные принципы. Таким образом, высокий уровень общественного правосознания способен поддерживать общественный порядок и реализацию субъективных прав, даже в случае недостаточно эффективного правового регулирования.

Список источников

1. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учеб. для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Спарк, 2004. – 527 с.
2. Алексеев, С. С. Право: азбука–теория–философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: «Статут», 1999. – 712 с.
3. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект: Изд-во Московского ун-та, 2018. – 636 с.
4. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
5. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993–1999. – Т. 4. – 1994. – 620 с.

Поступила в редакцию 03.12.2019 г.

ROLE OF LEGAL CONSCIOUSNESS AS A REGULATOR OF PUBLIC RELATIONS

The article considers the role of legal awareness as a special regulator of public relations. The article defines the moral aspects of legal awareness and the formation of cultural and legal values as the main guidelines for the lawful behavior of participants in legal relations.

Keywords: legal awareness, legal culture, cultural and legal values, public relations regulator, lawful behavior.

Герасименко Юлия Вячеславовна
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: iuliatr@yandex.ru

Gerasimenko Yulia
senior Lecturer at the Department of Theory
and History of State and Law of Donetsk
national university
DPR, Donetsk
E-mail: iuliatr@yandex.ru

УДК 343.622

Гулина С. Н.
Гокунь Ю. С.

УБИЙСТВО МАТЕРЯМИ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В данной статье рассматривается такое отрицательное явление российского социума как убийство матерями новорожденных детей. Проанализированы элементы состава изучаемого преступления. На основании проведенного анализа были установлены причины убийства матерями своих новорожденных детей. Авторами определен период, на протяжении которого ребёнок считается новорожденным.

Ключевые слова: убийство, мать, новорожденный ребёнок, состав преступления, новорожденность.

Согласно отчёту Росстата, в Российской Федерации уровень рождаемости за последние годы значительно снизился. Однако на фоне общей проблемы даже в тех семьях, где родились дети, появляется другое отрицательное явление – убийство матерями новорожденных детей.

Необходимо отметить, что состав данного преступления имеет свои особенности. Субъектом преступления является мать потерпевшего. По общему правилу, уголовная ответственность наступает в Российской Федерации с шестнадцати лет. Согласно ч. 2 ст. 20 Уголовного Кодекса Российской Федерации [1], четырнадцатилетние вне зависимости от пола могут привлекаться к уголовной ответственности за убийство и ряд других преступлений. Важным моментом необходимо считать то, что перечень преступлений, содержащийся в ч. 2 ст. 20 УК ДНР, является исчерпывающим. При изучении данного перечня было установлено, что такое преступление, как убийство матерью новорожденного ребёнка (ст. 106 УК РФ), в нём не содержится, значит, в соответствии с законом, в том случае, если четырнадцати либо пятнадцатилетнее лицо женского пола лишит жизни своего новорожденного ребёнка, оно не будет подлежать уголовной ответственности.

Однако, ч. 2 ст. 20 УК РФ содержит ссылку на ст. 105, один из пунктов которой указывает на то, что убийство малолетнего лица либо лица, находившегося в заведомо для преступника беспомощном состоянии, подлежит наказанию. Новорожденного ребёнка можно назвать как малолетним, так и беспомощным. Следовательно, уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребёнка также должна наступать в четырнадцать лет. В связи с этим возникает коллизия в законодательстве.

© Гулина С. Н., Гокунь Ю. С., 2020

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит положений, определяющих возрастные рамки, в которых должно находиться лицо, названное малолетним. Из-за отсутствия таких положений возникает необходимость в обращении к гражданскому законодательству. Часть 1 статьи 28 ГК РФ [2] указывает на то, что малолетним является лицо, находящееся в возрасте до четырнадцати лет, а значит таковым может быть признан и новорожденный, что делает понятие «новорожденный» и «малолетний» схожими, но не тождественными, т.к. малолетним может быть и лицо немладенческого возраста.

Считаем целесообразным при ограничении понятий «новорожденный» и «малолетний» учитывать и состояние беспомощности, в котором находится жертва преступления. Беспомощное состояние вполне обоснованно можно назвать оценочной категорией [3, с. 78–81]. В пользу этого свидетельствует тот факт, что не всех лиц, находящихся в возрасте до четырнадцати лет, можно назвать беспомощными [4, с. 226–231], т.к. часть из них может предпринять соответствующие меры для своей защиты при нападении на них и посягательстве на их жизнь. Новорожденные дети в любом случае будут считаться беспомощными, т.к. они ни каким образом не смогут защитить себя при противоправном посягательстве. Очевидно, что состояние беспомощности и новорожденности делает схожим неспособность лица защитить себя. К тому же, к беспомощным лицам также принято относить не только малолетних, но и несовершеннолетних (лиц, находящихся в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет) и взрослых, которые по каким-либо причинам не могут защитить себя (например, если жертва была убита, когда спала). Поэтому, считаем, что «беспомощное состояние» (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и «новорожденность» (ст. 106 УК РФ) следует ограничивать от друг друга по причине возраста жертвы и того, что жертвой преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, могут быть малолетние, несовершеннолетние и совершеннолетние лица.

В качестве ещё одного аргумента укажем на то, что п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ имеет более широкий смысл в связи с тем, что убийцей может быть не именно мать новорожденного ребёнка, а какой-либо другой человек. Статья 106 УК РФ является более конкретной и применимой для более узкого круга убийств.

Проанализировав всё вышесказанное, отметим, что состав преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и состав преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, нельзя отождествлять, т.к. они отличаются не только по объекту преступления, но и по субъекту, времени совершения преступления, по наличию (отсутствию) психотравмирующей ситуации либо психического расстройства, не исключающего вменяемости в период новорожденности ребёнка [5, с. 160–163]. Из этого логически вытекает и не возможность привлечения лица женского пола, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, к уголовной ответственности.

Необходимо учитывать и то, что, с одной стороны, посадить шестнадцатилетнего подростка в тюрьму с моральной и с социальной точки зрения не совсем уместно, в частности, если на убийство молодую мать побудили не эгоистические мотивы, а, например, осуждение со стороны родителей и ровесников.

С другой стороны, девочка, убившая своего первого ребёнка, может совершить рецидив через несколько лет, если после первого нарушения закона не будут приняты соответствующие меры. В этом случае привлечение к уголовной ответственности крайне необходимо.

Следующим признаком субъекта преступления является вменяемость. Вменяемость подразумевает под собой отсутствие каких-либо отклонений в психике. Вменяемый, т.е. психически здоровый человек, способен отдавать отчёт о своих действиях (бездействиях) и руководить ими. По этой причине преступником может быть только психически здоровое лицо. Для матерей, убивших своих детей в состоянии психического расстройства, необходимо применение принудительных мер медицинского характера, начиная от наблюдения и лечения у психиатра в амбулаторных условиях и заканчивая лечением в медицинской организации специализированного типа с усиленным наблюдением в стационарных условиях.

Субъективная сторона преступления характеризуется мотивом, целью, виной, а также эмоциональным состоянием правонарушителя. Мотив указывает на то, что побудило мать к убийству ребёнка. В качестве мотива для убийства может выступать тяжёлое материальное положение, в котором находится мать, отсутствие как моральной, так и финансовой поддержки со стороны родственников, непризнание отцом новорожденного ребёнка, отказ отца вступать в брак с матерью ребёнка, осуждение окружающих и т.д.

Мотивом могло послужить и отсутствие у роженицы материнского инстинкта. В том случае, если активизации данного инстинкта не произошло, мать попытается избавиться от ребёнка. Сделать это она может несколькими способами, например, подкинуть ребёнка кому-либо, оставить его на улице или убить. Наиболее распространённым является третий вариант. Отсутствие материнского инстинкта выявить сложно, поэтому чаще всего в качестве мотива, подтолкнувшего женщину к совершению преступления, выделяют социально-экономические причины.

Мотивировать мать на совершение убийства новорожденного ребёнка и стремление матери защитить ребёнка от окружающих, от всех опасных ситуаций, которые существуют в мире. Мать, видя негативные стороны в социальной, экономической, политической сферах общества, боясь проблем, с которыми ребёнок может столкнуться, видя безысходность некоторых событий, решается на совершение преступлений. Подобные размышления и стремления нельзя назвать естественными или нормальными, однако они встречаются довольно часто.

Следующим элементом субъективной стороны является цель, т.е. тот результат, к достижению которого стремится преступник. В случае с детоубийством цель очевидна – смерть ребёнка.

Такая уголовно-правовая категория как вина существует в форме умысла и неосторожности. Необходимо отметить, что детоубийство совершается только умышленно, т.к. мать ребёнка осознаёт общественную опасность совершаемого деяния, рассуждает о его последствиях и прилагает определённые усилия для его осуществления. Умысел может быть косвенный и прямой [6]. При косвенном умысле женщина рассчитывает на наступление смерти как на один из возможных вариантов исхода. При этом обязательно существует ещё несколько вариантов завершения

сложившейся ситуации, например, оставленного ею ребёнка в мусорном баке найдут случайные прохожие и спасут. Прямой умысел предполагает наступление для ребёнка только летального исхода. Совершая детоубийство с прямым умыслом, мать осознаёт всю опасность своих действий или бездействия, отдаёт себе отчёт о том, что собирается осуществить и желает наступления смерти ребёнка.

Эмоциональное состояние матери играет важную роль в совершении преступления. Действия матери во время убийства ребёнка могут совершаться как в обычном (стабильном) состоянии, так и в условиях психотравмирующей ситуации. Обычное (стабильное) психическое состояние подразумевает отсутствие у матери новорожденного ребёнка какого-либо нарушающего эмоциональное спокойствие обстоятельства. Психотравмирующая ситуация может возникнуть до, во время либо после родов. Во время вспышки страха, гнева или отчаяния женщина теряет контроль над собой и решается на совершение преступления. При таком состоянии доминирующим является не интеллект, а сильная возникшая эмоция. Вследствие этого, убийца практически перестаёт контролировать свои поступки. Однако самообладание всё же не теряется, что не снимает ответственности с преступника.

В качестве объекта преступления выступает жизнь новорожденного ребёнка. Однако ни в одном нормативно-правовом акте нет положения, которое могло бы дать определение такому понятию, как новорожденный ребёнок, новорожденность и установить отрезок времени, в который ребёнок считается новорожденным. В связи с этим возникает необходимость в обращении к медицинской и судебно-медицинской литературе. В педиатрии новорожденным считается ребёнок в течение 3–4 недель после родов [7, с. 893]. Согласно акушерскому критерию новорожденности, ребёнок считается новорожденным в первые семь дней своей жизни [8, с. 576]. В судебной медицине период новорожденности равен одним суткам [9, с. 94–114]. Ясность в данный вопрос внесло вступление в силу МКБ-10. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем Десятого пересмотра (МКБ-10) установила, что ребёнок считается новорожденным до 28 недель жизни [10]. Следовательно, к ответственности по ст. 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации должны быть привлечены матери, убившие своих детей, находящихся в возрасте до 28 недель.

Объективная сторона имеет структуру, включающую в себя деяние, причинно-следственные связи, соединяющие деяние с заключительным элементом, последствием в виде наступления смерти и самой смерти. Деяние как элемент объективной стороны преступления может существовать как в виде совершения какого-либо действия, так и в виде бездействия. Убийства младенцев, совершённые посредством действия, существуют в виде удушения, нанесения травм, утопления, выбрасывания ребёнка с высоты и т.д. Необходимо отметить, что наиболее распространённым способом детоубийства, совершённым путём активных действий, является нанесение механических повреждений, т.е. травм. Убийство посредством бездействия выражается в оставлении новорожденного ребёнка в условиях с очень низкой или высокой температурой и в отказе от кормления. Действие и бездействие сближает то, что они могут совершаться как в форме единичного акта невыполнения

обязанностей (оставление новорожденного на сильном морозе), так и в форме системы таких актов (систематический отказ матери в кормлении младенца).

Причинно-следственные связи соединяют какое-либо явление (причину) с результатом (следствием) и указывают на то, что именно чётко определённое событие привело к установленному результату. В качестве причины выступает деяние, совершённое матерью, например, нанесение удара младенцу по голове тупым предметом. Следствием же является смерть новорожденного. В случае с убийством матерью новорожденного установить причинно-следственные связи легко. Однако существует мнение о том, что причинно-следственные связи между бездействием и наступлением последствия существовать не могут. При этом нельзя отрицать факт, подтверждающий наличие причинно-следственной связи между бездействием матери и наступления смерти новорожденного. Таким фактом может являться причинно-следственная связь между неполучением пищи новорожденным от матери на протяжении длительного отрезка времени и наступившая вследствие этого смерть от голода. В качестве аргумента, указывающего на наличие связи между бездействием и результатом, можно привести также следующий пример. Мать, зная о том, что новорожденный может застрять между кроватью и стеной, при этом задохнуться и умереть, не предприняла никаких действий для его спасения. Поэтому в случае с детоубийством причинно-следственные связи между бездействием и последствием существуют.

Последним элементом объективной стороны является последствие, существующее в виде смерти младенца, т.е. прекращения всех биологических и физиологических процессов в организме новорожденного.

Необходимо отметить, что состав данного преступления считается привилегированным, это указывает на то, что оно совершено при смягчающих обстоятельствах [11, с. 603]. В этом случае к смягчающим обстоятельствам относится неблагоприятное влияние на психику женщины, вызванное беременностью и родами, а также некоторые экономические и социальные причины, негативно повлиявшие на мать ребёнка. Хоть состав детоубийства и является привилегированным, однако, смягчающие обстоятельства не снимают с убийцы ответственности.

Убийство новорожденного можно назвать одним из наиболее аморальных современных преступлений. На это указывает тот факт, что именно мать, т.е. человек, призванный заботиться и защищать своего ребёнка, совершает противоправное деяние, направленное на лишение жизни беззащитного младенца. Поэтому государство должно обратить особое внимание на подобные преступления и предпринять все необходимые меры для предупреждения убийств матерями новорожденных детей.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.06.2020). – Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.06.2020). – Загл. с экрана.

3. Шикулина, И. Р. Теоретические и практические проблемы определения понятия «Беспомощное состояние» в уголовном праве России / И. Р. Шикулина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3(25). – С. 78–81.
4. Павлов, Д. В. Вопросы легализации категории «малолетнее лицо» в науке уголовного права / Д. В. Павлов, О. В. Гаврилова // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия: сб. ст. – 2018. – С. 226–231.
5. Зимина, У. Е. Некоторые вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / У. Е. Зимина // Инновационная наука. – 2015. – № 11-3. – С. 160–163.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева и Ю. И. Скуратова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – 868 с.
7. Педиатрия: учебник для медицинских вузов / под ред. Н. П. Шабалова. – СПб.: СпецЛит, 2003. – 893 с.
8. Дуда, В. И. Акушерство: учебник / В. И. Дуда. – Минск: РИПО, 2013. – 576 с.
9. Антонян Ю. М. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы / Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова, Е. Б. Кургузкина // Lex Russica. – 2018. – № 3(136). – С. 94–114.
10. Законодательная база Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/70478> (дата обращения: 21.06.2020). – Загл. с экрана.
11. Сверчков, В. В. Уголовное право: учебник для среднего профессионального образования / В. В. Сверчков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 603 с.

Поступила в редакцию 02.11.2019 г.

KILLING BY MOTHER OF NEWBORN CHILDREN: SPECIFIC MATTERS IN DETERMINING THE COMPOSITION OF THE CRIME

This article has such a negative phenomenon as the killing by mothers of newborn children. The elements of the studied crime are analyzed. Based on the analysis, the reasons for the killing by mothers of their newborn children were established. This was the period when the child is considered a newborn.

Keywords: murder, mother, newborn child, crime, newborn.

Гулина Светлана Николаевна
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Gulina Svetlana
senior lecturer of the department criminal law
and process of Donetsk national university
DPR, Donetsk
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Гокунь Юлия Сергеевна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

Gokun Julia
student of the Faculty of Law of Donetsk
national university
DPR, Donetsk
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 347.1

Дербишева О. А.

ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ЗАМЕНЫ НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ СТОРОНЫ

В статье исследуется дефиниция понятия замены ненадлежащей стороны и выделяются условия совершения этого процессуального действия. Сформулировано определение ненадлежащей стороны, определены условия замены первоначального на надлежащего.

Ключевые слова: ненадлежащая сторона; надлежащая сторона; стороны гражданского процесса; замена ненадлежащей стороны; гражданский процесс.

Актуальность данной научной статьи основывается на том, что законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в настоящее время находится в состоянии становления и соответствующего развития. В данном случае не является исключением и гражданско-процессуальное законодательство, призванное рассматривать и разрешать гражданские дела справедливо, беспристрастно и своевременно.

Вопросы, касающиеся научной обоснованности замены ненадлежащей стороны, будь то истец или ответчик, в гражданском судопроизводстве нашли свое отражение в подобных научных исследованиях. В научных работах замену ненадлежащей стороны изучали О. И. Абрамова, А. В. Галиахметова, В. М. Жуйков, Д. А. Курбанов, А. А. Терегулова, а также ряд других авторов.

Целью данного научного исследования следует считать анализ правовых и процессуальных аспектов института замены ненадлежащей стороны, а также внесение предложений и изменений в действующее законодательство ДНР.

Подобного рода исследование означает наличие на практике процессуальных пробелов в сочетании с возможностью их устранения. В первую очередь, это связано с тем, что нормативная правовая база ДНР формируется в связи с текущей ситуацией.

Для анализа правовых и процессуальных аспектов института замены ненадлежащей стороны в гражданском судопроизводстве необходимо начать с нормативных правовых актов, действующих на территории ДНР.

Постановлением Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2016 г. установлено, что законы и другие правовые акты, действовавшие на территории ДНР до вступления в силу Конституции ДНР, должны применяться в той мере, в какой они не противоречат Конституции ДНР [1].

В связи с вышеизложенным, а также в связи с отсутствием собственного республиканского Гражданско-процессуального кодекса (далее – ГПК), на территории ДНР действует ГПК Украины в редакции по состоянию на 14.05.2014 г.

© Дербишева О. А., 2020

Считаем целесообразным рассмотреть вопросы правовых и процессуальных аспектов института замены ненадлежащей стороны именно на данном этапе развития законодательства ДНР, что позволит учесть предложенные нами научно-практические рекомендации при принятии ГПК ДНР органами законодательной власти ДНР.

Право на судебную защиту является одним из неотъемлемых прав граждан и закреплено на высшем законодательном уровне – конституционном. Так, согласно с ч. 1 ст. 39 Конституции ДНР, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [2].

В то же время подобного рода права закреплено и в гражданском процессуальном законодательстве, действующем на территории ДНР. В частности, согласно ч. 1 ст. 3 ГПК Украины каждый имеет право в порядке, предусмотренным настоящим Кодексом, обратиться в суд за защитой своих нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов [3].

Можно отметить, что в гражданском процессуальном законодательстве данное право лица не только закреплено, но и имеет широкий характер.

Аналогичным образом, необходимо обратить внимание на ч. 3 ст. 3 ГПК Украины, в которой говорится, что отказ от права обращения в суд за защитой является недействительным [3].

Таким образом, лицо не может быть лишено права обращаться в суд за защитой своих прав. Однако необходимо остановиться на таком вопросе, как ненадлежащий истец или ответчик.

Исходя из вышеизложенного, любой правоспособный и дееспособный гражданин может занимать ту или иную позицию в гражданском процессе, а именно выступать в качестве истца или ответчика.

По общему правилу, для того чтобы стать участником гражданского судопроизводства, тот или иной его субъект должен иметь определенный материальный и правовой интерес в исходе дела, то есть быть надлежащей стороной.

Согласно с ч. 1 ст. 31 ГПК Украины, сторонами в гражданском процессе являются истец и ответчик [3].

В науке гражданского процессуального права существуют разные подходы к определению понятия истца. Полагаем, что наиболее полно данное понятие раскрывает А. А. Терегулова, которая утверждает, что истцом следует считать предполагаемого участника спорного материального правоотношения, обратившегося в суд, чье право якобы нарушено или чей законный интерес оспорен ответчиком [4, с. 169].

Как отмечает в своих работах Д. А. Курбанов, под ответчиком следует понимать лицо, на которое истец указывает как на нарушителя своих субъективных, материальных прав или охраняемых законом интересов и которое в результате привлекается судом к ответственности [5, с. 50].

При подаче иска истец должен предоставить суду данные, которые показали бы, что он является надлежащим истцом, а лицо, на которое подан иск, является надлежащим ответчиком. При открытии судопроизводства предполагается, что стороны являются субъектами возникшего спорного правоотношения.

Кроме того, иногда при рассмотрении дела, чаще всего в самом начале процесса, исключается само предположение, что одна или обе стороны являются субъектами спорного правоотношения. В этом случае сторона или стороны признаются ненадлежащими и подлежат замене в порядке, установленным гражданско-процессуальным законодательством.

Такой институт гражданско-процессуального права, как институт замены ненадлежащей стороны, весьма важен не только в теории, но и на практике. Данный институт позволяет правильно и точно определить правовой статус (объем прав и обязанностей) каждого из участников гражданского процесса.

В основе понятия надлежащей стороны положен материально-правовой признак, который подразумевает, что та или иная сторона является законным обладателем прав, интересов или обязанностей, по которым суд должен принять решение. Исходя из этого, получается, что исход судебного разбирательства априори не может быть решен в пользу ненадлежащего истца, поскольку изначально он не имел права на судебную защиту именно в материально-правовом смысле [6, с. 28].

Совершенно иная ситуация складывается с ненадлежащим ответчиком, который, напротив, всегда будет иметь исход судебного разбирательства в свою пользу, поскольку такой ответчик не является носителем спорной обязанности.

Получается, что если в процессе участвует ненадлежащий ответчик, то истец также не имеет права на защиту в материально-правовом смысле.

Однако надлежащий истец, в отличие от ненадлежащего ответчика, имеет возможность реализовать свое конституционное право на защиту в материально-правовом смысле при условии участия в процессе надлежащего ответчика.

Гражданское процессуальное законодательство не содержит понятие ненадлежащей стороны, но его можно выделить в науке. Важно отметить, что законодательное закрепление этого понятия позволит устранить многоаспектность его толкования и включать в него другие характерные признаки.

Под ненадлежащей стороной следует понимать лица, в отношении которых исключается предположение о том, что они являются субъектами спорного материального правоотношения, то есть носителями спорных прав и обязанностей [7, с. 103].

Проанализировав научное понятие ненадлежащей стороны, представляется необходимым выявить ее признаки, которые будут выступать в качестве ее характерных признаков. Во-первых, ненадлежащей стороной могут быть только лица, участвующие в деле, а именно стороны.

Во-вторых, такое лицо должно обладать необходимой правоспособностью и дееспособностью, что составляет его гражданскую процессуальную правосубъектность.

В-третьих, в настоящее время между сторонами отсутствуют спорные правоотношения, которые могут быть разрешены в гражданском процессе. Следует подчеркнуть, что в случае привлечения ненадлежащей стороны задачи гражданского судопроизводства будут совершенно не достигнуты.

Задачи гражданского судопроизводства регулируются в соответствии со ст. 1 ГПК Украины задачами гражданского судопроизводства являются справедливое,

беспристрастное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел с целью защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства [3].

В-четвертых, невозможно априори говорить о осуществлении гражданско-процессуальных прав и обязанностей у ненадлежащей стороны, поскольку такое лицо не является субъектом данного типа правоотношений.

Изучая понятие ненадлежащей стороны, возникает довольно интересная ситуация, в которой прослеживается определенный пробел в гражданско-процессуальном праве.

Решение вопроса о том, является ли одна из сторон надлежащей или ненадлежащей, принимает суд в зависимости от субъектного состава спорного правоотношения.

Замена ненадлежащей стороны происходит в случаях искового производства. Вопрос о замене ненадлежащей стороны (истца или ответчика) решается в судебном заседании в ходе рассмотрения гражданского дела, а не в момент открытия производства по делу.

Замена ненадлежащего истца происходит при наличии определенного условия-согласия надлежащего истца на вступление в процесс.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 34 ГПК Украины, если ненадлежащий истец не согласен заменить его надлежащим истцом, последний может вступить в дело до окончания судебного разбирательства в качестве третьего лица, которое предъявляет самостоятельные требования по предмету спора, предъявляя иск к одной или обоим сторонам [3].

В то же время, ч. 3 ст. 174 ГПК Украины гласит, что если ненадлежащий истец согласен выйти из процесса, а надлежащий не вступил в дело, суд принимает решение о прекращении производства в связи с отказом истца от иска [3].

Замена ненадлежащего ответчика осуществляется по правилам, предусмотренным ст. 33 ГПК Украины. Суд по ходатайству истца, не прекращая производство по делу, за меняет первоначального ответчика надлежащим ответчиком, если иск предъявлен к лицу, не являющемуся лицом, которое должно нести ответственность за иск. Если истец не согласен заменить ненадлежащего ответчика, суд привлекает другое лицо в качестве соответчика. После замены ответчика дело по ходатайству нового ответчика рассматривается сначала.

Замена ненадлежащей стороны на надлежащую позволяет установить объективную истину по делу, быстро рассмотреть спор по существу и принять законное и обоснованное решение.

Изучив все нормы ГПК Украины, можно сделать вывод, что замене ненадлежащей стороны посвящена только одна статья, а именно ст. 33 ГПК Украины.

В то же время эта статья регулирует положение, о том, что суд по ходатайству истца, не прерывая рассмотрения дела, заменяет первоначального ответчика надлежащим ответчиком, если иск не предъявлен лицу, которое должно отвечать по иску, либо привлечено другое лицо в качестве соответчика.

На основании вышеизложенного получается, что согласно с буквой Закона, только ответчик может выступать в качестве ненадлежащей стороны. В ГПК Украины нет ни одного упоминания о замене ненадлежащего истца, а это значит, что институт замены ненадлежащего истца в отечественном гражданско-процессуальном законодательстве отсутствует.

Однако в теории гражданского процесса ученые все чаще поднимают вопросы о необходимости законодательного закрепления такого понятия, как ненадлежащий истец.

Обобщая взгляды различных отечественных ученых на определение понятия ненадлежащего истца, можно сделать вывод, что под ненадлежащим истцом следует понимать лицо, в отношении которого суд имеет достаточные основания полагать, что такое лицо не имеет права требования по заявленному предмету иска.

Тем не менее, ст. 121 ГПК Украины определяет исчерпывающий перечень оснований для оставления иска без движения, возвращения заявления. Из содержания данной статьи ясно, что судья не вправе отказать в принятии искового заявления на основании подачи иска ненадлежащим истцом или к ненадлежащему ответчику, поскольку такое основание просто отсутствует в ГПК Украины [3].

На наш взгляд, в данной ситуации рациональным является положение ст. 36 Гражданско-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1964 г. (далее – ГПК РСФСР) по вопросу о замене именно ненадлежащего истца надлежащим, а также по вопросу привлечения судом по собственной инициативе надлежащего ответчика. Однако замена ненадлежащего ответчика по инициативе суда была возможна только при условии, если истец выразил свое несогласие с заменой ненадлежащего истца [8].

Так, ст. 36 ГПК РСФСР закрепляла положение о том, что если суд установит в ходе судебного разбирательства, что иск был подан не тем лицом, которому принадлежит право на предъявление иска, или не лицом, которое должно нести ответственность за иск, суд, с согласия истца, может допустить замену первоначального истца или ответчика надлежащим истцом или ответчиком, не прекращая дела [8].

По моему мнению, указанное выше положение о правовой и процессуальной возможности замены ненадлежащего истца является более рациональным и эффективным именно с точки зрения основной цели и задач всего гражданско-процессуального правосудия, а также позволит правильно и своевременно рассмотреть, и разрешить гражданское дело.

Кроме того, полагаем, что правовое закрепление в гражданско-процессуальном законодательстве положения о возможности замены ненадлежащего истца позволяет более полно и всесторонне подойти к вопросу изучения института замены ненадлежащей стороны.

В то же время при законодательном закреплении в гражданском процессуальном акте возможность замены ненадлежащего истца будет соответствовать развитию общественных отношений в обществе. Ведь при разрешении судами конкретного дела могут возникнуть трудности с определением взаимных прав и обязательств сторон.

К тому же, если такая замена возможна, то разрешение гражданского дела и вынесение по нему законного и мотивированного решения будет значительно ускорено. Несомненно, это положительно скажется не только на выполнении задач гражданского процессуального судопроизводства, но и на конституционную способность каждого лица к судебной защите своих прав и обязанностей соответственно.

Подводя итог вышесказанному, а также анализируя правовые и процессуальные аспекты института замены ненадлежащей стороны, представляется необходимым отметить следующее. О внесении изменений в гражданское процессуальное законодательство.

В связи с этим ст. 33 ГПК Украины, которая действует в гражданском судопроизводстве ДНР, необходимо признать утратившей силу и изложить ее в иной редакции, которая будет более приемлема для ГПК ДНР.

Рекомендуем ст. 33 ГПК Украины, которая регламентирует замену ненадлежащего ответчика, привлечение соответчиков, изложить в следующей редакции: «1. Суд по ходатайству ответчика, не прекращая рассмотрения дела, заменяет первоначального истца надлежащим истцом, если иск предъявлен не тем лицом, которое должно предъявлять иск, или привлекает к участию в деле другое лицо в качестве истца.

2. Суд по ходатайству истца, не прерывая производства по делу, заменяет первоначального ответчика надлежащим ответчиком, если иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, или привлекает к участию в деле другое лицо в качестве соответчика.

3. После замены стороны (сторон) или вовлечения соистца или соответчика дело по ходатайству нового истца или ответчика, вовлеченного соистца или соответчика рассматривается сначала.

Изложение ст. 33 ГПК Украины таким образом будет в полной мере отвечать развитию общественных отношений и достижению целей гражданского судопроизводства.

Список источников

1. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1, с изменениями, внесенными на основании Постановлений Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10.01.2015 № 1-1, от 31.05.2016 № 7-58 / Официальный сайт Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra.dnr.ru/npra/0003-9-1-2014-06-02/> (дата обращения: 08.02.2020). – Загл. с экрана.
2. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г.] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://dnrsouvet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya> (дата обращения: 08.02.2020). – Загл. с экрана.
3. Гражданский процессуальный кодекс Украины // Закон от 18.03.2004 № 1618-IV // Сведения Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – № 40–41, 42. – Ст. 492.
4. Терегулова, А. А. Процессуальный статус истца в гражданском процессе / А. А. терегулова // Символ науки. – 2016. – № 1-3. – С. 169–170.

5. Курбанов, Д. А. Характеристика сторон как участников гражданского процесса / Д. А. Курбанов // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 6(25). – С. 50–52.
6. Жуйков, В. М. Проблемы гражданского процессуального права / В. М. Жуйков. – М., 2001. – С. 27–29.
7. Абрамова, О. И. Замена ненадлежащей стороны как повышение активной роли суда в гражданском процессе О. И. Абрамова, А. В. Галиахметова // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. VII междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 4(7). – С. 100–108.
8. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11.06.1964 года / Компьютерная справочная правовая система в России «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/ (дата обращения: 08.02.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 10.03.2020 г.

LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF THE INSTITUTE FOR REPLACEMENT OF THE INAPPROPRIATE PARTY

The article explores a definitional concept that can be ignored. The definition of an inappropriate party, the conditions of the conditions of replacement of the initial respondent by the accepting respondent is formulated.

Keywords: inappropriate party; proper party; parties to the civil procedure; replacement of the wrong party; civil process.

Дербишева Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних
дел Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga
senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 341.48/49

Дорошева Е. Н.
Левикин С. С.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье ставится задача исследовать международный терроризм как международное преступление, выделить и проанализировать его виды. Авторами выделены такие виды международного терроризма, как политический, национальный, религиозный, криминальный, экологический. Наряду с международным терроризмом анализируются понятия международного преступления и преступления международного характера, сопоставляются эти понятия.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, виды терроризма, международное преступление, преступление международного характера.

Международный терроризм является одной из самых важных проблем современности, дестабилизирующих обстановку в мире. Терроризм влечет за собой огромные политические, экономические и моральные потери. Его жертвами может стать любое государство, любой человек.

Международный терроризм особо опасен вследствие того, что он несёт угрозу международному правопорядку и межгосударственным отношениям. Проанализировав совершенные международно-террористические акты, можно сделать вывод о том, что все они затрагивают интересы двух и более государств, а поэтому для борьбы с терроризмом необходимо широкое международное сотрудничество.

К началу XXI века более чем в семидесяти государствах мира насчитывалось около тысячи групп и организаций, использующих в своей деятельности методы террора [1]. Обострение глобальной проблемы международного терроризма в XXI веке стало негативной отличительной чертой на современном этапе развития общества [2].

После трагедии, которая произошла в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, в мире сформировался новый взгляд на международный терроризм как международное преступление. Следует отметить, что череда актов международного терроризма, последовавших после трагедии 11 сентября 2001 г., – яркое свидетельство его роста.

Современное состояние решения проблемы международного терроризма, на наш взгляд, можно разделить на несколько этапов: тесное сотрудничество государств в этом направлении, обмен информацией, которой располагают спецслужбы мира, а также совместная подготовка кадров и служб по предупреждению и предотвращению террористических актов.

Чтобы успешно бороться с терроризмом, необходимо разобраться, что лежит в основе этого явления и попытаться устранить его причину. Проанализировав

причины возникновения терроризма, можно сделать вывод о том, что они кроются в возрастании кризисных явлений по всему миру, неспособности общества регулировать сложные социально – экономические процессы, а также быстрой смене систем человеческих и политических идеалов и ценностей.

Поскольку определение терроризма до настоящего времени остается неоднозначным, необходимо выяснить, в чем же заключается суть терроризма.

Следует согласиться с В. Ивановым и Я. Лубенец, что «суть терроризма – это насилие с целью устрашения для достижения каких – либо целей. Субъектом террористического насилия, как правило, являются отдельные лица или неправительственные организации. Объектом насилия является власть в лице отдельных государственных служащих или общество в лице отдельных граждан. Также объектами могут быть: инфраструктура, системы жизнеобеспечения. Цель насилия – достижение террористами поставленных целей, будь то революция, дестабилизация ситуации в какой-либо стране или городе, обретение независимости определенных территорий, падение авторитета и престижа власти в глазах общества, развязывание войны с иностранным государством» [3].

Необходимо отметить следующее: достаточно важной проблемой является то, что в наши дни международный терроризм является неотъемлемой частью распространения различных преступных группировок, поддерживаемых коррумпированными чиновниками и политиками.

Изучая проблему международного терроризма, С. И. Грачев подчеркивал, что, прежде всего, она связана с основными сферами мирового сообщества, а именно: с политикой, экономикой, религией, образованием, преступными сообществами и т. п. [4].

Именно этой связью и объясняется выделение различных видов терроризма: политического, национального, религиозного, криминального, экологического.

Как указано в Новой философской энциклопедии, «Политический терроризм – незаконное использование насилия, или угрозы насилия (убийства, взрывы, захваты самолетов, зданий, заложников и т. д.) на негосударственном уровне против личностей или против собственности для запугивания или изменения курса правительства, гражданского населения или любой его части в целях достижения политических или социальных целей» [5].

Понятие политическому терроризму дает в своей статье и Абдулмуталинова Т. А.: «Политический терроризм – это метод политической борьбы, который связан с осуществлением насильственных вооруженных акций с целью устрашения и подавления политических противников. Он имеет своей целью нагнетание страха среди населения и оказание вследствие этого воздействия на власть. Поэтому сегодня самым распространенным методом террора является насилие не в отношении носителей власти, а против мирных людей с обязательной демонстрацией катастрофических результатов террора» [6].

Количество таких актов постоянно увеличивается, они становятся все более жестокими и все больше людей оказываются их жертвами.

Исходя из указанного определения, к субъектам политического терроризма следует отнести радикальные политические партии или отдельные их группировки,

экстремистские организации, отрицающие легальные формы политической борьбы.

Члены группировок и организаций, которые осуществляют политический террор, ставят своей целью достижение политических, социальных или экономических изменений на территории государства, а также подрыв отношений между государствами или изменение мирового порядка [7].

Целью сторонников националистического терроризма является формирование отдельного государства для своей этнической группы. Они называют это «национальным освобождением», про которое, по их мнению, весь остальной мир забыл. Многие террористы-националисты утверждают, что они не террористы, а борцы за свободу своего народа. Как отмечают Гирфанов А. Р. и Сергеев С. А., «Националистический терроризм выражается в утверждении превосходства определенной нации или расы, направлен на разжигание национальной нетерпимости дискриминацию представителей иных народов и преследует цель путем устрашения вытеснить другую нацию, избавиться от ее власти» [8].

Достаточно опасным видом терроризма является религиозный терроризм. Он представляет террористические организации, объединенные принадлежностью к одной конфессии. Напряжение во взаимоотношениях между представителями различных конфессий объясняется разобщенностью человечества именно по религиозному признаку. Религиозный терроризм направлен на борьбу с религиями на территории государств, где исповедуют иную религию – не угодную террористам.

Криминальный терроризм тесно связан с политической ситуацией в государстве. Обычная преступность в период политической нестабильности становится существенным политическим фактором и в значительной степени оказывает влияние на политические процессы. Криминальный терроризм, как правило, формируется на основе какого-либо преступного бизнеса. Это могут быть незаконный оборот наркотиков, оружия, и тому подобное. Между крупными криминальными группировками начинается борьба за распределение сфер влияния, приносящих доход. Эта борьба сопровождается совершением террористических акций, направленных против членов и, прежде всего, лидеров других преступных группировок. В настоящее время во многих странах практически обыденным явлением стали заказные убийства представителей органов власти, представителей правоохранительных и правоприменительных органов, мешающих преступной деятельности; разборки между конкурирующими предпринимателями, преступными группировками. Также к криминальному терроризму следует отнести систематические захваты заложников, рэкет.

«Криминальный терроризм интернационален и аполитичен. Он взаимодействует с террористическими организациями, занимающими различные идейно-политические платформы, обеспечивая их средствами и оружием, используя для давления на власть в целях самозащиты или для прикрытия своих сугубо криминальных целей» [9].

Экологический терроризм зародился в Европе и Америке в 70-х годах 20-го века. Типичными его представителями являются сторонники защиты животных, которые объединяются в группировки, совершающие различные провокационные, в том числе противозаконные действия, направленные против жестокого обращения с животными,

на изменение общественного сознания в необходимую им сторону [10]. Подобные действия совершаются, в том числе, и путём запугивания граждан. Экологический терроризм можно определить как применение либо угрозу применения насилия по отношению к гражданам или их имуществу со стороны экологически ориентированных межнациональных групп по эколого-политическим причинам с целью привлечения внимания к экологическим проблемам. Представители подобных группировок нередко совершают поджоги лабораторий, где проводятся опыты над животными; погромы магазинов, где продаётся одежда из натурального меха; уничтожают оборудование китобойных судов; устраивают разгромы звероферм и т.п. Чаще всего эти группировки имеют многонациональный характер – многие их члены для выполнения заданий приезжают из Европы в Азию, из Америки в Европу и т.д.

Проблема международного терроризма усугубляется тем, что на него оказывают влияние международные преступные группировки, определенные политические силы в государствах. Безусловно, все это создает трудности в решении этой международной проблемы.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций 09 декабря 1994 года своей Резолюцией 49/60 приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма. В Декларации подчеркивается, что «государства-члены ООН безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государств» [11].

Осознавая опасность, которая связана с таким опасным явлением, как международный терроризм, Организацией Объединенных Наций был принят ряд конвенций, действие которых должно предостеречь мир от международного терроризма. Среди них: Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (16.12.1970 г.), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (21.09.1971 г.), Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов (14.12.1973 г.), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против гражданской авиации (10.09.2010 г.), Конвенция о борьбе с захватом заложников (17.12.1979 г.), Конвенция о физической защите ядерного материала (26.10.1079 г.), Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (16.12.1997 г.), Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (09.12.1999 г.).

К проблеме международного терроризма неоднократно обращался Совет Безопасности ООН, заявляя, что терроризм в любых его формах представляет собой очень серьезную угрозу миру и безопасности, что любые проявления терроризма являются преступлениями, которые не имеют никаких оправданий, кем бы они не совершались. С терроризмом нужно бороться любыми средствами, которые соответствуют Уставу Объединенных Наций и международному праву.

На состоявшейся в сентябре 2016 года 71-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун

отметил, что только совместными усилиями государств можно решить проблему международного терроризма.

Понятие преступления в международном праве практически не отличается от понятия преступления во внутреннем уголовном праве.

Обычно под международными уголовными преступлениями понимаются деяния отдельных лиц, «прямо связанные с международными преступлениями государств». При этом различие между международными преступлениями государств и физических лиц происходит по их субъектам. В первом случае в этом качестве выступают государства как таковые, во втором – физические лица, т.е. лица, которые направляют и осуществляют государственную политику, выражающуюся в международном преступлении соответствующего государства и ответственные за нее [12, с. 849].

«Некоторые деяния государство само определяет как преступные, которые могут поставить под угрозу не только интересы данного государства, но и международный правопорядок. Термин «преступление» в международных правовых документах может также означать совершение физическими лицами уголовно наказуемых деяний, которые затрагивают интересы нескольких государств, с которыми последние договариваются вести борьбу» [13].

Следует различать международные преступления и преступления международного характера.

В Уставе Международного Военного Трибунала от 08 августа 1945 г. содержатся определения военных преступлений, преступлений против мира и человечества, геноцида, агрессии, которые относятся к международным преступлениям.

Борьба с такими преступлениями находится в компетенции Совета Безопасности ООН, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и выступает от имени всех членов Организации Объединенных Наций.

Субъектами международных преступлений являются, прежде всего, государства, а также физические лица, выступающие от его имени и лично совершившие такие преступления [14].

Преступления же международного характера по объекту посягательства и степени общественной опасности отличаются от международных преступлений. Они совершаются только физическими лицами (индивидами или группой лиц).

Данные преступные деяния посягают не только на национальный, но и международный правопорядок, представляя общественную опасность для двух или более государств. К таким преступлениям относятся, например, распространение и торговля наркотиками; подделка денежных знаков и их распространение; пиратство, захват заложников; незаконное радиовещание; посягательство на лиц, пользующихся дипломатической защитой; неоказание помощи на море; незаконный оборот автотранспортных средств, оружия; преступления на континентальном шельфе. Они нарушают также и национальное уголовное право, посягают на мирное сотрудничество государств [15].

Таким образом, когда преступление посягает на общественные отношения по безопасности человечества, угрожает устоям современной цивилизации, налицо международное преступление (преступление против мира и безопасности человечества).

Проанализировав понятие международного преступления, его виды, возможно сделать вывод о том, что международный терроризм является международным преступлением, посягающим на мир и безопасность человечества.

«Международный терроризм, как и другие преступления, может совершаться как в военное, так и в мирное время, что является серьезной проблемой современного мира. Поэтому государствам необходимо как можно теснее сотрудничать в этом направлении, разрабатывать новые методы борьбы с этим страшным явлением, действовать на опережение» [16]. Значительной проблемой при противодействии терроризму на сегодняшний день является низкая информативность населения, в связи с чем необходимо наладить выпуск специальной литературы – бесплатной и широкодоступной. Преодоление терроризма требует усилий большинства государств и народов на нашей планете.

Список литературы

1. Василенко, В. И. Международный терроризм в условиях глобального развития (политологический анализ): автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Василенко Владимир Иванович; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2003. – 46 с.
2. Косов, Ю. В. Международный терроризм как глобальная проблема / Ю. В. Косов // Антропология: web-кафедра философской антропологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/kosov/terror.html> (дата обращения: 08.02.2020). – Загл. с экрана.
3. Иванов, В. И. Международный терроризм как глобальная проблема в современном мире / В. И. Иванов, Я. А. Лубенец // Территория науки. – 2014. – № 6. – С. 94–99.
4. Грачев, С. И. Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия / С. И. Грачев, С. Н. Мольков // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2(24) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyu-mezhdunarodnyu-terrorizm-realnost-i-problemy-protivodeystviya> (дата обращения: 20.02.2020). – Загл. с экрана.
5. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 08.02.2020). – Загл. с экрана.
6. Абдулмуталинова, Т. А. Политический терроризм: глобальная угроза коллективной и национальной безопасности / Т. А. Абдулмуталинова, Д. Д. Калыков // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. – № 53. – С. 5–7.
7. Тихонов М. Н. Политический терроризм – постоянная угроза национальной и общественной безопасности / М. Н. Тихонов, М. М. Богословский // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. – 2016. – № 20(3). – С. 9–24.
8. Гирфанов, А. Р. Терроризм в современной России: причины возникновения и способы противодействия / А. Р. Гирфанов, С. А. Сергеев // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 17. – С. 322–326.
9. Машекуашева, М. Х. Терроризм как основной субъект воздействия органов внутренних дел / М. Х. Машекуашева, М. С. Кармоков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 5/1. – С. 208–211.

10. Рыженков, А. Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности / А. Я. Рыженков // Legal Concept. – 2017. – Vol. 16 – № 2. – С. 27–35.
11. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года) / Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения: 14.02.2020). – Загл. с экрана.
12. Российское уголовное право: В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / под ред. проф. А. И. Рарога. – М.: Профобразование, 2001. – 872 с.
13. Анникова, Н. Н. Понятие и признаки международного преступления / Н. Н. Анникова, Е. Ю. Покаместова // Территория науки. – 2013. – № 6. – С. 98–102.
14. Поддержание международного мира и безопасности / Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/what-we-do/maintain-international-peace-and-security/> (дата обращения 20.02.2020). – Загл. с экрана.
15. Авдеев, В. А. Механизм противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Юридический мир. – 2014. – № 12. – С. 59–63.
16. Иногамова-Хегай, Л. В. Международный терроризм как международное преступление против человечности в международном праве / Л. В. Иногамова-Хегай // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 1(35). – С. 19–23.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.

INTERNATIONAL TERRORISM AS AN INTERNATIONAL CRIME

This paper considers international terrorism as an international crime. The author analyzes the signs of international terrorism, its types, signs of an international crime, a comparison of these two concepts.

Keywords: terrorism, international terrorism, international crime.

Дорошева Елена Николаевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: elenadorosheva@yandex.ru

Dorosheva Yelena

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk national
university
DPR, Donetsk
E-mail: elenadorosheva@yandex.ru

Левикин Сергей Сергеевич

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Levikin1995@mail.ru

Levikin Sergei

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: Levikin1995@mail.ru

УДК 342.55

Кулакова Е. В.

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ МЕСТНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ (ОБЩИН)

В статье рассмотрены существующие научные подходы, как отечественных, так и зарубежных ученых относительно понятия территориальных коллективов (общин) на местах, проанализированы признаки, которые характерны для местных территориальных коллективов. Сформулировано авторское понятие территориальной общины.

Ключевые слова: территориальный коллектив, территориальная община, местное самоуправление, вопросы местного значения, население.

В период существования Советского Союза местные советы входили в единую систему государственной власти и осуществляли представительскую функцию на местном уровне. Именно советы обеспечивали возможность или же «видимость возможности» участия населения в государственном управлении на местных уровнях. Однако, сам территориальный коллектив местного населения не рассматривался как отдельный самостоятельный элемент государственного управления.

При этом, зарубежный опыт того исторического периода, свидетельствует о серьезном научном интересе к исследованию именно местных сообществ (местных территориальных коллективов), что объяснялось, прежде всего, функционированием в капиталистических странах системы местного самоуправления и возрастанием роли локальной демократии. В государствах постсоветского пространства органы местного самоуправления были созданы уже в 90-х годах.

Территориальные коллективы (образования) являются первичными субъектами в системе местного самоуправления во многих государствах. Такие объединения людей существуют в большинстве стран мира, в частности, в странах Европы (независимо от формы территориального государственного устройства) и играют важную роль в решении вопросов местного значения. В разных государствах сформировались свои, специфические подходы и термины для определения такого субъекта местного самоуправления как территориальное образование.

Так, в англо-американской правовой семье понимание понятия территориального образования связано с республиканским идеалом прямой демократии и отражает социально-психологическую общность или стремление к ней [1, с. 13].

© Кулакова Е. В., 2020

В немецкой научной литературе, посвященной исследованию местного самоуправления, понятие общины переводится как «Gemeinde», «Gemeinschaft», «Gesellschaft». Под этими терминами понимают семейные и соседские связи, которые формируются на основе эмоциональных, непосредственных и рациональных отношений [1, с. 13].

В целом, в каждом государстве существуют значительные отличия и особенности в организации и функционировании территориальных коллективов, которые, соответственно, и называются достаточно по-разному. Так, в Италии, Бельгии, Швеции – это коммуна, в Германии – община, в Польше – гмина, в Украине – территориальная громада.

Очевидно, что название, которым определяется территориальный коллектив во многом зависит от исторических, политических, культурных особенностей конкретного государства.

Кроме того, в отношении термина «территориальный коллектив (образование, община)» существует много дискуссий в научной среде, которые, в большинстве своем, являются попытками определить реальную природу территориального коллектива, представить его всеобъемлющее определение, которое сможет охватить все проблемные аспекты, не учтенные законодательством.

Вместе с тем, вопрос о роли именно территориальных коллективов/общин, как первичных субъектов местного самоуправления, приобретает все большую актуальность в связи с возрастающими тенденциями децентрализации и наделяния территориальных образований широкими полномочиями по решению вопросов местного значения, а также неоднократном акцентировании как законодателями, так и ученых, в необходимости повышения их значимости при решении вопросов местного значения.

Таким образом, целью данного исследования является необходимость теоретического обоснования понятия и сущности территориального коллектива (общины) как первичного субъекта местного самоуправления.

Среди ученых, которые занимались данной проблематикой, необходимо выделить следующих: Н. М. Алешина, М. П. Орзих, Н. А. Баймуратов, И. П. Бутко, В. В. Медведчук, Л. В. Беззубко, В. М. Кампо, А. В. Батанов и другие.

Понятие территориальной общины является сравнительно новым для отечественной правовой науки. Ее научное определение является недоработанным и требует комплексного подхода, так как социально-правовая конструкция такого многоаспектного явления, прежде всего включает в себя понятие населения как сообщества жителей. А. В. Батанов отмечает недостаточное исследование этого явления, а также необходимость обращения к западной социологической и правовой доктрины [2, с. 51]. Такую же проблему отмечают и Л. В. Беззубко и Е. В. Скопец [3, с. 22], исследуя взаимодействие членов территориальных общин и органов местного самоуправления.

Ученые в течение десятилетий предлагают собственные авторские определения территориальной общины, которые, по их личному мнению, являются более полными и учитывают многоаспектность этого явления. Так, Н. А. Баймуратов, И. П. Бутко, В. В. Медведчук и некоторые другие, определяя

понятие территориального коллектива (общины), акцентируют внимание на общности интересов членов территориальной громады. Н. А. Баймуратов определяет территориальный коллектив (местное сообщество) как совокупность физических лиц, постоянно проживающих на определенной территории и связаны территориально-личностными связями системного характера. Такое местное сообщество объективно способно производить характерные интересы и реализовывать их на уровне местного самоуправления [4, с. 95].

Это определение охватывает не только принадлежность общества к определенной территории, но и подчеркивает личностные связи членов общины (включающие в себя социально-культурные, профессиональные и другие аспекты), которые неотделимы от территориального базиса, а также необходимость проживать в пределах общины в течение длительного времени.

По мнению В. В. Медведчука, «община – это сплетение социальных отношений между людьми, которые имеют множество общих интересов, потребностей; это сообщества, которые могут в наибольшей степени обеспечить осуществление и удовлетворения этих интересов и потребностей» [5]. В данном определении акцентируется внимание только на общих интересах жителей, которые, по мнению автора, являются основополагающими для определения территориальной общины.

Другие ученые большее внимание уделяют территориальному признаку (В. Фадеев, М. А. Краснов, В. М. Кампо). Так, В. М. Кампо отмечает, что исходным субъектом местного самоуправления фактически выступает территориальный коллектив в лице жителей села (сел соответствующей сельсовета, поселка или города) [6, с. 70].

Н. А. Краснов определяет местное сообщество как совокупность людей, составляющих население самоуправляющихся единиц [7, с. 10].

Структурную характеристику содержит определения территориальной общины М. П. Орзыха, который считает, что территориальный коллектив состоит из лиц – граждан, иностранцев, лиц без гражданства, постоянно проживающих или работающих на данной территории (или имеют на территории недвижимое имущество, или являются плательщиками коммунальных налогов) [8, с. 67].

Это определение расширяет понимание территориальной общины многочисленными «или», потому что не устанавливает конкретных требований относительно проживания субъектов на определенной территории, трудоустройство, а определяет альтернативные возможности. То есть член общины может или проживать на определенной территории, или работать, или владеть недвижимостью.

Поскольку существование территориальной общины как первичный коллективного субъекта местного самоуправления, направленно на удовлетворение потребностей и консолидации интересов всех членов общины, подчеркивается их право на индивидуальность и ее выражение, то некоторые ученые (прежде всего Р. Хоменец) предлагают отделять членов общины в качестве первичного индивидуального субъекта местного самоуправления – граждан и лиц без гражданства [9, с. 37].

Следует отметить, что эта дефиниция является спорной ввиду следующих моментов: во-первых, среди индивидуальных субъектов надо выделять не только граждан и апатридов, но и иностранцев, постоянно проживающих на территории государства и отвечающих всем признакам, присущим территориальным коллективам. Во-вторых, выделяя индивидуального субъекта, необходимо иметь в виду, что единственная причина этого выделения – это необходимость отнесения в состав территориальной общины как граждан, так и лиц без гражданства и иностранцев, имеющих с обществом такой же тесную связь, как и другие члены.

Если углубляться в историю вопроса, стоит отметить, что уже в пятидесятых годах XX века были проанализированы, детально изучено 94 определения территориальных содружеств. Во всех этих определениях используются различные дефиниции: «местное сообщество» («комьюнити»), «коммуна», «ассоциация жителей», «местный социум», «социальная сеть», «социально-территориальная община», «местный коллектив» и другие [3, с. 22].

Но нельзя говорить об абсолютной синонимичности этих понятий. Например, термин «комьюнити» выражает прежде всего социально-психологическую общность или стремление к ней. Таким образом, термины «комьюнити» и «общество» (в толковании большинством отечественных авторов) не совпадают, пересекаются по объему содержания лишь частично. Поэтому их синонимичное применение обуславливает некоторое общее понятийное ядро, которое указывает прежде всего на специфичность социальных связей микроуровня, уровня малой группы, то есть детерминирующих роль первобытных неформальных контактов, отношений «лицом к лицу» [10, с. 106].

Другие термины являются более узкими по значениям. Например, социально-территориальные общности – это совокупности людей, объединенных отношением к отдельной хозяйственно-освоенной территории [11, с. 160]. То есть другие понятия, кроме «комьюнити» так или иначе совпадают с существующими в научной среде определениями территориальной общины.

В течение многих лет ученые также пытались выделить характерные признаки, присущие территориальным общинам. Среди существующих классификаций, предложенных ими, стоит отметить следующие из них, выделенные профессором Н. А. Баймуратовым:

1) территориальный признак, который связывается с «дислокацией» местного самоуправления на уровне села, поселка, города, как территориальной основы муниципальной демократии;

2) интегративный, по которому территориальная община возникает на основе объединения всех жителей, проживающих на определенной территории, независимо от того, являются ли они гражданами данного государства, то есть членами территориальной общины могут быть граждане данного государства, а также иностранные граждане, лица без гражданства, постоянно проживающие на определенной территории. Также, по мнению автора, возможно включение в территориальную общину беженцев и перемещенных лиц;

3) интеллектуальный признак, обусловлен наличием у жителей общих интересов, которые имеют специфический характер и проявляются в виде широкого спектра системных индивидуально-территориальных связей;

4) имущественный, который вытекает из права этих общностей иметь общую собственность;

5) фискальный признак, обусловлен тем, что члены территориальной общины являются плательщиками местных налогов и сборов [12].

Также для поиска и внедрения наиболее детального определения территориальной общины стоит обратиться к западной доктрине. В основу зарубежной концепции территориальной общины положено то, что территориальная община рассматривается как корпорация, основанная на членстве граждан, объединенных фактором совместного проживания.

Кроме того, в зарубежных странах роль локальной демократии является более широкой и определенной.

Американская ученая и адвокат Джорджия Хиллер осуществила монументальную работу, изучая существующие определения территориальной общины (комьюнити) и выделяя общие признаки, ведь именно такое направление работы помогает достаточно точно определить природу местных сообществ на общеевропейском уровне, которая характерна и для наших реалий. Она пришла к выводу, что, несмотря на имеющиеся разногласия, в большинстве из определений наиболее важными являются следующие признаки: социальное взаимодействие, территория и общая связь (или связи).

Также необходимо отметить общие признаки в европейских определениях территориальных общин, которые выделены К. Ионассеном:

- 1) население;
- 2) территориальная база;
- 3) взаимозависимость специализированных частей сообщества и разделение труда в нем;
- 4) общая культура и социальная система, интегрирующие деятельность его членов;
- 5) осознание жителями единства и принадлежности к сообществу;
- 6) возможность действовать на корпоративной основе для решения местных проблем [3, с. 51].

Анализируя приведенные признаки территориальных коллективов (общин), можно сделать вывод, что в общем виде территориальная община является очень сложным явлением, особой формой общественной организации. Это совокупность местных жителей, объединенных в пределах отдельной территории, имеющие тесную демографическую, территориальную, политико-правовую, имущественную, профессиональную, социально-культурную связь. Эта связь объединяет действия, направленные на создание условий, которые одобряются всеми членами общины, на достижение результатов, желаемых для каждого.

И в зарубежной доктрине, и в трудах отечественных ученых выделяют много общих признаков, характерных территориальным коллективам (общинам). Отдельно стоит отметить предложенный Ионассеном признак, относительно возможности действовать на корпоративной основе для решения местных проблем, который является более характерным для стран с устойчивым капиталистическим строем, но в целом, соответствует отечественным реалиям.

Обобщая существующие подходы к пониманию территориального коллектива (общины), стоит привести авторское определение территориальной общины как совокупности физических лиц (граждан, лиц без гражданства, иностранцев), связанных общей территорией постоянного проживания (в селе, поселке, городе), которые имеют общие социально-культурные, экономические, профессиональные интересы, а также имеют право на осуществление местного самоуправления непосредственно или через созданные органы и имеют возможность действовать на корпоративной основе для решения вопросов местного значения. Такое определение в большей степени отражает сущность и значение территориальной общины как первичного субъекта местного самоуправления.

Учитывая проведенный анализ, необходимо отметить, что длительные процессы становления демократии на местном уровне и предоставления территориальным коллективам (общинам) реальной возможности решать вопросы местного значения без вмешательства государства, требуют дальнейшего, в первую очередь, научного исследования теоретических положений по определению и функционированию территориальных общин.

Список источников

1. Алешина, Н. М. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК) / Н. М. Алешина. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8. – Ч. 2. – С. 13–17.
2. Батанов, О. Територіальна громада – первинний суб'єкт муніципальної влади в Україні: поняття та ознаки / О. Батанов // Вісн. Центр. виборчої комісії. – 2008. – № 2. – С. 51–57.
3. Громада і органи місцевого самоврядування / Л. В. Беззубко, О. В. Скопец. – Донецьк: Норд-компьютер, 2007. – 181 с.
4. Баймуратов, М. А. Конституционно-проектная регламентация местного самоуправления и территориальных коллективов / М. А. Баймуратов // Юридический вестник. – 1996. – № 1. – С. 94–98.
5. Медведчук, В. В. Місцеве самоврядування і як його доцільно організувати в Україні / В. В. Медведчук // Урядовий кур'єр. – 1995. – 28 грудня.
6. Кампо, В. М. Деякі проблеми становлення і розвитку місцевого самоврядування / В. М. Кампо // Місцеве та регіональне самоврядування в Україні. – 1993. – № 1, 2. – С. 70–71.
7. Введение в муниципальное право: [Лекция] / М. А. Краснов; отв. ред. М. М. Славин; Академический правовой ун-т при Институте государства и права РАН. – М., 1993. – 16 с.
8. Орзіх, М. Концепція правового статусу самоврядних територій і органів місцевого самоврядування / М. Орзіх // Місцеве і регіональне самоврядування України. – 1995. – № 1–2(10–11). – С. 67–75.
9. Хоменець, Р. Особливості правового статусу фізичних осіб як суб'єктів місцевого самоврядування / Р. Хоменець // Право України. – 2001. – № 11. – С. 36–38.
10. Поклонський, А. С. Правові проблеми створення місцевої міліції в Україні / А. С. Поклонський // Актуальні проблеми сучасної науки в дослідженнях молодих учених. – 2005. – № 8. – С. 104–110.
11. Чернова, Л. Є. Етніонаціональні територіальні спільноти як елемент громадянського суспільства / Л. Є. Чернова // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпрянщини. – 2007. – № 19. – С. 160–163.

12. Муніципальне право України: Підручник / кол. авт.; за ред. В. Ф. Погорілка, О. Ф. Фрицького. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 592 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://pidruchniki.ws/15840720/pravo/konstitutsiyne_pravo_ukrayini_-_pogorilko_vf (дата обращения: 28.05.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.

TO THE QUESTION OF THE THEORETICAL ESSENCE OF LOCAL TERRITORIAL COLLECTIVES (COMMUNITIES)

The article considers the existing scientific approaches of both domestic and foreign scientists regarding the concept of territorial collectives (communities) in the field, analyzes the features that are characteristic of local territorial collectives. The author's concept of a territorial community is formulated.

Keywords: territorial collective, territorial community, local self-government, local issues, population.

Кулакова Елизавета Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kulakova@donnu.ru

Kulakova Elizaveta
Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk national
university
DPR, Donetsk
E-mail: kulakova@donnu.ru

УДК 342.56 (73)

Лapidус О. С.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА АКТАМИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ США

В данной статье рассмотрены особенности конституционного контроля за актами органов законодательной и исполнительной власти в Соединенных Штатах Америки. Установлено, что контроль американских судов за деятельностью органов исполнительной власти не ограничивается только проверкой вопросов по фактам. Суды в США проверяют также вопросы права, отменяя те акты органов исполнительной власти, которые противоречат конституционным и законодательным нормам.

Ключевые слова: конституционный контроль, акты органов законодательной власти, акты органов исполнительной власти, методы толкования законодательных актов, конституционность правовых актов.

По результатам правоприменительной деятельности судов в США нормы законодательных актов можно разделить на две группы:

1) нормы законодательных актов, которые лежат в основе судебных решений. Иными словами, нормы законодательных актов подменяются прецедентами, направленными на решение конкретных споров и дел. В данном случае есть основания говорить о «поглощении» норм законодательных актов нормами общего права. В структуре источников права США прецеденты, которые закрепляют нормы общего права, следуют за законодательными актами, в то время как прецеденты толкования законодательных норм стоят рядом с теми источниками права, которые были основой для их создания. Под прецедентами толкования законодательных норм признается значение нормативного толкования, изменить которое вне судебной практики можно только путем формальной замены текстов конституций и законодательных актов.

2) нормы законодательных актов, которые не подпадают под влияние судебной практики, как в силу отказа судов рассматривать так называемые политические вопросы, так и из-за отсутствия предмета спора. Другое дело, что в соответствии с общепризнанной в США доктрины эти нормы должны быть включены в структуру права только в форме судебной практики. Ученые Р. Давид и К. Жоффре-Спинози отмечают следующую позицию Верховного суда США по данному вопросу: Верховный суд США отказывается от решения вопроса о том, соответствует ли закон штата Конституции США, если суды этого штата при толковании закона не указали на его истинное значение. Федеральные суды в тех случаях, когда они применяют право штатов, также проявляют нерешительность, если соответствующие законы не были истолкованы судами данного штата [1, с. 304].

© Лapidус О. С., 2020

В американской юриспруденции, в том числе и в практике Верховного суда США, были выработаны специальные методы (приемы) толкования законодательных актов:

1) Установление намерений законодателя. На практике применение этого метода осложняется тем, что в большинстве случаев законы являются результатом компромисса, а потому слова и истинные намерения законодателя существенно отличаются. Исходя из этого, некоторые американские юристы считают, что суды в своих толкованиях должны различать «намерение» (intent), которое раскрывается в специфических задачах применения закона, и «цель» (purpose), которая позволяет установить более широкие законодательные ориентиры [2, с. 136].

2) Установление значений слов и выражений, используемых в тексте законодательного акта и в Конституции. Отдельные судьи Верховного суда США придерживаются той позиции, что слова и выражения в акте, который подлежит применению, должны толковаться таким образом, чтобы это толкование соответствовало значению, которое они имели в то время, когда эти акты были приняты [2, с. 137].

3) Адаптивный способ, который заключается в необходимости учета судьями предыдущего опыта и приспособления его к новым общественным отношениям. Примером применения этого метода толкования законодательных актов могут быть решения Верховного суда США, которые распространили адмиралтейскую юрисдикцию федеральных судов на внутренние воды, которые признали неправомерность сегрегации негров в публичной сфере общественной жизни, и тому подобное. Вместе с тем, в американской юридической литературе подчеркивается, что адаптивный метод содержит в себе риск, поскольку он вступает в противоречие с принципом стабильности права, а потому должен применяться по возможности реже и в сочетании с другими способами толкования [2, с. 138].

4) Исторический метод, с помощью которого судьи пытаются выяснить не букву, а именно «дух закона». Судьи в процессе толкования применяют отчеты о дебатах в Конгрессе, публикации комитетов Конгресса, заявления авторов законопроектов и другие документальные источники. Недостатком этого метода является то, что он не лишен субъективизма, поскольку лица, характеризующих конкретный законодательный акт, который подлежит толкованию судом, выражают собственные убеждения и взгляды.

Деятельность Верховного суда по проверке конституционности законов с годами все больше активизируется. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные: за первые 50 лет своей деятельности (1800–1850) Верховный суд США признал неконституционным только один закон, за следующие 50 лет (1850–1900) – аннулировал частично или полностью 24 законодательных акта Конгресса, за период с 1900 по 1950 – признал неконституционными 53 закона Конгресса [3, с. 60–61]. За период с 1803 по 1964 Верховный суд США признал неконституционным 740 законов штатов [4, с. 6].

Согласно американской конституционной доктрине правовые акты, признанные Верховным судом США противоречащими Конституции, провозглашаются недействительными с момента их принятия, то есть эти судебные решения должны иметь обратный характер [5, с. 260].

Общепринятой в США является точка зрения о том, что при отсутствии специального закона Конгресса, который бы отменил судебную интерпретацию актов, предшествовавших его принятию, интерпретационные доктрины, содержащиеся в решениях Верховного суда, считаются принятыми и является составной частью правовой системы США. Так, например, за 16 лет, начиная с 1944 г., Конгресс 50 раз просматривал в законодательном порядке предыдущие решения Верховного суда, в которых законы были признаны противоречащими Конституции [2, с. 141].

Итак, можно констатировать, что правотворческие функции Верховного суда США в сфере осуществления судебного конституционного контроля за актами Конгресса является весомым вкладом суда в процесс постоянного реформирования американского права и регулирования общественных отношений, которые развиваются.

Кроме законов, американские суды могут давать оценку конституционности правовых актов исполнительной власти, включая указы Президента. В США судебный контроль за актами органов исполнительной власти осуществляется обычными судами, а не специальными административными, как в судебных системах некоторых стран. Право осуществления судебного контроля за деятельностью исполнительных органов обеспечивается либо законом, регулирующим деятельность конкретного органа или Законом об административной процедуре 1946 года (Administrative Procedures Act), который комплексно регулирует статус органов исполнительной власти и имеет значение административного кодекса, а также определенной категорией актов, содержащие материальные нормы права (например, Законом о предотвращении загрязнения атмосферного воздуха, согласно § 7604 которого граждане имеют право подавать иск против любых лиц, включая США и другие правительственные учреждения и агентства, если они нарушают стандарты или ограничения выбросов [6]).

Подобным образом регулируется вопрос судебного контроля за деятельностью исполнительных органов власти законодательством штатов. Практически во всех штатах приняты законы о правилах административной процедуры, а также на законодательном уровне закреплено право обращения граждан в суд.

Согласно раздела 1 ст. II Конституции США исполнительная власть предоставляется Президенту Соединенных Штатов Америки [7, с. 140]. Исходя из статьи II Конституции США, непосредственно посвященной исполнительной власти, существование кабинета не предусмотрено. Считается, что он создан и действует по конституционному обычаю. Но если в Великобритании кабинет является, по сути, высшим органом исполнительной власти, то в США соответствующий орган выполняет вспомогательные функции при Президенте США [7, с. 20].

Долгое время за исполнительной властью не признавалось право на издание нормативных актов. Причиной этого было, прежде всего то, что передача полномочий противоречила бы принципу жесткого разделения властей. Такой подход изначально был поддержан и судебной практикой. Но уже с начала XX в. суды, оставаясь на позициях невозможности делегирования законодательных полномочий Конгрессом, признали не противоречащей Конституции передачу Президенту и другим

органам исполнительной власти полномочий на издание собственных нормативных актов [7, с. 55]. Основой нормативных функций Президента стали его конституционные полномочия как главы исполнительной власти и главнокомандующего. В настоящее время Президент США издает следующие основные виды актов: исполнительные, административные и военные приказы, правила и положения, прокламации, планы реорганизации, директивы и тому подобное. Ни один из этих актов не предусмотрен Конституцией США, что никоим образом не умаляет их юридической силы. Согласно американской конституционной теории, нормотворческие акты Президента не должны противоречить законам и затрагивать вопросы, отнесенные исключительно к сфере законодательной власти. Решение о том, соответствует ли таким требованиям нормативно-правовой акт, изданный Президентом, принимает суд. В случае отрицательного решения суда этот акт утрачивает силу [7, с. 59].

Федеральное законодательство не проводит четкого разграничения между нормативными и индивидуальными актами органов управления. Законом об административной процедуре определены две категории актов, которые имеют право издавать административные агентства – правила и приказы.

К правилам как актам нормотворчества отнесены заявления административного агентства об общих действиях и будущих результатах, целью которого является применить, истолковать или предписать право или политику или определить организацию, процедурные и другие требования административного агентства, и включает утверждение или установление размеров заработной платы, структуры корпораций или финансовых органов, а также порядок реорганизации, цен, мест размещения предприятий, оборудования, оказания услуг или льгот за пользование ими, или оценка имущества, расходов или расчетов, либо других действий, связанных с осуществлением вышеупомянутого [8, с. 256–257].

Приказ как акт правоприменения означает окончательное распоряжение административного агентства, которое полностью или частично утверждает, отрицает, запрещает или провозглашает какое-либо действие, которое не подпадает под понятие «нормотворчество», и включает лицензирование [8, с. 257].

В американской доктрине делегирование Конгрессом своих полномочий получило название делегированного законодательства. Однако, как отмечает В. И. Лафитский, в последние годы этот термин выходит из употребления [9, с. 102]. Все чаще американские ученые используют термины нормотворчество, подчиненное или конкретизируемое законодательство, тем самым подчеркивая полное утверждение подзаконных актов в конституционной практике и их относительную автономность в правовой системе США.

Поскольку согласно Конституции США законодательные полномочия принадлежат Конгрессу, Верховный суд США сформулировал условия, при соблюдении которых законодательные полномочия Конгресса могут делегироваться административным и исполнительным органам. Было произведено три формы ограничения делегированного законодательства. Конгресс не имеет права передавать какому-либо органу решения тех вопросов, которые изъяты из его компетенции. В законе должны быть четко определены основные принципы и стандарты нормативного регулирования. И, наконец,

в самом подзаконном акте должны быть установлены конкретные правовые нормы или четкие критерии оценок, которые отвечают требованиям «разумности, справедливости и равенства» [10, с. 331]. За всю свою историю Верховный суд лишь дважды отменял законы на основании необоснованного делегирования законодательной власти административному органу [11, с. 242].

До 80-х годов в США была распространена практика, когда в законы, которые предусматривали делегирование законодательных полномочий органам исполнительной власти, включали положение о том, что соответствующие акты исполнительной власти, еще до их вступления в силу, должны были подаваться Конгрессу. Последний не имел права изменять эти акты, но они вступали в силу только при условии, если палаты Конгресса в течение определенного срока не принимали так называемые негативные резолюции, отрицая тем самым необходимость подобного правотворчества. Такая практика долгое время была известна как законодательное вето [7, с. 55-56]. Но в начале 80-х годов Верховный суд США признал ее неконституционной.

Закон об административной процедуре гарантирует право судебного контроля за административным решением любому лицу, пострадавшему от незаконного действия или бездействия какого-либо агентства. Закон достаточно широко трактует сферу действия контроля за деятельностью административных органов или «права на средства защиты». Под его действие подпадают:

- 1) предоставление административным агентством средств, помощи, содействия, лицензий, полномочий, а также освобождение от уплаты налога, от выполнения правовых норм, обеспечения привилегий или возмещения вреда;
- 2) признание административным агентством требования, права, иммунитета, привилегий, освобождение от уплаты налога или выполнения правовых норм или
- 3) совершение административным агентством других действий на основании заявления или петиции лица в его интересах [8, с. 257–258].

Законом об административной процедуре предусмотрены также другие возможные основания обжалования гражданами незаконных действий должностных лиц административных агентств, например, неопубликование нормативных актов административных агентств, которые подлежат доведению до сведения общественности, или нарушение порядка ведения документов на граждан и юридических лиц.

Механизм осуществления судебного контроля за деятельностью исполнительных органов власти включает не только средства, установленные законодательством, но и традиционные средства общего права, заимствованные из английского общего права. Суды США могут осуществлять контроль за деятельностью органов исполнительной власти путем издания различных по своему содержанию судебных приказов, которые обязывают органы исполнительной власти совершить определенные действия или воздержаться от их совершения [9, с. 202]. В частности, среди приказов, которые чаще всего применяют в своей практике американские суды, можно выделить следующие их виды: сертиорари (*certiorari*), мандамус (*mandamus*), запрещающий приказ (*writ of prohibition*), Хабеас корпус (*habeas corpus*), проциденто (*procedendo*) и др.

Так, приказ сертиорари суды издают, когда необходимо истребовать дело от органов исполнительной власти для дальнейшего рассмотрения в судебном порядке. Приказ мандамус обязывает должностное лицо выполнить определенное действие. В отличие от сертиорари, рассмотрение дела, которое было истребовано по приказу мандамус, не ограничивается только теми протоколами, которые поступают в суд от органов исполнительной власти. Суд вправе провести собственное расследование [9, с. 203]. Предметом судебного рассмотрения в таком случае становится правомерность отказа от выполнения тех обязанностей, которые установлены Конституцией или законом.

Целью запрещающего приказа является обязать административные агентства, которые осуществляют квазисудебные функции, предотвратить дальнейшее рассмотрение того или иного дела. Как правило, основанием издания такого приказа является отсутствие полномочий у административного агентства по решению определенного вопроса.

Приказ хабеас корпус применяется для освобождения из-под стражи лиц, задержанных или арестованных с нарушением требований закона. Кроме того, этот приказ суды применяют для наблюдения за депортацией иностранцев или недопущением их въезда на территорию Соединенных Штатов, за принудительным лечением лиц, имеющих психические недостатки или за соблюдением условно-досрочного освобождения лиц, осужденных к лишению свободы [9, с. 203].

Приказ процедурно обязывает административные агентства или нижестоящие суды безотлагательно рассмотреть дело, которое находится в их производстве.

Таким образом, контроль американских судов за деятельностью органов исполнительной власти не ограничивается только проверкой вопросов по фактам. Суды в США проверяют также вопросы права, отменяя те акты органов исполнительной власти, которые противоречат конституционным и законодательным нормам.

Список источников

1. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Международные отношения, 1998. – 400 с.
2. Жидков, О. А. Верховный суд США: право и политика / О. А. Жидков. – М.: Наука, 1985. – 221 с.
3. Бойченко, Г. Г. Конституция Соединенных Штатов Америки. Толкование и применение в эпоху империализма / Г. Г. Бойченко. – М.: ИМО, 1959. – 242 с.
4. Евдокимов, В. Б. Институт конституционного контроля в США в период империализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В. Б. Евдокимов; Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1972. – 27 с.
5. Шевчук, С. Основи конституційної юриспруденції / С. Шевчук. – Харків: Консум, 2002. – 296 с.
6. Энтин, Л. М. Разделение властей: опыт современных государств / Л. М. Энтин. – М.: Юридическая литература, 1995. – 176 с.
7. Шаповал, В. М. Виконавча влада в розвинутих країнах (конституційно-правовий аспект) / В. М. Шаповал. – К.: Українська Академія Державного Управління при Президентіві України, 1996. – 60 с.

8. Глава 5 Титула 5 «Правила административной процедуры» Свода законов США // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – С. 256–286.
9. Лафитский, В. И. Основы конституционного строя США / В. И. Лафитский. – М.: Норма, 1998. – 272 с.
10. Bodenheimer, E. Jurisprudence. The philosophy and method of the law / E. Bodenheimer. – Cambridge, 1974. – 561 p.
11. Боботов, С. В. Введение в правовую систему США / С. В. Боботов, И. Ю. Жигачев. – М.: Норма, 1997. – 333 с.

Поступила в редакцию 27.10.2019 г.

CONSTITUTIONAL CONTROL OF ACTS OF THE LEGISLATIVE AND EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE UNITED STATES

This article discusses the features of constitutional control over the acts of legislative and Executive authorities in the United States. It is established that the control of the American courts over the activities of the Executive authorities is not limited to checking questions on the facts. Courts in the United States also test questions of law, overturning those acts of Executive authorities that are contrary to constitutional and legislative norms.

Keywords: constitutional control, acts of legislative authorities, acts of Executive authorities, methods of interpretation of legislative acts, constitutionality of legal acts.

Лapidus Оксана Сергеевна
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: lapidus.oksana@mail.ru

Lapidus Oksana
Senior Lecturer at the Department of
Constitutional and International Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: lapidus.oksana@mail.ru

УДК 340.12(292.4/5):303.833.6

Лещенко И. И.
Костенко В. О.

КРИТИКА ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемы критики, которой подверглась евразийская концепция идеократии со стороны не только представителей Запада, но и русских западников и либералов. Общей тенденцией критики является полное неприятие евразийских идей, с акцентами на худшие стороны самобытной русской государственности и чётко выраженной целью – не допустить осмысления, определения и реализации самоидентичности России, а также определения её роли и значимости в современном геополитическом мире.

Ключевые слова: евразийство, идеократия, идеологическая доктрина, правящий класс, критика идеократии.

Основатели евразийства Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и Н. Н. Алексеев обратились к важнейшей проблеме современности, которая актуальна и сегодня, указав, что «замечается явная тяга к идеократии, к созданию такого порядка, при котором ведущий слой создавался бы на основе общности убеждений и служения им» [4].

Многие учёные, обращаясь к проблемам критики евразийских идей, пытались осмыслить её суть, целеполагание и значение для последующего определения и извлечения позитивных и негативных тенденций. Тем более что критиковать евразийство начали с момента его возникновения и продолжают сегодня, но уже в контексте неоевразийского подхода. Современный исследователь С. В. Базавлук так характеризовал реакцию на выступления евразийцев: они «практически сразу привлекли к себе внимание, вокруг них кипели нешуточные страсти, шли острые споры, выдвигаемые ими тезисы, обсуждались в печати» [1, с. 727]. Пытаясь разобраться в критике евразийских идей, учёный условно разделил её на две группы: первую представляли русские «западники», негативно воспринимающие идеи евразийцев; вторую составляла часть авторов первых евразийских сборников, которые впоследствии отошли от евразийцев [1, с. 726]. О критике внутри самих евразийцев указывали и другие учёные. Например, А. С. Изгоев в книге «Рождённые в революционной смуте (1917–1932)» писал, что «евразийство Сувчинского и Святополк-Мирского, Красавина и Алексеева разительно отличаются как между собой, так и от евразийства Савицкого и Трубецкого» [1, с. 726]. В переписке евразийцев также подтверждается не только разность их взглядов, но неприязнь и ярая критика. Так, Н. С. Трубецкой в письме к П. П. Сувчинскому обвинял его в некоторых вопросах [2, с. 269–270].

Г. П. Флоровский сначала обобщал позицию критикующих евразийство: «большинство оппонентов вообще никакой правды искать не желают, а в евразийцах казнят именно беспокойство их искания», из-за чего почти вся критика сводится к голословным осуждениям, а обсуждения как такового не происходит». Позже сам перешёл в лагерь оппонентов, критикуя евразийцев в статье «Евразийский соблазн» 1928 г., называл евразийство духовной неудачей. П. Н. Савицкий посвятил специальную статью «В борьбе за евразийство. Poleмика вокруг евразийства в 1920-х гг.», в которой констатировал, что с конца 1921 г. в эмигрантской печати стал формироваться антиевразийский фронт. Этому способствовало и то, что само евразийство никогда не было внутренне монолитным.

Чтобы критиковать что-либо и, тем более, это опровергать, необходимо хорошо знать, понимать и осмысливать суть рассматриваемого вопроса в его ретроспективном и перспективном аспектах. Что такое идеократия, и почему евразийцы заинтересовались именно этой идеей и возвели её в ранг ключевой? Что в этой концепции не устраивало её критиков? Идеократия сочетает два понятия: идею (от греческого – *idea*) и власть (от греч. – *kratos*). По определению современного исследователя Н. А. Нартова, это такой политический строй в государстве, «когда правящий класс или правящая группа руководствуются при формировании государственных институтов и управлении обществом не имущественными или иными мотивами, а реальным или воображаемым идеалом, *идеологической доктриной*» [3, с. 135]. Евразийцы под этой формой понимали не либеральное правление с выборностью, а такие формы, как диктатура, самодержавная монархия, что сразу же вызывало неприятие. Они считали, что «идеократическая форма правления в России изначально базировалась на *духовном начале*, т.е. и физический мир, и материальные потребности органически включались в духовный, идейный, военно-политический процесс» [3, с. 136]. Представленная евразийцами концепция идеократического государства сразу же подверглась разноплановой критике, как на Западе, так и внутри России. Обращение к этой теме актуально и вполне соответствует новым тенденциям государственного развития современной России и формированию неоевразийской концепции в контексте национальной идеологии. Проблема идеократии не нова и корнями уходит ещё в античную философию Платона. Однако, как в тезисах о Фейербахе отмечал К. Маркс, «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». И это стало главным для евразийцев. Прочитываем одного из основателей евразийства П. Н. Савицкого: «Несомненно и то, что, лишь объясняя определённым образом мир, можно стремиться к его изменению.... Евразийцы объясняют окружающую их действительность и в тоже время ставят своей задачей сделать её иной» [4]. Этот постулат также подвергался критике. Например, Андреас Ландау в 1922 г. писал, что «евразийцы – это бездейственное самоутешение». В. В. Шульгин в статье «Злость» вообще определил его, как «вид злости» [1, с. 727]. Без понимания этого трудно воспринимать любую критику и, тем более, пытаться её опровергать. Важно также рассматривать концепцию идеократического государства в контексте понимания их учения в целом, а не вырывать и изучать отдельными фрагментами, что только осложняет понимание проблемы.

Обобщим и кратко охарактеризуем основные постулаты евразийской идеократии, по которым была развёрнута основная критика.

1. Евразийцы конструировали понятие новой формы государственного правления – «идеократии», при которой «ведущий слой создавался бы на основе общности убеждений и служения им» [4]. Основатель евразийства С. Н. Трубецкой назвал это «идеей-правительницей», предполагая, что эта идея будет найдена не сразу, а, наоборот, она будет формироваться постепенно, и её господство может обеспечить устойчивость и порядок в государстве. Для реализации особенности Русского пути развития необходима своя константа, стержень, который евразийцы усматривали в организации ведущего слоя, образованного на идеократических началах и снабжённого определёнными конституционными правами. Такую организацию евразийцы называли «государственным активом», а сам строй в целом определяли термином «демотический», в основе которого лежит идеократический принцип, определяющий жизнь государственного актива. В основе такой идеи лежала духовно-религиозная составная. Характерно, что евразийцев критиковали за недостаточную проработку религиозного внутреннего взаимоотношения в пространстве Россия-Евразия, а именно за недостаточное внимание другим религиям при монополии одной религии – Православия. Как справедливо заметил С. В. Базавлук, ещё основатели евразийства «пытались установить примат Православия как внутри движения, так и в качестве духовной основы государственности России-Евразии» [1, с. 731]. Это было отражено в их программных установках и статьях. Сам же учёный считал, что, «преемственность следованию Православия как государственной религии выглядит вполне логично, ... с точки зрения разработки государственной стратегии, такая моноконфессиональность является значительным упущением» [1, с. 731]. Подобной позиции придерживаются и другие современные исследователи. И на эту проблему нужно обратить внимание. Например, М. Мчедлова отмечала, что, несмотря на то, что с Православием ни одна религия не может конкурировать ни по силе, ни по степени исторического и культурного влияния, «определение российской цивилизации как православной кажется не вполне достаточным» [5, с. 365]. Она аргументировала тем, что такие религии, как ислам, иудаизм, буддизм и др. внесли свой вклад, что «свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе» [5, с. 365]. Эту же проблему актуализировал ещё один сторонник мультиконфессионализма, зам. директора Центра арабистики и исламоведения Института стран Азии и Африки МГУ Д. Мухалетдинов, который в статье «Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт» отмечал, *во-первых*, историческую значимость тесного взаимодействия народов, которые в течение 14 веков «ковали евразийскую цивилизацию с носителями исламской идентичности». *Во-вторых*, «не вызывает сомнения, что ислам стал частью российской и евразийской идентичности, и оказал значительное влияние на её формирование». *В-третьих*, он показал перспективность традиционного мультикультурализма неоевразийской прото-

идеологии, означающее, что «развитие России будет связано с углублением межрелигиозного и межкультурного взаимодействия, с обеспечением мирного сосуществования евразийских духовных традиций и сформированных ими культур, без акцента на какой-либо одной культуре». В-четвёртых, в неоевразийской прото-идеологии возможно, по его мнению, сочетание «формата светского общества с теми моральными и духовными преимуществами, которые дают нам традиционные религии» [6, с. 45]. Евразийцы свою идею-правительницу представляли только в комплексе с другими идеями, то есть, отдельно от них она не могла существовать.

2. По замыслу евразийцев, идея и понятие личности занимали центральное место в их мировоззрении. Они ввели понятие «симфонической личности», духовной основой которой являлась традиция.

3. Эта идея сопряжена с особостью русского мира во всех смыслах: историческом, духовно-религиозном, географическом, политическом, экономическом, лингвистическом и др. Характерно, что Россию-Евразию евразийцы воспринимали как «симфоническую личность». Более того, они утверждали о её непрерывном существовании (не всегда осознавая это). Замысел евразийцев, по словам П. Н. Савицкого, состоял в том, «чтобы самоутверждение особого мира России-Евразии сделать фактором творческого сближения её с окружающим миром» [4]. Современный исследователь евразийства И. А. Исаев в статье «Евразийство: идеология государственности» отмечал, что, несмотря на широту их мировоззренческих амбиций, у них «прослеживается один ведущий аспект: мысль о замкнутом, самодостаточном пространстве, носящем название Россия-Евразия» [7, с. 32]. Смысл и пафос евразийских идей сводился к тому, что, как писали их авторы, «мы осознаём и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого её субъекта как симфонической личности.... Мы решительно отвергаем существо западничества, т.е. отрицание самобытности и ... самого существования нашей культуры» [7, с. 31]. Постулат об особости русского мира чаще всего подвергался и подвергается критике и полному неприятию не только представителями Запада, но и русскими западниками, либералами и радикалами. Например, в зарубежных изданиях (чешском «Венков» и «Трибуна», польском «Дорога», «Речь Посполита» и «Курьер Польски») авторы, обвиняли евразийцев в «примирении со всяческими неправдами» и утверждали, что будущее России только с Европой [1, с. 727]. П. Н. Савицкий к ним добавлял и новых западников-коммунистов, которые заимствовали своё учение из Европы и «хотели во всём и всецело уподобить Россию Европе, сделать её как бы зеркальным отражением Европы, повторить в ней все европейские формы». Более того, они хотели навязать это и всему остальному миру. Но практика оказалась обратной. Однако далее П. Н. Савицкий опроверг своё же мнение, отмечая, что «здесь-то и разверзлась пропасть между коммунистами и евразийцами». Он утверждал, что «народ не должен желать быть, как другие. Он должен желать быть самим собой. Каждый народ должен быть личностью». Только особый мир Россия-Евразия из всех когда-либо существующих культурно-исторических миров «наиболее широкого и наиболее многостороннего участия государства во всех отраслях и во всех проявлениях жизни», т. е. как среда наибольшего развития этатизма [4]. Речь идёт об исторической

преимущества для Российского государства идеи необычной концентрации народных сил при наличии сильной центральной власти. Евразийцы в этатизме видели основной стержень русской истории.

4. Неприемлемость западных ценностей логически связывает основные евразийские идеи, что провоцирует сплошную критику данного посыла. П.Н. Савицкий писал: «мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго» [4]. «Заимствование чужой – западной культуры в конечном итоге, – по справедливому замечанию Исаева, – оборачивается реформацией собственной» [7, с. 32]. С этой целью выступает установка евразийцев на неприятие чуждых и деформирующих влияний. «Механизм самосохранения запрограммирован в ней самой: осознав угрозу, она мобилизует весь центростремительный потенциал для сбережения своей цельности и единства» [7, с. 32]. В эту проблему вникал и Н. Я. Данилевский, анализируя отношения России с европейскими странами, резюмировал, что «Европа враждебна России». История лишь подтверждает, что экспансия с Запада – явление постоянное. И далее он справедливо констатировал: «Свои великие вселенские решения, которые становятся законом жизни народов на целые века, Россия решает сама, без всяких посредников» [8, с. 74]. На вопрос, что не устраивало критиков евразийцев, можно обобщённо ответить – *всё*, что не соответствовало их интересам. Их учение совершенно не вписывалось в парадигму западных ценностей. Это главное, что не устраивало западных критиков, всё остальное – только производное. Более того, евразийцы называли Запад – «главнейшим врагом» и детально объясняли причины такого неприятия. Сегодня в контексте неоевразийского учения эта проблема становится такой же актуальной. Противостояние к современной России строится также на её неприятии западных ценностей. Всё достаточно просто. Стоит обратиться в очередной раз к западной идеологии любой исторической эпохи и становится очевидным их единомыслие в главном стремлении всех подчинить своему влиянию. Это основной трэнд, а всё остальное лишь его производное. Меняются только способы и средства. И критика подчинена именно этому.

Изучив критический материал, можно представить его следующим образом. Что характерно для всех критиков и в чём её особенность? Общей тенденцией является полное неприятие евразийских идей, несмотря на то, что критиковали по отдельным частям. Они показывали и настаивали на худших сторонах самобытной русской государственности, из которой ничего полезного черпать нельзя.

Логично было бы выстроить исследование критики евразийства в хронологической последовательности, чтобы проследить, происходили ли какие-либо перемены в их взглядах, что их отличало и отличало ли вообще? Но это может быть предметом следующего исследования.

Ещё Н. Я. Данилевский предупреждал об угрозе установления всемирного господства одного культурного или цивилизационного типа, и опасности денационализации культуры, что было бы губительно для человечества, так как лишило бы человечество «необходимого условия совершенствования – элемента разнообразия», – как писал С. А. Вайгачёв [8, с. 567].

Данилевский Н. Я. решительно осуждал Запад «за навязывание им своей культуры (под фиговым листком «общечеловеческих ценностей») всему остальному миру» [8, с. 567]. К современным критикам неоевразийских идей можно отнести как зарубежных, так и российских либералов и радикалов. Например, непримирим к евразийским идеям старший научный сотрудник Института философии РАН В. Цымбурский, который считал, что «Россия не должна следовать идеям евразийства и нужно говорить не о России-Евразии, а о Казахстане-Евразии» [9, с. 63]. Его позиция сходна с взглядами Х. Макиндера, Андреаса Умланда и др., для которых характерна категоричность в отрицании евразийских идей, смешанность идей с российской политикой и абсолютная неспособность России в силу её «слабости сформировать самостоятельный полюс в мультиполярном мире, а Евразийский Экономический Союз – это, по их мнению, временное образование». И далее футуристический прогноз Андреаса Умланда, который он выдвинул в своей статье «Станет ли Россия прозападной после Путина?» (2018 г.) и ставший типичным не только для западных исследователей, но и для российских либеральных изданий: «Россия – часть Европы, а не мифологической Евразии. Запад должен заранее готовиться к новому российскому падению режима и новому, третьему, прозападному повороту Москвы после февраля 1917 и августа 1991 гг.» [10]. Но, как свидетельствует история, не все мечты сбываются.

Таким образом, резюмируя фрагментарно рассмотренное критическое отношение к евразийским идеям, важно отметить характерные черты. *Во-первых*, тенденциозность критики заключалась в том, что критиковали безапелляционно *всё* в евразийстве, а далее – в неоевразийстве, что противоречило их собственным взглядам, представлениям, убеждениям и интересам, выступающим в качестве главных аргументов. *Во-вторых*, критика была безальтернативной, однозначной и категоричной без учёта и принятия других взглядов. *В-третьих*, чётко прослеживается навязывание одной «правильной» позиции с претензией на право истины в последней инстанции. *В-четвёртых*, чётко сформулирована и выражена цель подобной критики – не допустить осмысления, определения и реализации самоидентичности России, а также определению её роли и значимости в современном геополитическом и цивилизационном мире. Всё это лишь подтверждает значимость изучения, осмысления и понимания данной критики.

Список источников

1. Базавлук, С. В. Критика евразийства и неоевразийства / С. В. Базавлук // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. – № 8. – С. 726–733.
2. Трубецкой, Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928 / Н. С. Трубецкой. – М.: Русский путь, Русское зарубежье, 2008. – С. 269–270.
3. Нартов, Н. А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающимся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов; под ред. В. И. Староверова. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007. – 527 с.
4. Савицкий, П. Н. Евразийство как исторический замысел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/kontinent-evraziya-read-200591-3.html> (дата обращения: 12.01.2020). – Заглавие с экрана.

5. Мчедлова, М. М. Вера и культурно-цивилизационная идентичность: новые грани религиозности в России и Европе / М. М. Мчедлова // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. – М.: Культурная революция, 2009. – 376 с.
6. Мухалетдинов, Д. В. Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт / Д. В. Мухалетдинов // Минарет. – 2015. – № 3. – С. 45–58.
7. Исаев, И. А. Евразийство: идеология государственности / И. А. Исаев // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 28–39.
8. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
9. Цымбурский, В. Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронологические интеллектуальные расследования / В. Цымбурский. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 263 с.
10. Андреас Улманд. Станет ли Россия прозападной после Путина? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20180510/242173831.html> (дата обращения: 02.12.2019). – Заглавие с экрана.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.

CRITICISM OF THE IDEOCRATIC STATE IN THE EURASIAN CONCEPT: RELEVANCE AND SIGNIFICANCE

The article examines the problems of criticism that the Eurasian concept of ideocracy was subjected to by not only Westerners, but also Russian Westernizers and liberals. The general trend of criticism is a complete rejection of Eurasian ideas, with emphasis on the worst aspects of the original Russian statehood and a clearly expressed goal – to prevent the comprehension, definition and implementation of Russia's self-identity, as well as the definition of its role and significance in the modern geopolitical world.

Keywords: Eurasianism, ideocracy, ideological doctrine, ruling class, criticism of ideocracy.

Лещенко Ирина Ивановна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Leshchenko Irina

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of Theory and
History of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Костенко Валерия Олеговна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», ДНР, Донецк
ДНР, г. Донецк
E-mail: lera.kostenko22@mail.ru

Kostenko Valeria

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: lera.kostenko22@mail.ru

УДК 343.101

Манивлец Э. Е.
Леонов Н. В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В данном исследовании рассмотрена дефиниция понятия «обвинения» в науке уголовного процесса и законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации, проанализированы основные вопросы правовой регламентации изменения обвинения в Донецкой Народной Республики; рассмотрено соотношение понятий «изменение обвинения» и «дополнение обвинения»; конкретизирован круг участников уголовного судопроизводства, уполномоченных изменять обвинение; предложена собственная редакция статьи уголовно – процессуального закона.

Ключевые слова: обвинение, изменение обвинения, уголовный процесс, дополнение обвинения, правовая регламентация, частичное прекращение уголовного преследования.

На сегодняшний день проблема обвинения уже не одно десятилетие является одной из ведущих проблем, как теории, так и практики отечественного уголовного судопроизводства. Обвинение тесно связано с самой сущностью уголовного процесса, так как является ключевым уголовно-процессуальным понятием. Институт обвинения неразрывно связан с другими уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными институтами, оказывая при этом на них существенное воздействие. Именно это помогает решать ряд вопросов уголовно-процессуального характера, в частности: применение мер процессуального принуждения, осуждение, назначение и отбывание наказания. При этом законодательное закрепление и научное определение дефиниции «обвинения» до сих пор вызывает многочисленные споры как в научном сообществе, так и в правотворческих органах.

Степень научной разработанности темы. Вопросы, затрагивающие институт обвинения в Донецкой Народной Республики, практически не исследуются. Данному вопросу не было уделено достаточного внимания в научной среде. Это связано, прежде всего, со становлением процессуального законодательства в Республике и принятием Уголовно-процессуального кодекса в 2018 году. В тоже время в Российской Федерации исследование данного института проводится не первое десятилетие. Данный процесс связан, прежде всего, с постоянным усовершенствованием законодательства в данной сфере. Вопросами обвинения занимались такие знаменитые ученые-процессуалисты как Ф. М. Кудин, Е. И. Зубенко, Ф. Н. Фаткуллин, А. П. Рыжаков и другие.

Целью исследования является конкретизация понятия обвинения, анализ основных вопросов правовой регламентации изменения и дополнения обвинения

© Манивлец Э. Е., Леонов Н. В., 2020

в Донецкой Народной Республики; предложение рекомендаций по усовершенствованию статей уголовно-процессуального закона в вопросах, касающихся института обвинения в Донецкой Народной Республике.

При исследовании данной тематики использовались следующие методы научного познания: формально-юридический, метод правовой компаративистики, системный и другие.

Понятие обвинения не имеет точной формулировки. В толковом словаре С. И. Ожегова слово «обвинение» определяется как признание виновным в чем-нибудь, предписывание кому-нибудь вины, осуждение в чем-либо; обвинительный приговор; обвиняющая сторона в судебном процессе [1, с. 425]. Советский процессуалист Чельцов М. А. характеризовал обвинение как «пружину, действие которой обуславливает развитие процесса и его движение по ступеням» [2, с. 88]. Аналогичным образом трактовали данное понятие советские и российские процессуалисты: В. М. Савицкий, Н. Н. Полянский, М. С. Строгович. Однако приведенные определения понятия обвинения лишь подчеркивают важность института обвинения, и самого понятия в частности, не давая ему, в тоже время, четкой дефиниции.

Более конкретно понятие обвинения характеризовал процессуалист П. М. Давыдов. Ученый, в своих научных трудах, неоднократно поднимал проблематику института обвинения и утверждал, что процесс обвинения является закреплённым в процессуальном акте утверждением органа уголовного судопроизводства о совершении лицом преступления [3].

Ученый Ф. Н. Фаткуллин, акцентировал свое внимание на то, что существует различия между обвинением в материально-правовом и обвинением в процессуальном смысле.

Под обвинением в материально-правовом смысле понималась совокупность установленных по уголовному делу и вмененных обвиняемому лицу в вину общественно опасных и противоправных фактов. Данные факты составляют квинтэссенцию непосредственно того состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей уголовного закона, за который это лицо привлекается к уголовной ответственности и подлежит осуждению. По мнению Ф. Н. Фаткуллиной, обвинение в процессуальном смысле – это процессуальная деятельность компетентных органов и лиц, основанная на законе, целью которой является изобличение обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, обоснование его уголовной ответственности. Результатом данной деятельности является публичное осуждение обвиняемого [4, с. 35].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что в научных кругах ученых-процессуалистов, огромное значение придается исследованию указанного понятия. Данный факт свидетельствует о большом теоретическом интересе в вопросе правовой регламентации понятия «обвинения», степени его сложности и практической значимости решения данного вопроса.

Необходимо отметить, что действующий уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) не содержит определения понятия обвинения. В тоже время, само понятие встречается в уголовно-

процессуальном законе достаточно часто в различных контекстах, например: «предъявление обвинения» (ст.ст. 10, 155, 162, 244, 262 УПК ДНР), «государственное обвинение» (ст.ст. 16, 33, 248 УПК ДНР), «поддержание обвинения» (ст.ст. 29, 49 УПК ДНР), «новое обвинение» (ст. 155 УПК ДНР), «изменение обвинения» (ст. 247 УПК ДНР) и др. [5].

Близким по содержанию к понятию обвинения, является понятие уголовного преследования. Дефиниции понятия «уголовное преследование» в УПК ДНР также не содержится, дается только общее представление об уголовном преследовании в главе 39 УПК ДНР – «Перенимание уголовного преследования». При этом под перениманием уголовного преследования понимается передача уголовного дела компетентным органом одного государства компетентному органу другого государства, для осуществления дальнейшего уголовного производства по такому делу, что закрепляется в ст. 507 УПК ДНР. Однако, данная норма не содержит однозначного соотношения дефиниций «обвинение» и «уголовное преследование». Данный законодательный пробел приводит к возникновению большого количества спорных вопросов, как в теории уголовно-процессуального права, так и в правоприменительной деятельности.

В тоже время, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации содержит дефиницию понятия «обвинения», в тоже время отграничивает его от смежного понятия «уголовного преследования». Так согласно п. 22 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): «обвинение – утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». В свою очередь уголовное преследование регламентируется как «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления», что непосредственно закрепляется в п. 55 ст. 5 УПК РФ [6]. Таким образом, уголовно-процессуальным законодательством РФ проводится четкая грань между утверждением о совершении преступления (обвинением) и уголовно-процессуальной деятельностью (уголовным преследованием), осуществляемой для подтверждения обвинения.

По нашему мнению, в ст. 33 УПК ДНР необходимо внести изменения и закрепить в ней понятие обвинения в следующей правовой регламентации: «обвинением является содержащееся в уголовно-процессуальном акте утверждение уполномоченных органов о совершении лицом преступления, предусмотренного действующим уголовным законом, и выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Помимо закрепления самого понятия обвинения в тексте УПК ДНР, закрепления в тексте уголовного закона требует также понятие уголовного преследования. Существенной доработки и правового урегулирования в тексте соответствующей нормы уголовно-процессуального закона требует также соотношение дефиниции «обвинения» со смежными понятиями, в частности – уголовным преследованием.

Понятие обвинения неразрывно связано с такими уголовно-процессуальными институтами как: отказ от обвинения, изменение обвинения и прекращение уголовного преследования.

Изменение содержания и объема обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики возможно на различных стадиях уголовного процесса. Однако для каждой стадии предусмотрены определенные особенности правовой регламентации. При этом наибольшей спецификой обладает порядок изменения объема обвинения на стадии проведения предварительного следствия.

Так, согласно ст. 155 УПК ДНР, если во время проведения предварительного следствия по уголовному делу возникнет необходимость изменить предъявленное обвинение или дополнить его, следователь обязан предъявить обвиняемому новое обвинение с соблюдением требований, установленных ст.ст. 145–147 и ст. 154 УПК ДНР. Кроме того, следователь обязан допросить лицо по новому обвинению. В случае, если во время проведения предварительного следствия часть предъявленного обвинения не нашла своего подтверждения, следователь выносит постановление и прекращает дело в этой части обвинения, о чем объявляется обвиняемому.

По нашему мнению формулировка «возникнет необходимость» носит некорректный характер, поскольку в результате ее реализации возникает целый ряд вопросов, в частности: каковы причины возникновения такой необходимости, кто определяет ее пределы и границы? Размытая формулировка данной нормы становится почвой для возможных злоупотреблений должностными полномочиями со стороны органов, осуществляющих предварительное следствие. Помимо этого, при такой формулировке, в данной норме явно прослеживается наличие коррупциогенного фактора, а именно юридико-лингвистической неопределенности, т.е. употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера, предусмотренного п. «б» ст. 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Донецкой Народной Республики № 25-15 от 12.09.2019 г. [7].

Считаем, что целесообразным является изменение формулировки «возникнет необходимость» на «возникнут основания», с дальнейшей конкретизацией вышеуказанных оснований в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона.

Помимо этого, при данной формулировке остается открытым вопрос: каким образом следователь предъявляет обвиняемому новое обвинение без вынесения нового постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. На наш взгляд, данная норма не в полной мере описывает институт изменения обвинения на данной стадии, т.к. механизм приведения его в действие не регламентирован в законодательстве должным образом.

По мнению некоторых ученых-процессуалистов, порядок изменения обвинения, предусмотренный ст. 155 УПК ДНР, распространяется только до фактического момента передачи прокурору уголовного дела [8, с. 122]. Такая позиция представляется весьма спорной, поскольку остается неясным, действует ли данный порядок изменения обвинения, предусмотренный ст. 155 УПК ДНР, в случаях, когда прокурор возвращает уголовные дела для проведения дополнительного расследования. Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 245 УПК ДНР «прокурор или его заместитель возвращает

дело органу дознания или следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительного расследования». Исходя из этого, усматривается явный законодательный пробел: может ли следователь, приняв возвращенное ему уголовное дело к производству, изменять обвинение в порядке ст. 155 УПК ДНР.

Буквальное изучение положений ст. 155 УПК ДНР показывает также ряд неточностей понятийного аппарата. В частности, название статьи и фактически содержащиеся в ней нормы не соответствуют друг другу. Так, название статьи «Изменение и дополнение обвинения» определяет две категории: изменение обвинения и дополнение обвинения. В тоже время в диспозиции статьи раскрывается содержание частичного прекращения уголовного дела, где указано, что, если при проведении предварительного следствия часть предъявленного обвинения не нашла подтверждения, следователь своим постановлением прекращает дело в этой части обвинения, о чем сообщает обвиняемому.

Кроме того, в указанной норме не раскрывается категория «дополнения обвинения», что является по существу верным, так как, по нашему мнению, изменение обвинения включает в себя и его дополнение.

Аналогичная проблема существует и в российском уголовно – процессуальном законодательстве. В связи с отсутствием выработанной юридической практики и недостаточного объема правовой доктрины в Донецкой Народной Республике, считаем необходимым обратиться в данном вопросе к научному и законодательному опыту Российской Федерации.

Так, в ст. 175 УПК РФ определяется, что в случае, когда в ходе проведения предварительного следствия появляются основания для изменения уже предъявленного обвинения, следователь в соответствии со ст. 171 УПК РФ обязан вынести новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявить его обвиняемому лицу в порядке, установленном ст. 172 УПК РФ. А, когда в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемое лицо, его защитника, а также прокурора.

Так, по мнению российского процессуалиста А. П. Рыжакова, ключевым недостатком указанной нормы является то, что в ее названии присутствуют три уголовно-процессуальные категории: «изменение обвинения», «дополнение обвинения», а также «частичное прекращение уголовного дела», хотя в тексте статьи регламентируются положения изменения обвинения (ч. 1 ст. 175 УПК РФ) и частичного прекращения уголовного дела (ч. 2 ст. 175 УПК РФ), а правовая регламентация дополнения обвинения в указанной норме отсутствует [9, с. 3].

Профессор З. Д. Еникеев, рассматривая проблему соотношения понятий «изменение обвинения» и «дополнение обвинения», считает, что эти понятия одинаковы по сути, но противоположны по направленности. По мнению ученого, дополнение обвинения – это расширение, увеличение объема обвинения, а изменение обвинения в свою очередь – это его сужение или видоизменение [10, с. 73].

В научной среде, ряд авторов полагает, что «дополнение» обвинения – это деятельность по корректировке его содержания, а «изменение» связано с

исправлением неточностей, ошибок в изложении обстоятельств дела либо при их юридической оценке [8, с. 124].

В практической деятельности, при применении правовых норм, регламентирующих изменение и дополнение обвинения нередко возникают трудности. Это связано, прежде всего, с тем, что закон прямо не закрепляет порядок дополнения обвинения. В связи с этим данные авторы настаивают, что изменение обвинения является общим понятием для всех форм корректировки обвинения. Они утверждают, что понятие «изменение обвинения» включает в себя и его дополнение, и частичное прекращение уголовного преследования, как следствие уменьшения объема обвинения [11, с. 41].

Анализируя указанную позицию, нельзя не отметить, что она обладает существенным недостатком: в понятие «изменение обвинения» включается и прекращение уголовного преследования. При этом такое соотношение данных понятий образует коллизию следующих правовых норм: ч.ч. 1 и 2 ст. 175 УПК РФ и соответственно ч.ч. 1 и 2 ст. 155 УПК ДНР. Включая в название статьи (помимо изменения обвинения) частичное прекращение уголовного преследования, законодатель не дает конкретного указания, какой именно частью данной статьи должен руководствоваться лицо, производящее предварительное следствие при частичном прекращении уголовного преследования: выносить новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, прекращать своим постановлением уголовное преследование, либо, соблюдать порядок, предусмотренный обеими частями ст. 155 УПК ДНР (ст. 175 УПК РФ соответственно).

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо рассматривать понятие «изменение обвинения» как обобщающее понятие к любым изменениям объема обвинения (в том числе дополнению), при которых нет необходимости прекращать уголовное преследование в части. Исходя из этого, мы предлагаем изменить название ст. 155 УПК ДНР, изложив его в следующей редакции: «Изменение обвинения. Частичное прекращение уголовного преследования».

На сегодняшний день открытым остается вопрос и о субъектном составе лиц, имеющих право согласно ст. 155 УПК ДНР изменять предъявленное лицу обвинение. По нашему мнению, помимо следователя, как лица производящего предварительное следствие, полномочиями по изменению обвинения должен наделяться начальник следственного отдела, т.к. согласно ч. 2 ст. 127 УПК ДНР – «начальник следственного отдела вправе ... участвовать в производстве предварительного следствия и лично проводить предварительное следствие, пользуясь при этом полномочиями следователя». Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным в ст. 155 УПК ДНР заменить формулировку «следователь» на «участник уголовного судопроизводства, уполномоченный принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого». К таким лицам стоит относить не только следователя, но и начальника следственного отдела.

Подводя итог сказанному, предлагаются следующие меры по совершенствованию правовой регламентации понятия «обвинения» и процессуального порядка изменения обвинения в законодательстве Донецкой Народной Республики:

– в ст. 33 УПК ДНР закрепить понятие обвинения, указав, что: «обвинением является содержащееся в уголовно-процессуальном акте утверждение уполномоченных органов о совершении лицом преступления, предусмотренного действующим уголовным законом, и выдвинутое в порядке, установленном действующим Кодексом»;

– понятие «изменение» обвинения включает в себя «дополнение» обвинения, исходя из этого, следует изменить название ст. 155 УПК ДНР, изложив его в следующей редакции: «Изменение обвинения. Частичное прекращение уголовного преследования»;

– полномочиями на изменение обвинения должен наделяться не только следователь, но и начальник следственного отдела: в ст. 155 УПК ДНР необходимо заменить формулировку «следователь» на «участник уголовного судопроизводства, уполномоченный принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого»;

– формулировка «возникнет необходимость» в ч. 1 ст. 155 УПК ДНР должна быть заменена на «возникнут основания»;

– при предъявлении нового обвинения должно выноситься новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, данную позицию необходимо закрепить в соответствующей правовой норме уголовно-процессуального закона;

– формулировка «дополнить обвинение» должна быть исключена из текста правовой нормы (ст. 155 УПК ДНР), в связи с тем, что ее природа входит в содержание понятия «изменение обвинения»;

– ст. 155 УПК ДНР изложить в следующей редакции: «если во время предварительного следствия возникнут основания изменить предъявленное обвинение, участник уголовного судопроизводства, уполномоченный принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, обязан вынести новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявить обвиняемому новое обвинение с соблюдением требований, установленных статьями 145–147 и 154 настоящего Кодекса и допросить его по новому обвинению».

Список источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
2. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс: учебник / М. А. Чельцов – 2-е изд., перераб. – М.: Госюриздат, 1951. – 511 с.
3. Кудин, Ф. М. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса / Ф. М. Кудин, Е. И. Зубенко // Общество и право. – 2010. – № 2(29). – С. 159–168.
4. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и судебный приговор: монография / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань: издательство Казанского университета, 1965. – 532 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24 августа 2018 г. № 240-ИНС (в последующих редакциях) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих редакциях) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

7. Постановление об утверждении Порядка и Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов от 12 сентября 2019 г. № 25-15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/pra/0030-25-15-20190912/> (дата обращения: 11.12.2020). – Загл. с экрана.
8. Оборин, Д. Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Оборин Дмитрий Евгеньевич. – СПб., 2005. – 156 с.
9. Рыжаков, А. П. Изменение (дополнение) обвинения: монография / А. П. Рыжаков – М.: Библиотека юриста, 2009. – 38 с.
10. Еникеев, З. Д. Уголовное преследование: учебное пособие / З. Д. Еникеев – Уфа: БашГУ, 2000. – 131 с.
11. Аветисян, А. Д. Совершенствование деятельности следователя по привлечению в качестве обвиняемого / А. Д. Аветисян // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2(30). – С. 39–45.

Поступила в редакцию 19.12.2019 г.

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF PROSECUTION IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

In this research the definition of the concept «prosecution» is studied according to the science of criminal procedure and the legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation, the main issues of legal regulation of changes in the charges in the Donetsk People's Republic are analyzed; the correlation of concepts of «charge change» and «supplement prosecution» is considered; the circle of participants authorized to change the prosecution in criminal proceedings is specified; the own version of the article of the criminal procedure law is proposed.

Keywords: prosecution, charge change, criminal process, supplement prosecution, legal regulation, partial termination of criminal prosecution.

Манивлец Элина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: manel76@mail.ru

Manivlets Elina

PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: manel76@mail.ru.

Леонов Никита Вадимович

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: leonik60@mail.ru.

Leonov Nikita

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: leonik60@mail.ru

УДК 342

Поляков В.Ю.

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ОМБУДСМЕНА В СФЕРЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассмотрена компетенция Уполномоченного по правам человека в сфере совершенствования законодательства Донецкой Народной Республики о правах человека и гражданина и приведения его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права. Установлено, что на сегодняшний день в законодательстве ДНР не закреплен срок для рассмотрения субъектами законодательной инициативы законопроектов, предложенных омбудсменом, а также для внесения указанных проектов в парламент. Обоснована целесообразность внесения соответствующих дополнений в ст. 25 закона «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике».

Ключевые слова: омбудсмен, законодательная инициатива, полномочия, компетенция, права человека.

Провозглашение в Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности подразумевает необходимость обеспечения действенного механизма контроля за их соблюдением. При этом, одним из наиболее эффективных органов государственной власти, зарекомендовавшим себя в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, как в ДНР, так и в мировой практике, является институт Уполномоченного по правам человека. Так, на сегодняшний день институт омбудсмента на национальном, региональном и местном уровнях существует более чем в 100 государствах.

В ДНР институт Уполномоченного по правам человека занимает одно из центральных мест в системе несудебных форм правовой защиты, основным назначением которой является восстановление нарушенных прав и свобод личности. Закон ДНР «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике» от 3 апреля 2015 года регламентирует статус уполномоченного, его компетенцию, порядок назначения и освобождения от должности. Особое внимание уделено независимости и неподотчетности омбудсмента иным государственным органам и должностным лицам. В то же время, недостаточно урегулированными остаются отдельные аспекты деятельности омбудсмента в ДНР, в частности, его полномочия в сфере совершенствования законодательства республики о правах человека и приведения его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права. Указанное объективно препятствует реализации Уполномоченным по правам человека функций, возложенных на него в соответствии с законом. Изложенное, а также

© Поляков В. Ю., 2020

высокая социальная значимость обозначенной проблематики обуславливает актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы правового статуса и полномочий омбудсмана исследовались как отечественными, так и зарубежными авторами, среди которых: М. Д. Дадашева, Ф. А. Жестовкая, Д. Т. Караманукян, Н. В. Корнеева, Г. Куско-Стадлмаер, В. А. Михайловская, А. Е. Новикова, Дж. Рудольф, Ю. Г. Спичак и другие. В то же время, в условиях продолжающегося вооруженного конфликта вопросы эффективного правового обеспечения деятельности Уполномоченного по правам человека приобретают особую значимость.

Цель работы заключается в анализе полномочий омбудсмана в сфере совершенствования законодательства Донецкой Народной Республики о правах человека, а также разработке предложений по внесению соответствующих изменений в закон «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике».

Институт омбудсмана возник в Швеции в результате принятия новой конституции после свержения короля Густава IV Адольфа как средство поддержания баланса власти короля и парламента. После Второй мировой войны институт уполномоченного по правам человека получил широкое распространение в европейских странах и других регионах мира. О динамике его развития свидетельствует тот факт, что если в начале 50-х годов институт омбудсмана существовал только в двух государствах – Швеции и Финляндии, в настоящее время он получил распространение более чем в 100 странах [1, с. 95].

Усиление роли омбудсменов в мире послужило причиной создания в 1976 г. Международного института омбудсмана, который объединяет национальные институты более чем 50 стран, содействует развитию деятельности омбудсменов в мире с помощью исследований, образовательных программ, публикаций и обмена информацией, а также организации региональных и международных конференций.

В соответствии с положениями Маастрихтского договора о создании Европейского Союза (далее – ЕС), в 1993 г. была учреждена должность омбудсмана в ЕС. Ему было предоставлено право принимать к рассмотрению жалобы любого юридического или физического лица страны-члена ЕС и проводить расследования деятельности институтов и органов Европейского Союза, за исключением Суда Европейских сообществ и суда первой инстанции ЕС [2, с. 188].

На сегодняшний день данный орган стал неотъемлемой частью национальной правовой системы ряда государств, включая ДНР. Во многом это обусловлено особенностями осуществления уполномоченным по правам человека своих правозащитных функций, а именно простотой и доступностью, безвозмездным характером правовой помощи, а также независимостью данного института от органов государственной власти.

Так, по данным Международного института омбудсмана – международной организации, основной целью которой выступает развитие сотрудничества омбудсменов всех стран мира – по состоянию на декабрь 2018 года членами данной организации являются 234 представителя различных государств. При этом

количество ее участников за последний год увеличилось на 10 [3]. Это свидетельствует о востребованности деятельности омбудсменов в сфере защиты прав человека во всем мире.

Международный институт омбудсмана определяет омбудсмана как должностное лицо, назначаемое либо парламентом, либо главой государства по согласию парламента, призванное защищать граждан от злоупотребления властью, совершения ошибок, безответственности со стороны органов государственной власти и должностных лиц, повысить прозрачность их действий и предотвращать принятие несправедливых решений, ущемляющих права граждан [3].

Как указывает Д. Т. Караманукян, в мировой практике известны три функциональные модели института омбудсмана, которые различаются его местом в системе государственной власти, порядком назначения, подотчетностью, объемом полномочий. Первая модель характеризуется тем, что исполнительный омбудсмен представляет собой должностное лицо, назначаемое правительством или президентом страны, и, следовательно, перед ним подотчетен. Это сравнительно редко встречающаяся модель, которая существует во Франции, в Казахстане и в некоторых штатах США. В соответствии со второй моделью, независимый омбудсмен находится вне системы трех ветвей государственной власти и назначается либо президентом, либо парламентом, однако после назначения обладает служебной ответственностью, т. е. никому не подотчетен. В рамках третьей модели парламентский омбудсмен находится в системе законодательной ветви власти, избирается парламентом и подотчетен ему. Парламентский омбудсмен выступает органом парламентского контроля, имеет широкие полномочия, придающие ему определенную автономию и независимость [4, с. 17].

Важное практическое значение имеет также классификация по объему полномочий омбудсмана. Так, в первую группу входят национальные омбудсмены, полномочия которых распространяются на государственные органы всех ветвей власти (Швеция, Финляндия, Польша). Ко второй группе относятся омбудсмены, в сферу компетенции которых входят лишь органы исполнительной власти (СНГ и Балтия). К третьей группе принадлежат омбудсмены, сфера контроля которых охватывает органы и должностных лиц государственных и негосударственных структур [4, с. 18]. Анализируя результаты сравнительно-правового исследования, можно сделать вывод об отсутствии единого подхода к правовой регламентации деятельности института омбудсмана в зарубежных странах. В то же время, существуют универсальные специфические черты данного института, обусловленные единством цели деятельности, а именно-защитой прав и свобод человека и гражданина.

В ДНР должность Уполномоченного по правам человека была учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, иностранцев и лиц без гражданства, находящихся на территории республики, предотвращения любым формам дискриминации относительно реализации человеком своих прав и свобод (ч. 1 ст. 2 закона ДНР «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике») [5]. Важной особенностью деятельности омбудсмана является то, что в соответствии с ч. 3 ст. 2 Закона,

Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Следует отметить, что одной из закрепленных Законом целей деятельности Уполномоченного по правам человека в ДНР является совершенствование законодательства республики о правах человека и гражданина и приведение его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права (ч. 2 ст. 2 Закона). Кроме того, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона, к основным задачам Уполномоченного относится, в частности, совершенствование законодательства Донецкой Народной Республики. В то же время, эффективная реализация омбудсменом указанной задачи на данный момент существенно затруднена, поскольку ни Конституция ДНР, ни Закон об Уполномоченном ДНР по правам человека не наделяют последнего правом законодательной инициативы. Так, в соответствии с положениями п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона, омбудсмен имеет право обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и о дополнении законодательства Донецкой Народной Республики либо о восполнении пробелов в законодательстве. При этом, на сегодняшний день порядок и процедура такого обращения нормативно не урегулированы. В частности, не установлены сроки для рассмотрения субъектами законодательной инициативы законопроектов, предложенных омбудсменом, а также для внесения указанных проектов в парламент ДНР. Такая правовая неопределенность объективно препятствует реализации Уполномоченным функции по совершенствованию законодательства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что закрепленная в ч. 1 ст. 25 закона норма содержит лишь общее правило об обязанности органов государственной власти и местного самоуправления сотрудничать с Уполномоченным, не конкретизируя форм и сроков такой совместной работы. Сроки для рассмотрения указанными органами актов омбудсмента установлены лишь в случае, если Уполномоченный обращается с заключением, содержащим его рекомендации. В этом случае государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо, получившие заключение Уполномоченного, обязаны в месячный срок рассмотреть их и о принятых мерах в письменной форме сообщить Уполномоченному (ч. 5 ст. 25 Закона). В то же время, заключения омбудсмента не являются по своей правовой природе проектами нормативно-правовых актов, в связи с чем не могут обеспечить реализацию им функции по совершенствованию законодательства республики о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Следует отметить, что, несмотря на несовершенство правового регулирования данных правоотношений, Уполномоченным по правам человека в ДНР ведется активная работа по разработке законодательных актов. В частности, в конце 2018 г. в адрес Главы ДНР и депутатов Народного Совета омбудсменом Д. Морозовой был направлен законопроект «О вынужденных переселенцах». Проектом

предусмотрены экономические, социальные и правовые гарантии защиты вынужденных переселенцев, их прав и свобод на территории Республики. На сегодняшний день, по данным пресс-службы омбудсмена ДНР, разработка законопроекта «О вынужденных переселенцах» находится на завершающей стадии [6]. Таким образом, Уполномоченный по правам человека в ДНР, не будучи наделенным правом законодательной инициативы, реализует правовую инициативу по разработке проектов законов в сфере защиты прав и свобод человека в условиях существования пробелов законодательного регулирования.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным нормативно закрепить процедуру направления Уполномоченным по правам человека в ДНР проектов законодательных актов субъектам законодательной инициативы, в которой детально регламентировать сроки рассмотрения законопроектов и внесения их в Парламент ДНР. Так, предлагается дополнить статью 25 закона частью 7 следующего содержания: «Субъект законодательной инициативы, получивший проект закона, подготовленный Уполномоченным с целью совершенствования законодательства республики о правах человека и гражданина, обязан в месячный срок рассмотреть его и внести в Парламент ДНР». Установление срока в 1 месяц представляется целесообразным по аналогии со сроком для рассмотрения заключения и рекомендаций омбудсмена. При этом, внесение субъектом законодательной инициативы проекта в парламент порождает обязанность рассмотреть этот законопроект в соответствии с предусмотренной процедурой. Реализация предложенного будет способствовать совершенствованию законодательства республики о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Кроме того, в качестве одного из перспективных направлений следует определить обоснование необходимости наделения омбудсмена в ДНР правом законодательной инициативы. Следует отметить, что законодательная инициатива представляет собой особую разновидность правовой инициативы, специфика которой заключается в следующем: 1) ее субъекты прямо закреплены в Конституции (ст. 72); 2) принадлежит органам государственной власти; 3) связана только с высшей формой правотворческой деятельности – законотворческой деятельностью; 4) сопряжена с процессом разработки законов, подготовкой их к принятию законодательными органами, введением в действие, отменой, внесением поправок, изменений и дополнений в соответствующие акты; 5) процедура законодательной инициативы прописана в соответствующих документах [7, с. 15]. Таким образом, законодательная инициатива является начальным звеном законодательного процесса и представляет собой официальное внесение уполномоченным субъектом законопроекта в компетентный орган парламента.

Субъекту законодательной инициативы, помимо вышеназванного права вносить законопроекты, принадлежат следующие правомочия: 1) право требовать рассмотрения своей инициативы; 2) право отстаивать положения проекта в законотворческом органе; 3) право отозвать свою инициативу. Правам и обязанностям субъекта законодательной инициативы корреспондирует комплекс прав и обязанностей законодательного органа, в частности: 1) обязанность по

рассмотрению законопроекта или законодательного предложения; 2) обязанность требовать соблюдения положений регламента; 3) возможность возвращения проекта инициатору при несоблюдении последним регламента (возврат проекта является своего рода санкцией за невыполнение своей обязанности); право отклонять в ходе обсуждения представленный проект [4, с. 19].

На сегодняшний день право законодательной инициативы является широко распространенной формой деятельности омбудсмена в скандинавских государствах, многих странах Западной Европы и США. Что касается Российской Федерации, то Конституция не наделяет Уполномоченного по правам человека правом законодательной инициативы. В то же время, в научной литературе высказываются мнения о необходимости наделения омбудсмена в РФ указанными полномочиями [8, с. 55].

В соответствии со ст. 72 Конституции ДНР, право законодательной инициативы в парламенте ДНР принадлежит Главе ДНР, депутатам Народного Совета, его комитетам и комиссиям, Правительству, представительным органам местного самоуправления, образованным на территории Донецкой Народной Республики. Право законодательной инициативы также принадлежит Верховному Суду и Генеральному прокурору ДНР по вопросам их ведения [9]. Таким образом, Основной закон ДНР не наделяет Уполномоченного правом законодательной инициативы, относя к его компетенции лишь анализ проблем в тех сферах, где чаще всего встречаются нарушения прав граждан, и обязанность докладывать о них парламентариям. Указанное существенно ограничивает возможность омбудсмена оказывать непосредственное влияние на правотворчество в сфере защиты прав человека. В то же время, именно омбудсмен в ходе реализации своих полномочий ежедневно сталкивается с проблемами правоприменения в сфере защиты прав человека, связанными как с наличием пробелов в праве, так и с несогласованностью отдельных нормативно-правовых актов. Располагая актуальной и достоверной информацией о существующих проблемах, Уполномоченный по правам человека может предложить эффективные пути их решения, связанные с совершенствованием законодательства ДНР. Учитывая изложенное, а также высокую социальную значимость правозащитной и правотворческой деятельности омбудсмена в сфере защиты прав человека, целесообразным представляется наделение Уполномоченного по правам человека в ДНР правом законодательной инициативы, а также внесение соответствующих изменений в ст. 72 Конституции ДНР и закон «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике». Предложенное будет способствовать совершенствованию законодательства, а в перспективе – обеспечению эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина в республике.

Список источников

1. Волков, Н.А. Возникновение и особенности функционирования института уполномоченных по правам человека (омбудсманов) в зарубежных странах / Н. А. Волков / Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 3. – С. 93–100.
2. Покровский, А. В. Европейский омбудсман – прошлое и современность / А. В. Покровский // Юридическая наука. – № 1. – 2018. – С. 184–202.

3. International Ombudsman Institute: IOI members / Веб-сайт Международного института омбудсмена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theioi.org/ioi-members/all-regions> (дата обращения: 03.10.2019). – Загл. с экрана.
4. Караманукян, Д. Т. Современные зарубежные модели института омбудсмена / Д. Т. Караманукян // Сибирское юридическое обозрение. – 2011. – № 4. – С. 15–19.
5. Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике: Закон Донецкой Народной Республики № 30-ИНС от 03.04.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsoviet.su/zakon-dnr-ob-upolnomochenom-po-prvam-cheloveka/> (дата обращения: 04.10.2019). – Загл. с экрана.
6. О вынужденных переселенцах: проект закона Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/2019/02/27/razrabotka-zakonoproekta-o-vynuzhdennyh-pereselentsah-nahoditsya-na-zavershayushhej-stadii-press-sluzhba-ombudsmena-dnr/> (дата обращения: 03.10.2019). – Загл. с экрана.
7. Малько, А. В. Законодательная инициатива как особая разновидность правовой инициативы / А. В. Малько, Л. Г. Агабекова // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 10–18.
8. Михайловская, В. А. Уполномоченный по правам человека в системе разделения властей / В. А. Михайловская // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 2. – С. 54–60.
9. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 05.10.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 22.10.2019 г.

TO THE QUESTION OF THE AUTHORITY OF THE OMBUDSMAN IN THE FIELD OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION

The article examines the competence of the Commissioner for Human Rights in the field of improving the legislation of the Donetsk People's Republic on human and civil rights and bringing it into line with generally recognized principles and norms of international law. It has been established that to date, the legislation of the DPR has not fixed a time limit for consideration by the subjects of legislative initiative of bills proposed by the Ombudsman, as well as for submitting these projects to parliament. The feasibility of making appropriate amendments to Art. 25 of the law «On the Commissioner for Human Rights in the Donetsk People's Republic».

Keywords: ombudsman, legislative initiative, authority, competence, human rights.

Поляков Виталий Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakov Vitaliy

PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

УДК 347.62

Савченко А. А.

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА БРАКА: ДРЕВНИЙ МИР

В статье предпринята попытка на основе нормативных актов, исторических источников выделить характерные признаки института брака в различных государствах Древнего мира. Особое внимание уделено таким государствам Древнего мира как Древний Вавилон, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Древний Рим.

Ключевые слова: генезис института брака; Древний мир; Древний Вавилон; Древняя Индия; Древняя Греция; Древний Рим; Древний Китай; брак; брачно-семейные отношения; семья, обряд бракосочетания, условия брака.

Несмотря на динамичное развитие и трансформацию форм общественных отношений, достаточно актуальным по-прежнему остается аспект брачных отношений, в научной литературе институту брака уделялось достаточно внимания, однако несмотря на это, отсутствует комплексное исследование становления института брака, данного рода исследования носят скорее характер фрагментарный в связи с чем существует потребность в дальнейшем исследовании.

Исследованием становления института брака в Древнем мире занимались следующие ученые Тумов В. В., Мавринская Т. В., Калашникова Е. Б., Никогосян С. А., Макарова И. А., Ляшенко Е. Н., Керимов Г. М., Вагабов М. В. и другие.

По-прежнему в научной литературе отсутствует системное исследование генезиса института брака, его характерных признаков в различные исторические периоды человеческой цивилизации. Цель исследования заключается в том, чтобы на основе исторических источников выделить характерные признаки института брака в различных государствах Древнего мира.

Историки права, традиционно характеризуя Древний мир, а точнее говоря о цивилизациях этого периода, особое внимание уделяют источникам права таких государств как Древний Вавилон, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция и Древний Рим.

Характеризуя институт брака в Древнем Вавилоне, прежде всего, стоит отметить законы царя Хаммурапи. Началом брачных отношений в соответствии с законами, следует считать сделку между родителями брачующихся, как вариант подобный договор мог быть заключен между отцом невесты и самим женихом [10]. Действительность брака была обусловлена наличием такого письменного договора. В § 128 предписано: «если человек возьмет жену и не заключит письменного договора, то эта женщина – не жена» [2]. Невеста становилась супругой с момента заключения такого договора, даже в том случае, когда она оставалась жить в доме своего отца,

причиной тому могло быть несовершеннолетие девушки либо жених не внес плату – «выкуп». Что касается прекращения брака, то Законы Хаммурапи, закрепляли четкий перечень оснований для прекращения брака: бегство мужа из общины (§ 136), бездетность (§ 138), расточительность супруги (§ 141), супружеская измена мужа и жены (§§ 142–143), заболевание проказой (§§ 148-149). Измена супругов считалась достаточно серьезным противоправным поступком, так в соответствии с § 129 следует связать и бросить в воду мужчину и женщину, которых застали при совершении прелюбодеяния. Наряду с такой правовой санкцией, не квалифицировался как измена, переход жены пропавшего мужа, либо плененного, к другому мужчине, если у такой женщины было недостаточно средств к существованию. Любопытно, что сила брака сохранялась и существовала обязанность возврата женщины к мужу, в случае его возвращения (§§ 134–135). А вот если муж бежал, то есть «пренебрег местностью», жена возвращаться к такому мужу уже не обязана. Что касается бездетности, то согласно § 138, муж, жена которого не может родить должен отдать ей всю выкупную плату, вернуть приданное, если выкупа не было, тогда отдать жене в качестве разводной платы мину серебра. В случае бездетности жены у мужа был еще другой законный вариант продолжения своего рода, он мог ввести в дом наложницу, однако она не могла себя ставить наравне с законной женой. В случае болезни жены, муж может взять себе другую, однако прежняя жена может оставаться в доме, более того супруг должен содержать первую жену пока она жива.

Для древних индусов институт брака и семьи являлся основой благополучия. Как отмечает Ляшенко Е. Н., вступление в брак являлось для индусов первым значимым юридическим действием, совершаемым по достижению совершеннолетия [8]. В соответствии с древнеиндуистскими источниками брак рассматривался, прежде всего, как акт самопожертвования: лицо, не вступающее в брак презрительно именовалось как «не имеющий жертвоприношения». «Тайттирия – брахмана» закреплял: «Тот действительно не имеет жертвоприношения, у кого нет жены» и «Сам человек – полчеловека, вторая половина – жена» [8]. Основная цель заключения брака – жертвоприношение во имя религии, именно брак дает возможность оплатить долг предкам, производя потомство. К основным источникам брачного законодательства можно отнести: Ригведу, Атхарведу, дхармические тексты жанра смрити – дхармасутра, Дхармашастру. Можно выделить три традиционных жанра в древнеиндийской традиции: первый – мифологический (ведическая литература), второй – религиозно-правовой (дхармашастры) и светский (артхашастры). Самыми известными дхармашастрами можно назвать: Гаугамы и Апастамбы (вторая половина I тыс. до н. э.), Законы Яджваналкьи (III в. н. э.), Законы Нарады (IV– вв. н. э.), Манавадхармашастра (Законы Ману) [8]. Древние индийские источники содержат в себе подробное описание обряда свадьбы, так само бракосочетание означало вступление в стадию жизни (ашраму) домохозяина, этот этап жизненного цикла считался главным, он обеспечивал воспроизводство потомства. Брак в Древней Индии носил также как и в Древнем Вавилоне характер сделки, стороной такой сделки выступал отец невесты (при его отсутствии дед или брат, дядя по материнской линии,

мать) и жених. Стоит отметить, что единоличное решение отца имело место при заключении так называемого «правильного» брака дхармического (брахма, праджапатья, арша, дайва). Для заключения браков иных форм таких как, например, гандхарва, асура, ракшаса, пайшача, требовалось совместное решение обоих родителей. И мать, и отец за невесту получали выкуп, индийская традиция обозначала это как шулку. В случае смерти после сговора будущего мужа, жена передавалась брату умершего. Таким образом, можно утверждать, что субъектами сговора скорее были семьи, нежели их отдельные члены. Главным условием заключения брака в Древней Индии было принадлежность брачующихся к одной варне, эндогамность. В целом наличие варн и предопределяло специфику семейно-брачных отношений Древней Индии. Если характеризовать институт брака, то следует отметить, что несмотря на Законы Ману, провозглашавшие высшую дхарму мужа и жены – взаимную верность до смерти, в некоторых случаях предоставлялась возможность мужу иметь несколько жен. Так «если дваждырожденные берут жен из своей и других варн, то старшинство, почет и жилое помещение для них должны соответствовать порядку варн». Законы Ману не запрещали вступать в брак одновременно с двумя девушками, более того допускали браки «по любви», даже смешенные союзы, однако жених должен был принадлежать к более высокой варне. Так, «при первом браке дваждырожденному рекомендуется жена его варны; но у поступающих «по любви» могут быть жены согласно прямому порядку варн... Для шудры предписана жена шудрянки, для вайшия – шудрянки и своей варны, для кшатрия – те обе и своей варны, для брахманов – те три, а также своей варны» [5]. Подобные браки не считались порочными и имели название – гипергамных, а вот гипогамный брак осуждался (женщина принадлежала к более высокой варне) такой союз носил название «пратилома», что означало «вопреки здравому смыслу, против шерсти», а гипергамный воспринимался как брак идущий «по направлению волоса» и именовался как «анулома» [5]. Законы Ману скорее не запрещали смешанные браки, а объясняли их нежелательность, светские тексты Артхашастры вообще не содержали в себе запреты на межварновые браки. Древнеиндийские литературные правовые памятники содержали запреты на заключение браков между родственниками. Как отмечает Ляшенко Е. Н., брак невозможно было заключить между лицами, имеющими общего предка по отцовской линии до седьмого колена или общего предка по материнской линии до пятого колена. Законы Ману не содержат в себе положений о брачном возрасте, более того поощрялся брак между несовершеннолетними, так: «Согласно правилу дочь, даже не достигшую совершеннолетия, надо выдавать жениху из хорошей семьи, красивому». А вот Артхашастра закрепляет брачное совершеннолетие: «Женщина считается совершеннолетней в 12 лет, а мужчина в 16 лет». Женщины могли и сами утруивать свои браки после достижения зрелости, ей полагалось «ждать три года», а затем выбрать равного себе мужа. В таком случае ни невеста, ни жених не совершали греха, в соответствии с Артхашастра женщина могла выбрать и неравного себе мужчину. Но и по Законам Ману, и по Артхашастра в случае, если мужа выбирает сама женщина, она не может выносить из дома украшения подаренные отцом, братьями или матерью, подобное действие квалифицировалось как воровство [5].

В Древнем Китае общественные отношения, как считалось, должны были регулироваться законами природы. Подобный тезис был закреплен в учении Конфуция (551–479 г.г. до н. э.). Идеи Конфуция получили своё дальнейшее развитие в учении Тун-Чуншу (176–104 г.г. до н. э.), основная идея учения сводится к космической гармонии, существовании космогонического строя, в котором взаимодействуют земля, люди и небо [9]. Что касается брачных отношений, то особое внимание заслуживает Конфуцианский сборник Ли цзи («Записи о ритуале») [3]. В соответствии с главой 44 Хунь и («Значимость брачного ритуала») брачный возраст для мужчин наступал с момента прохождения обряда инициации, надев шапку, молодой человек обретал право на брак. Основная цель брака в Древнем Китае – соединение двух родов и продолжение поколений [3]. Как и в Древнем Вавилоне, Древней Индии древнекитайская традиция исключала возможность заключения брака по инициативе молодых, такое решение принималось старшими представителями соответствующих семей. Подобное решение, как правило, принимал отец семейства, предварительно испросив разрешение у предков. Брачный ритуал состоял из шести основных этапов. В соответствии с Ли цзи – это: нацай (первый этап) или позже получил название тицинъ – передача дара в семейство невесты, как помолвка, скорее даже как «сватовство». Если семья невесты принимала посланное, считалось, что таким образом предоставлялось согласие на будущий брак. Таким образом, наступал следующий этап – вэньмин – право запросить имя невесты, таким образом выяснялось кровное происхождение, дабы избежать случаев кровосмешения. После того как семья жениха узнавала фамилию невесты проводили гадание, после этого в дом невесты направлялся гонец (мэйжень) который сообщал результаты гадания дому невесты, и таким образом завершался уже третий этап – нацзи («извещение семьи невесты»). Четвертый этап – начжэн, означал отправление подарка закрепляющего помолвку в семью невесты. Таким образом подтверждалось намерение заключить брак, сговор считался удачным, а такой подарок носил название «сговорный дар»-пиньли. Как отмечает, Кейдун И. Б., пиньли могло выглядеть следующим образом: чёрная и лиловая шёлковая ткань – 5 штук, олени шкуры – 2 штуки [3]. Следующим этапом был цинци («запрашивание времени»), как правило, дата бракосочетания определялась через гадание, таким образом выяснялась воля предков. И только на шестом этапе происходила личная встреча будущих супругов, происходящая в доме невесты. Этот этап наименовался как циньин. После этого уже совершался обряд бракосочетания. Особое внимание уделялось женскому послушанию фу шунь, своего рода кодекс поведения женщины в браке. В соответствии с древнекитайской традицией муж мог разойтись со своей женой при следующих обстоятельствах: – в случае если супруга живет в несогласии с родственниками мужа (свекром и свекровью); если жена бесплодна; есть основания подозревать жену в прелюбодеянии; в случае болтливости жены, что влечет за собой раздор в семье; супруга страдает каким – либо заболеванием, в следствие которого люди чувствуют отвращение; жена без ведома мужа присвоит себе домашнее имущество. Муж имел право иметь одну жену, однако разрешалось приводить в дом наложниц без последующего закрепления ее статуса в семье, ответственность за жену нес супруг.

Одной из самых крупных цивилизаций Древнего мира, безусловно, следует считать Древнегреческую. Семья для древних греков была основой государства, базовым институтом. Подобную мысль можно «отследить» в философских трудах мыслителей того времени, так древнегреческий философ Платон раскрывал содержание терминов семьи и брака в своих трудах «Закон» и «Государство», рассматривая формы создания брака полезного для государства. Как отмечает Макарова И. А., по мнению Платона, дело мужчины осмысление и построение мира. В связи с тем, что у мужчин к деторождению и браку нет склонности, то к созданию брака с женщиной их должен приучать обычай, так как «сами они вполне бы могли довольствоваться сожительством друг с другом» [8].

В принципе, анализируя «Пир» Платона, можно сказать, что именно здесь, впервые закреплено, так называемое, партнерство, так Платон оправдывает естественность сожительства в любви людей одного пола, здесь излагается миф о происхождении людей разного пола от одного андрогина, соединяющего в себе как мужское так и женское начало, более того у андрогинов было три пола: мужской, женский и смешанный.

По мнению Платона, браки, определенно должны быть подконтрольны правительству, которое в свою очередь обязано преследовать, прежде всего, именно цели государства как такового, а не поддаваться чувствам своих граждан. Любопытно, что Платон допускает принцип свободы выбора, ну весьма условный, так он считал, что каждый вправе выбирать в пару себе в соответствии с внешним видом – красивые подбирали красивых и соответственно, наоборот. Таким образом, платоновская семья – «семья общественная» накладывается на интересы самого государства.

Аристотель в отличие от Платона именно семью считал первоосновой общественного устройства. Как отмечает Макарова И. А., Аристотель определял семью, прежде всего как, общение, возникшее естественным путем для удовлетворения повседневных надобностей. Аристотель раскрывает основные положения о браке в своем труде «Политика», так составными семьи, помимо мужа и жены, отца и детей, являются и хозяин и раб. То есть Платон рассматривал семью не только как «воспроизводящую» ячейку, но и как социальное образование, на основе которого осуществляется экономическая и политическая деятельность государства. В соответствии с представлениями Аристотеля: «Власть господина в семье – монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически)». Можно согласиться с мнением Беляевой Т. В. о том, что именно здесь видна «изначальная установка на брак как форму цивилизованных отношений, противопоставляемых состоянию варварства» [1].

Для античного периода также характерным было наличие групповых браков (промискуитета), так Плутарх отмечал особенности семейно-брачных отношений у спартанцев, где впервые в то время существовала и большая свобода для жен, своего рода принцип равенства полов. Согласно его трактату «Застольные беседы», некоторые из спартанских женщин имели по два дома и по два мужа. Таким образом, можно предположить, что данные традиции формируют обычай «свободных» браков в последующем так называемые фактические брачные отношения. Здесь можно привести пример, брачного союза Гиппархии и Крарета.

В соответствии с обычаями древних греков брак был обязательным, вследствие безбрачия, человек утрачивал гражданские и политические права [7]. В целом брак скорее воспринимался как договор и базировался на добровольных началах, по согласию жениха и невесты, не смотря на то, что заключался от имени главы семьи. Вполне моральным был в тот период и так называем «брак по расчету», как правило, между равными «имущими семьями». Постепенно брак, в силу ослабления обычая, становится легкорасторжимым и непрочным, император Август предпринимает репрессивные методы для восстановления незыблемости брачных отношений. Так в этот период устанавливается уголовная ответственность жены за супружескую неверность. Также лишается права наследования лицо, никогда не состоявшее в законном браке, а супруги, не имеющие детей, получали наследственную массу по завещанию не в полном объеме (50 %). Законодательно устанавливались возрастные пределы для заключения брака, так мужчинам разрешалось вступать в брак с 25 лет до 60, женщины могли реализовать свое право на брак в пределах от 20 до 50 лет.

Традиция «экономического наполнения» сущности брака в Древнем Риме частично продолжилась, однако брак приобретает уже сакральный смысл, более того особый интерес вызывает разнообразие форм брачных отношений: традиционные браки (постоянная семья) и временные браки (фиктивный брак и заочный брак).

Модестин, как его называли еще, отец семейного права, последний представитель классической римской юриспруденции, определял римский брак как «союз мужчины и женщины, соединение всей жизни, общность божественного и человеческого права». Анализируя данную конструкцию, следует отметить, что брачные отношения подчиняются нормам двоякого происхождения: «человеческому праву» – то есть гражданскому праву, причем и частному и публичному; «божественному праву» – то есть брачный союз должен соответствовать моральным и нравственным критериям. Следует отметить также, что брак в римском праве не носил только частный характер: люди не наделены властью самостоятельно, сообразно внутреннему желанию предопределять, каким должен быть брак.

Юридическую конструкцию римского брака можно представить через следующие признаки:

1) взаимность – «условное» равенство партнеров, так как даже в классический период женщина не была равноправным партнером мужа;

2) состояние физической зрелости – в качестве «брака» не может быть рассмотрен союз между лицами одного пола либо с неопределенными половыми признаками, а также с партнерами не соответствующего традиционно зрелого возраста;

3) согласие партнеров – такое согласие выражалось либо лично партнером, либо его представителями, особо следует подчеркнуть тот факт, что вмешательство публичных властей, должностных лиц в процесс заключения брака категорически не допускался;

4) наличие половой связи между партнерами в браке – брак признавался недействительным в случае отсутствия сексуальных отношений, причем отсутствие могло быть обусловлено как биологической невозможностью, так и нежеланием;

5) стремление партнеров заключить брачный союз, то есть речь идет именно о желании совместного проживания;

б) постоянная совместная жизнь супругов, здесь прежде все речь идет о совместном хозяйстве и едином местожительстве.

Отсутствие любого из условий служит основанием для признания брака недействительным.

До Юстиниана, как отмечает Кудинов О. А., римское семейное право разделяло *matrimonium iustum* – законный римский брак между лицами, имеющими *ius conubii*, и *matrimonium iuris gentium* между лицами, такого права не имеющими.

Доюстиниановский период характеризуется наличием двух видов брака, в разных формах, с последующим различным по содержанию режимом имущества, а также с разным правовым положением супругов.

Первым видом брака, в римском праве был брак *cum manu mariti*, брак с властью мужа, вследствие такого брака жена находилась под властью мужа или домовладыки (в случае если муж был сам под властью). Если до брака жена находилась в собственной власти, то в результате вступления в брак *cum manu* (в чужой власти) она получала статус *persona alieni iuris*. В случае если жена до брака была под властью (*in potestate*) своего отца, то заключив брак такого вида, она переходила под власть мужа или его *pater familias*, если муж был под властью отца, и становилась агнаткой семьи мужа.

Следующим видом брака был – *sine manu mariti*, вследствие которого жена оставалась под властью прежнего домовладыки, или становилась самостоятельным лицом. Данный вид брака схож с конкубинатом, но обладал особым признаком – намерением создать семью, а также желанием иметь детей и воспитывать их. Такой вид брака (*sine manu*) необходимо было возобновлять ежегодно. В соответствии с Законами XII таблиц существовало требование, согласно которому женщина, не желающая установления над собой власти мужа фактом давности сожителства, обязана была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и вследствие этого прерывать годичное давностное владение.

Браки *cum manu* и *sine manu* различались порядком заключения и прекращения. Заключение брака *sine manu* был актом неформальным и скорее существовал как фактическое состояние, а вот брак *cum manu* требовал соблюдения некоторых обрядов (акт формальный).

Для заключения брака было необходимо наличие права вступить в римский брак *ius conubii*, так в доюстиниановский период таким правом не обладали некоторые категории иностранных лиц.

Процедура заключения брака включала два отдельных действия: обручение и брачная церемония. В древнейший период обручение осуществлялось без участия брачующихся, позже обручение происходило с согласия *paterfamilias* обеих сторон, в последующие периоды в случае одностороннего отказа другая сторона имела права потребовать возмещения у виновной стороны. В момент ритуала обручения жених вручал невесте кольцо с благословения священника. Римские подданные носили кольцо на четвертом пальце левой руки, так как именно он напрямую связан с сердцем, также обряд был связан с прикрытием невесты и возложением венцов на головы брачующихся.

Ключевым моментом заключения брака, порождающий личные и имущественные права, признавался увод жены в дом мужа. В последующие периоды

утверждалось скорее неформальное совершение брака путем заключения соглашения между брачующимися о совместном проживании.

Также в римском праве существовало три вида брака: правильный, неправильный и брачное сожительство. *Nuptiae* или правильный брак – это заключенный мужчиной и женщиной одного правового качества; он заключался в специальных, признанных законами формах и порождал все предусмотренные законом права личного и имущественного характера, а также последствия для супругов. Неправильным браком или брачным союзом считался союз между лицами разного права, речь идет, прежде всего, о союзах, где один партнёр имеет римское гражданство, а другой партнёр принадлежит к другому гражданству, либо между перегринами. Данный брак определял правовые последствия, однако, не в соответствии с положениями гражданского брака. И третий вид брачного союза – (*contubernium*) т. е. брачное сожительство. Данное сожительство должно было обладать двумя условиями: быть постоянным и характеризоваться наличием семейных отношений, что отличало данные правоотношения от появившегося позднее *adulterium* (временной половой связи), такая связь, при определенном стечении обстоятельств могла квалифицироваться как уголовное преступление [4].

Что касается самой процедуры заключения брака, то в Древнем Риме так же как и в Древней Греции существенное значение имела помолвка. Сговор мог осуществляться как между совершеннолетними так и несовершеннолетними лицами. В случае нарушения данного согласия по сговору, следовало судебное разбирательство, в результате которого «недобросовестная сторона» обязана была выплатить штраф. Несмотря на такой рациональный подход древних римлян, анализируя источники периода принципата, I в. до н. э.–III в. н. э., следует отметить, что брак базировался и на таких качествах как взаимное согласие, долговременность, истинность намерений сочетающихся [10].

Римский юрист Юлий Павел, отмечал что: «не может состоять брак иначе, как по согласию всех, то есть тех, кто сочетается браком и в чьей власти они находятся». Постепенно в обществе моральные устои ослаблялись, что привело к попыткам государственного вмешательства в регулирование брачных отношений. Октавиан Август, например, ввел законы о роскоши, о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для разных сословий. Римское общество достаточно бурно встретило реформы, постепенно правитель вынужден был пойти на компромисс, смягчить наказание, разрешить трехлетнее вдовство. А выяснив, что некоторые из граждан обходят закон, заключая брак с несовершеннолетними или часто меняя супруг, Август сократил сроки помолвки и ограничил разводы [10] приняв закон Папия Пупия. Отдельно следует уделить внимание брачному законодательству Древней Спарты. Так, Ликург, определял детей как собственность государства. Жителям Спарты разрешалось вступать в половые отношения с женщинами для воспроизводства потомства без имущественных и неимущественных последствий. Как отмечал Плутарх: «если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодовитая и целомудренная он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан».

Таким образом, предпринята попытка на основе исторических источников выделить характерные признаки института брака в различных государствах Древнего мира. Институт брака в Древнем Вавилоне, Древней Индии, Древнем Китае, Древнем Риме содержат общие черты: превалирует подход сделки, отсутствие, как правило, условия добровольности заключения брака, брак заключался по разрешению семей, моногамность (реже групповой характер), господство мужчины, экономическая и политическая целесообразность.

Список литературы

1. Беляева, Т. В. Социально-философские воззрения на проблему гражданского брака / Т. В. Беляева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 73–80.
2. Законы Хаммурапи цитируются в переводе И. М. Дьяконова по изданию «Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран». В. 2 т. / сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз; отв. ред. Н. А. Крашенинникова. – Т. 1: Древний мир и Средние века. – М.: Норма, 2007. – 816 с.
3. Кейдун, И. Б. Конфуцианский трактат Ли Цзы о брачном ритуале в Древнем Китае / И. Б. Кейдун // Общество и государство в Китае. – 2016. – № 20-1. – Вып. 46. – С. 155–162.
4. Кудинов, О. А. Введение в римское право: учебное пособие / О. А. Кудинов. – 3-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. – 220 с.
5. Ляшенко, Е. Н. Заключение брака по древнеиндийским правовым источникам / Е. Н. Ляшенко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 73. – С. 115–120.
6. Ляшенко, Е. Н. О формах брака по древнеиндийским источникам / Е. Н. Ляшенко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2012. – №2(76). – С. 156–162.
7. Мавринская, Т. В. Брачно-семейные отношения в Древней Греции / Т. В. Мавринская, Е. Б. Калашникова // Интерактивная наука. – 2017. – № 13. – С. 35–36.
8. Макарова, И. А. Понятие «брак» в контексте научных теорий / И. А. Макарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 17(346). – Вып. 33: Философия. Социология. Культурология. – С. 121–125.
9. Протопопова, О. В. Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае / О. В. Протопопова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 6. – С. 70–73.
10. Тумов, В. В. Правовые принципы регулирования брачных отношений в обществах Древнего мира / В. В. Тумов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. – № 2(4). – С. 19–23.

Поступила в редакцию 12.11.2019 г.

GENESIS OF THE INSTITUTE OF MARRIAGE: ANCIENT WORLD

The article attempts to highlight the characteristic features of the institution of marriage on the basis of normative acts and historical sources in various states of the Ancient World. Particular attention is paid to such states of the Ancient world as Ancient Babylon, Ancient India, Ancient China, Ancient Greece, Ancient Rome.

Keywords: genesis of the institution of marriage; Ancient world; Ancient babylon; Ancient india; Ancient Greece; Ancient Rome; Ancient China; marriage; marriage and family relations; family, marriage ceremony, marriage conditions

---

Савченко Анастасия Александровна
аспирант кафедры конституционного
и международного права,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Savchenko Anastasia
graduate student of the Department of
constitutional and international law, Senior
Lecturer at the Department of constitutional
and international law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

УДК 347.44

Смирнова Е. В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДОГОВОРА

В статье автор проводит анализ законодательства относительно определения момента заключения хозяйственных договоров. Рассматриваются особенности определения момента заключения консенсуальных и реальных договоров, договоров, требующих нотариального удостоверения и государственной регистрации, договоров, заключенных в судебном порядке, а также путем совершения конклюдентных действий.

Ключевые слова: момент заключения договора, вступление в силу договора, хозяйственный договор, оферта, акцепт.

Приобретение договором юридической силы напрямую связано с моментом его заключения. Именно с моментом заключения договора связан ряд правовых последствий. Во-первых, с момента заключения договора, стороны становятся носителями прав и обязанностей. Во-вторых, с момента заключения договора зачастую начинается исчисление сроков исполнения обязательств по договору. Кроме того, моментом заключения договора определяется применимое к нему законодательство, разрешается вопрос о правоспособности субъекта и о его компетенции на момент совершения сделки и т.д. Таким образом, правильное определение момента заключения договора является важным для его дальнейшего надлежащего исполнения и для дальнейшего разрешения возможных разногласий.

Исследованием вопросов определения момента заключения договоров посвящено множество правовых исследований, в том числе таких ученых-цивилистов как Е. А. Суханов, Е. А. Крашениников, Е. А. Антонова, Е. Е. Шевченко, А. А. Глызина, Я. А. Воробьев и других.

Целью настоящего исследования является определение ряда юридических фактов, которые определяют момент заключения хозяйственного договора.

Хозяйственный договор считается заключенным, если между сторонами в предусмотренном законом порядке и форме достигнуто соглашение по всем существенным его условиям [1]. Указанное соглашение должно приобретать соответствующий правовой облик – форму договора. Формой хозяйственного договора принято считать письменную форму. При этом при заключении хозяйственного договора может использоваться как полная письменная форма (когда договор составляется в форме единого документа, подписанного сторонами и скрепленного печатями), так и упрощенная письменная форма (путем обмена письмами, факсограммами, телеграммами и т.д.), если законодательством не предусмотрено иное.

© Смирнова Е. В., 2020

По общему правилу, договор является заключенным с момента получения лицом, направившим предложение заключить договор, ответа о принятии этого предложения [2]. Получение акцепта в качестве определения момента заключения договора традиционно для романо-германской системы права. В свою очередь, в англосаксонской системе права придерживаются «теории почтового ящика», которая предполагает, что акцепт считается совершенным, а договор – заключенным, в момент отправления акцепта.

В международном коммерческом обороте придерживаются правил романо-германской системы права. В соответствии с Принципами международных коммерческих договоров (далее – принципы УНИДРУА), акцепт оферты вступает в силу, когда указанное согласие получено оферентом [3]. Согласно Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров, договор признается заключенным с момента вступления акцепта в силу, что по общему правилу определяется моментом получения акцепта оферентом [4].

Использование принципа получения акцепта (а не его отправки) обусловлено тем, что риск передачи уведомления об акцепте логичнее возлагать на акцептанта, поскольку именно он выбирает способ связи и может принять меры, обеспечивающие получение такого уведомления оферентом.

Таким образом, договор считается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта при условии, что акцепт получен в пределах указанного в оферте срока. Если сроки для ответа не были указаны, то до окончания срока, установленного законодательством, или в течение нормально необходимого для этого времени.

Для заключения так называемых «реальных договоров», необходимо кроме согласования существенных условий, совершить определенное действие, например, передать имущество. Соответственно, такие договоры считаются заключенными с момента совершения определенного действия, независимо от момента подписания самого договора. Стоит отметить, что в данном случае не сам по себе договор должен предусматривать передачу имущества, а законодательством должна быть предусмотрена норма, связывающая факт заключения договора с моментом передачи имущества.

Независимо от того, является договор реальным или консенсуальным, для его заключения могут потребоваться также другие условия. Так, договор может считаться заключенным с момента его нотариального удостоверения, если такой договор подлежит нотариальному удостоверению в соответствии с законодательством или волеизъявлением сторон. Порядок нотариального удостоверения договоров определен Законом Донецкой Народной Республики «О нотариате» [5] и Регламентом совершения нотариальных действий нотариусами в Донецкой Народной Республике, определяющего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, утвержденным Приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики № 363 от 02.05.2019 года [6].

Государственная регистрация также может считаться фактом, который определяет момент заключения договора. Так, договоры по переходу прав на

объекты недвижимости, земельные участки, единые имущественные комплексы должны заключаться в письменной форме, подлежат нотариальному удостоверению и государственной регистрации. При этом договоры, подлежащие государственной регистрации, следует отличать от случаев, когда государственной регистрации подлежит переход права собственности [7]. В целом, обязательной государственной регистрации подлежат вещные права на недвижимое имущество, их ограничения и сделки относительно недвижимого имущества.

Несколько отличается в данном вопросе позиция российского законодателя. В соответствии с ч. 3 ст. 433 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом [8]. В то же время для сторон такого договора возникают взаимные обязательства.

Для хозяйственных договоров также предусмотрена возможность их заключения в судебном порядке, как способ урегулирования преддоговорных разногласий. Согласно ч. 1 ст. 187 Хозяйственного кодекса Украины, на хозяйственные суды возложена обязанность по рассмотрению споров, возникших при заключении хозяйственных договоров по государственному заказу, или договоров, заключение которых является обязательным на основании закона. Другие преддоговорные споры могут быть предметом рассмотрения суда в случае, если это предусмотрено соглашением сторон или если стороны обязаны заключить определенный хозяйственный договор на основании заключенного между ними предварительного договора.

Вместе с тем, согласно предписаниям норм статей 181, 183-185 Хозяйственного кодекса Украины, соблюдение сторонами общего порядка заключения хозяйственных договоров является обязательным.

При удовлетворении исковых требований о понуждении к заключению договора, а также при урегулировании преддоговорных разногласий между сторонами в судебном порядке, моментом заключения хозяйственного договора является день вступления в силу судебного решения, если законом или самим судебным решением не предусмотрено иное.

Как уже отмечалось, акцепт может быть реализован путем выполнения определенных действий по исполнению договорных обязательств, то есть путем совершения конклюдентных действий.

Действующее на территории Донецкой Народной Республики гражданское и хозяйственное законодательство Украины не содержит определения конклюдентных действий. Однако, такое понятие определено в Постановлении Совета Министров Донецкой Народной Республики № 3-17 от 12.03.2015 года «Об утверждении Временного положения об исполнителях жилищно-коммунальных услуг» [9]. В соответствии с п. 22 вышеуказанного Постановления, договор о предоставлении соответствующих жилищно-коммунальных услуг между исполнителем и потребителем может быть заключен путем совершения потребителем конклюдентных действий либо путем заключения публичного договора.

Конклюдентными являются действия потребителя, свидетельствующие о его намерении потреблять жилищно-коммунальные услуги или о фактическом

потреблении таких услуг. Такими действиями могут быть: принятие потребителем услуг в течение первого месяца с момента их предоставления; первая оплата потребителем за предоставленные услуги и прочие.

Международный коммерческий оборот также содержит ссылки на конклюдентный действия, как способ заключения договора. Так, часть 3 пункта 2.6 Принципов УНИДРУА регламентирует, что, если в силу оферты или в результате практики, которую стороны установили в своих правоотношениях, или в силу обычая акцептант может, не извещая оферента, выразить свое согласие путем совершения какого-либо действия, акцепт вступает в силу в момент совершения такого действия.

Таким образом, договор может быть заключен путем подтверждения принятия оферты действиями, показывающими намерение акцептанта вступить в правоотношения. Стоит отметить, что конклюдентные действия должны быть совершены до момента истечения срока, предложенного для акцепта. В данном случае моментом заключения договора необходимо считать момент, когда оферент узнал о совершении соответствующих действий, если иной момент заключения не указан в оферте или не установлен законодательством и обычаями делового оборота.

Для отдельных видов договоров законом предусмотрены специальные условия приобретения юридической силы. Например, договор страхования вступает в юридическую силу с момента внесения первого страхового взноса, если договором не предусмотрено иное. Договор розничной купли-продажи с использованием автоматов является заключенным с момента совершения покупателем действий, необходимых для получения товара.

Иногда стороны прописывают в договоре момент, с которого договор приобретает юридическую силу, например с «момента подписания сторонами» или с конкретной даты. На наш взгляд, определение момента заключения договора в самом договоре является ничтожным, поскольку законодательство предусматривает императивные нормы.

Также стоит обратить внимание, что договор может содержать оговорку о том, что его условия применяются к отношениям между сторонами, возникшими до его заключения. Несмотря на то, что договор будет иметь обратную силу во времени, момент его заключения все равно будет определяться исходя из норм законодательства.

Таким образом, моментом заключения хозяйственного договора является определенный юридический факт, которым, в зависимости от специфики заключения договора может выступать:

- получение оферентом ответа акцептанта;
- передача вещи, если такая передача предусмотрена как условие обретения договором юридической силы в соответствии с законодательством;
- нотариальное удостоверение – для договоров, для которых предусмотрено такое удостоверение законодательно или по договоренности сторон;
- государственная регистрация – в случаях, предусмотренных законодательством;
- вступление в силу решения арбитражного суда – в случаях разрешения преддоговорных споров между сторонами в судебном порядке;

– совершения конклюдентных действий – для договоров, которые предусматривают возможность их осуществления;

– иные юридические факты – в случаях, предусмотренных законодательством для отдельных видов договоров.

Считаем целесообразным закрепить положения о моменте заключения договора в разрабатываемом гражданском законодательстве Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. Хозяйственный кодекс Украины от 16.01.2003 г. № 436-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 18–21. – Ст. 144.
2. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 № 435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. – № 11. – Ст. 140.
3. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) от 01.01.1994 г. / Сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/995_920 (дата обращения 10.11.2019). – Загл. с экрана.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980 г. / Сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_003 (дата обращения 10.11.2019). – Загл. с экрана.
5. О нотариате: Закон Донецкой Народной Республики № 08-ПНС от 21.12.2018 г. / Сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-notariate-3/> (дата обращения 10.11.2019). – Загл. с экрана.
6. Регламент совершения нотариальных действий нотариусами в Донецкой Народной Республике, определяющего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: Приказ Министерства юстиции Донецкой Народной Республики № 363 от 02.05.2019 г. / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0027-363-20190502/> (дата обращения 10.11.2019). – Загл. с экрана.
7. О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их ограничений (обременений): Закон Донецкой Народной Республики № 141-ИНС от 24.06.2016 г. / Сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-gosudarstvennoj-registratsii-veshnyh-prav-na-nedvizhimoe-imushchestvo-i-ih-ogranichenij-obremenenij/> (дата обращения 10.11.2019). – Загл. с экрана.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
9. Временное положение об исполнителях жилищно-коммунальных услуг: утверждено Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики № 3-17 от 12.03.2015 г. / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-3-17-2015-03-12/> (дата обращения 10.11.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 03.12.2019 г.

**DETERMINATION OF THE MOMENT OF CONCLUSION OF THE
ECONOMIC CONTRACT**

In the article the author analyzes the legislation concerning the determination of the moment of conclusion of economic contracts. Discusses the features of the conclusion of the consensual and real contracts, contracts requiring notarization and state registration of contracts in court and by making a tacit declaration..

Keyword: moment of conclusion of the contract, entry into force of the contract, economic contract, offer, acceptance.

Смирнова Екатерина Владимировна

старший преподаватель кафедры

гражданского права и процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный

университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: K.a.t.e_Smirnova@mail.ru

Smirnova Ekaterina

Senior Lecturer of the Department of Civil

Law and Process of Donetsk National

University

DPR, Donetsk

E-mail: K.a.t.e_Smirnova@mail.ru

УДК 343.364

Тимошенко Н. А.

Асрян А. Л.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В данном исследовании изучено значение и основные особенности уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Установлено, что правомерность привлечения лиц к уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности зависит от успешного разграничения данного состава преступления от смежных уголовно-правовых составов.

Ключевые слова: уголовная ответственность, состав преступления, доказательства, предварительное расследование, оперативно-розыскная деятельность.

Немаловажным негативным элементом уголовно-процессуальной действительности является факт нарушения законодательства и правовых основ государства, характеризующийся фальсифицированием полученных компетентным органом результатов своего исследования (расследования) по уголовному делу. Так, результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) также подвержены подобному неправомерному воздействию со стороны. По этой причине целью данной работы является установление основных особенностей уголовной ответственности за осуществление фальсификации результатов ОРД.

В статье 5 Закона ДНР «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) указывается, что должностным лицам, осуществляющим ОРД, запрещается фальсифицировать ее результаты. Помимо этого, в данной статье также отмечается, что нарушение соответствующей правовой нормы влечет ответственность, предусмотренную законодательством ДНР [1].

Основой для привлечения лиц к ответственности за вышеуказанное правонарушение является специальный состав, указанный в ч. 4 ст. 358 Уголовного закона ДНР, а именно: «Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации» [2].

Прежде всего, исследуя ч. 4 ст. 358 Уголовного кодекса (далее – УК ДНР) следует обратить внимание на то, что законодателем данное противоправное деяние

оценено как преступление средней тяжести, учитывая критерии определения тяжести уголовно-правовых нарушений, изложенные в Общей части УК, а также то, что максимальное наказание за фальсификацию результатов ОРД не превышает четырех лет лишения свободы. Вероятно, подобное отношение к общественной опасности данного противоправного акта связано с тем, что, в сущности, оно направлено против интересов государственной власти, в частности, правосудия, но по наступившим от него последствиям не возникает вреда, соразмерного с тем, что возникает при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (к примеру, при причинении тяжкого вреда здоровью или при совершении убийства и т. д.).

Что же касается подробного толкования содержания указанного состава преступления то необходимо заметить, что фальсификация представляет собой необоснованное изменение (т. е. искажение) фактической информации, которая используется или может быть использована в качестве доказательств [3, с. 603]. Предметом фальсификации могут быть вещественные доказательства, а также документы и протоколы, составляемые компетентными должностными лицами. Данное правонарушение совершается исключительно с прямым умыслом, при котором виновный осознает сущность своих действий, наступающих при их совершении последствий и желает наступления таковых [3, с. 604]. Целями преступления являются уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо причинение вреда его чести, достоинству и деловой репутации. В данном случае необходимо остановиться на проблематичном моменте, касающемся обязательности цели данного деяния. Как отмечает Е. И. Ромашов: «Следуя этому, получается, что совершение рассматриваемого преступления с иными целями выходит за пределы состава преступления и уголовной ответственности не влечет. Так, если оперуполномоченный, который осуществит фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности с целью привлечь причастного к совершению преступления лица, то уголовной ответственности он подлежать не будет. Но если, к примеру, следователь фальсифицирует доказательства в отношении заведомо причастного к преступлению лица, то он будет подлежать уголовной ответственности» [4, с. 17]. Указанное представляет собой довольно существенную правовую проблему, которую следовало бы решить, как отмечает Е. И. Ромашов, путем исключения цели из перечня обязательных признаков соответствующего состава преступления [4, с. 18].

Следует также отметить, что к наиболее актуальным и неоднозначно решаемым в теории уголовного права и правоприменительной практике проблемам следует отнести аспекты квалификации, связанные с комплексом вопросов, обусловленных разграничением и соотношением фальсификации результатов ОРД со смежными составами преступлений. Разграничение преступлений играет важную роль в процессе квалификации, т. к. для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо четко представлять критерии разграничения уголовно-правовых составов. По данному поводу В. Н. Кудрявцев отмечает, что весь процесс уголовно-правовой квалификации состоит в отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других смежных правонарушений [5, с. 126]. В первую очередь, необходимо проводить разграничение фальсификации результатов

ОРД и фальсификации доказательств по уголовному делу. Отличие указанных составов наблюдается фактически во всех их признаках:

- предмет – результаты ОРД или доказательства по уголовному делу;
- объективная сторона – доказательства фальсифицируются в ходе предварительного расследования или при рассмотрении уголовного дела в суде, а незаконные манипуляции с результатами ОРД осуществляются вне уголовно-процессуальной формы;

- субъект при фальсификации результатов ОРД – оперативный сотрудник правоохранительного органа, при фальсификации доказательств – дознаватель, следователь, прокурор, защитник по уголовному делу;

- субъективная сторона – в отличие от фальсификации доказательств, где цель не имеет обязательного характера, фальсификации результатов ОРД присущи специальные цели [6, с. 36].

В практике не исключены случаи, когда следователь в целях привлечения к уголовной ответственности лица, не причастного к совершению преступления, обращается к оперативному сотруднику для того, чтобы тот совершил фальсификацию результатов ОРД. В данной ситуации, если оперативный сотрудник совершает фальсификацию, действия лица, осуществляющего предварительное расследование, при наличии оснований могут квалифицироваться как подстрекательство (ч. 4 ст. 32 УК ДНР) к совершению преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 358 УК ДНР, и по совокупности по ч. 2 или ч. 3 ст. 358 УК ДНР, если они были им признаны допустимыми доказательствами и приобщены к материалам уголовного дела.

Введение в уголовно-правовое законодательство ч. 4 ст. 358 УК ДНР актуализировало вопрос о квалификации различных провокационных и иных незаконных действий оперативных сотрудников, проблематичным выглядит и соотношение фальсификации результатов ОРД с составом провокации взятки и коммерческого подкупа. В статье 359 УК ДНР предусматривается уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа.

Провокацией по смыслу ст. 359 УК ДНР можно признать лишь такие действия, как подбрасывание предмета как бы взятки в кабинет должностного лица либо иные манипуляции, направленные на то, чтобы «подкинуть» ему предмет как бы взятки с целью осуществления непосредственного за этим задержания потерпевшего, а также перечисление денежных средств на счета в банке без ведома должностного лица. Сопоставительный анализ ч. 4 ст. 358 и ст. 359 УК ДНР свидетельствует о том, что совершение провокации взятки оперативными сотрудниками или по их заданию конфиденциальными правоохранительных органов, фактически может выступать одним из этапов составного способа фальсификации результатов ОРД. Действия по передаче денежных средств формируют видимость совершения преступления, т. е. недостоверную основу осуществления ОРМ. В данном случае фальсификация результатов ОРД происходит путем умышленного внесения недостоверных сведений в оперативно-служебные материалы для дальнейшего незаконного уголовного преследования лица путем передачи результатов ОРД компетентному должностному лицу, ведущему расследование. Принимая во внимание то, что санкция ст. 359 УК

ДНР содержит более строгое наказание, чем санкция ч. 4 ст. 358 УК ДНР в соответствующем случае необходима квалификация по совокупности преступлений [6, с. 38]. До введения в УК состава фальсификации результатов ОРД Б. В. Волженкин указывал, что если провокацию взятки или коммерческого подкупа осуществило должностное лицо, то оно к тому же совершило превышение должностных полномочий, поскольку подобные действия явно выходят за пределы его полномочий и влекут существенное нарушение прав гражданина и государственных интересов [7, с. 103]. Однако в случае подбрасывания, подкладывания или обманного вручения денег или ценностей, по различным причинам не фиксировавшегося с помощью средств оперативного документирования, присутствует только состав преступления, указанный в ст. 359 УК ДНР.

Статья 359 УК ДНР в целом включает более широкий круг субъектов, т. к. субъект правонарушения является общим. Однако одновременно с этим она является более узкой по своей объективной и субъективной стороне – содержит возможность фальсификации информационной основы результатов ОРД только по ст.ст. 228 УК ДНР («Коммерческий подкуп») и 343 УК ДНР («Получение взятки»), и не охватывает случаи создания видимости совершения других преступлений.

Таким образом, фальсификация результатов ОРД является довольно сложным по своей структуре деянием, которому, в частности, присущи свои специфические условия и порядок совершения, субъекты и т. д. Что касается ответственности за совершение подобных противоправных действий, то она имеет под собой довольно регламентированную и четкую основу. Так, в Законе об ОРД и содержатся основные требования и запреты в области осуществления ОРД со ссылками на законодательство соответствующих государств, которые санкционируют нарушение подобных требований и запретов. Поэтому, ввиду такой полноты законодательства в регулировании ответственности за фальсификацию результатов ОРД при применении уголовно-правовых норм, указанных в ч. 4 ст. 358 УК ДНР не должно возникать трудностей, обусловленных правовыми коллизиями и конкуренцией норм по данным вопросам. Однако, хоть привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших указанное преступление не является по своей сути проблемой, но привлечение к ответственности лиц, которые по очевидным и логически обусловленным признакам совершили действия, направленные на фальсификацию результатов ОРД, что, к слову, не было сопряжено с целью, указанной в составе освещаемого преступления, не представляется возможным, т. к. цель данного преступления является ее обязательным признаком, что, несомненно, подлежит исправлению на законодательном уровне.

Список литературы

1. Об оперативно-разыскной деятельности: Закон Донецкой Народной Республики от 24 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-operativno-razysknoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 13.11.2019). – Загл. с экрана.
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от 19 августа 2014 г. № 35-1/1 (с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 г.) // Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики от 2016 г. – № 2.

3. Чижевский, В. С. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) с практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами: научно-практическое пособие / В. С. Чижевский. – М.: Книжный мир, 2017. – 684 с.
4. Ромашов, Е. И. Об исключении цели из числа признаков фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. И. Ромашов. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция». – 2016. – № 4. – С. 17–18.
5. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений: учебное пособие / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2001. – 304 с.
6. Пархоменко, С. В. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / С. В. Пархоменко, А. А. Радченко. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», 2016. – 71 с.
7. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 103–104.

Поступила в редакцию 19.12.2019 г.

SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR FALSIFICATION OF THE RESULTS OF OPERATIVE SEARCH ACTIVITIES IN THE CRIMINAL LAW OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

In this study, the importance and main features of criminal liability for falsification of the results of operational and investigative activities are studied. It is established that the legality of bringing persons of criminal responsibility for falsifying the results of operational and investigative activities depends on the successful differentiation of this crime from related criminal legal structures.

Keywords: criminal liability, crime, evidence, investigation, operational-search activity.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina
Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Асрян Армен Лаврентьевич
студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: armen.asryan.00@mail.ru

Asryan Armen
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: armen.asryan.00@mail.ru

УДК 343.85

Тимошенко Н. А.
Кондрашов А. В.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья посвящена анализу процессуального закрепления понятия комплексной судебной экспертизы с использованием специальных познаний. Проанализированы точки зрения различных авторов по дефинициям «комплекс экспертиз» и «комплексная экспертиза». В результате исследования указаны некоторые недостатки уголовно-процессуального закона в этой части, сформулированы предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) для устранения этих недостатков.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, специальные познания, комплексная судебная экспертиза, комиссия судебная экспертиза, экспертная деятельность.

Анализ юридической и судебно-экспертной литературы показывает, что весомым вкладом в процесс становления и дальнейшего развития теоретических основ комплексной экспертизы послужило большое количество научных трудов и исследований. На сегодняшний день, представляя собой самостоятельный вид, комплексная экспертиза играет определенную ключевую роль в системе судебных экспертиз, интерес к которой растет неуклонно.

В начале второй половины XX века видными процессуалистами (Р. Д. Рахуновым, М. Е. Строговичем) уже рассматривались процессуальные возможности и необходимость проведения комплексных экспертиз. Но тогда сомнения в правомочности проведения такой экспертизы сдвигались в сторону того, что при оценке правовых последствий таких исследований очень сложно оценить личную ответственность каждого специалиста за выводы, полученные в ходе совместного исследования, и данное ими общее заключение. Однако другими учеными (В. Д. Арсеньевым, А. В. Дуловым, В. И. Шикановым, Я. М. Яковлевым), с учетом процессуального принципа ответственности эксперта за данное им экспертное заключение, необходимость и правомерность комплексной экспертизы была успешно доказана.

Стоит отметить, что еще в 80-х гг. XX в., до момента процессуального определения комплексных экспертиз в теории судебной экспертизы, была сформирована устоявшаяся точка зрения о разграничении таких понятий как «комплекс нескольких экспертиз», «комплексное исследование в рамках производства одной экспертизы», «комплексная судебная экспертиза» [1]. Однако до сих пор вопрос точного определения остается дискуссионным.

© Тимошенко Н. А., Кондрашов А. В., 2020

По мнению Р.С. Белкина нельзя называть комплексной экспертизой исследование одних и тех же объектов представителями различных родов (видов) экспертиз, решающими отдельные, присущие лишь этим экспертам, задачи [2, с. 89]. Можно согласиться с такой точкой зрения, особенно учитывая то, что в производстве по одному уголовному делу как в отношении одного, так и нескольких объектов возможно назначать и проводить различные судебные экспертизы.

Например, по транспортному средству, участвовавшему в дорожно-транспортном происшествии, возможно назначение целого комплекса судебных экспертиз: транспортно-трасологической (какие механические повреждения причинены автомобилю в результате столкновения); химической (имеются ли на автомобиле следы лакокрасочного покрытия иного транспортного средства); криминалистической (установить факт контактного взаимодействия с иным транспортным средством); металловедческой (имеются ли усталостные трещины); экспертизы технического состояния транспортного средства (находился ли автомобиль в технически исправном состоянии на момент происшествия). В этом случае каждая из перечисленных экспертиз выполняется отдельно, их оформление происходит также отдельным заключением. При этом решение вопроса о последовательности их производства возложено на руководителя экспертного учреждения, поскольку в процессе исследования объекта в него могут быть внесены те или иные изменения либо он может быть полностью уничтожен.

В рамках одного вида экспертизы может производиться комплексное исследование одних и тех же объектов с использованием различных методов. В этом случае такое исследование не будет являться комплексной экспертизой даже в случае выполнения ее комиссией экспертов. Исследование может проводиться как одним экспертом, который владеет этими методами, так и разными, каждый из которых специализируется в каком-то одном методе, но оба они, являясь специалистами, владеют и иными методами исследования. Исходя из теории судебной экспертологии современные классификации судебных экспертиз осуществлены не по методам экспертных исследований, которые в большей степени являются общими для разных родов экспертиз (общеэкспертными), а по исследуемым объектам в совокупности с решаемыми задачами [3]. А поэтому, несмотря на часто употребляемый термин «комплексная», в постановлении о назначении подобных экспертиз, по нашему мнению, она таковой являться не будет.

Существует научная дискуссия среди ученых и юристов, которые по-разному раскрывают содержание понятия комплексной экспертизы, а также определяют совокупность признаков, характеризующих экспертное исследование как комплексное. Так, О. И. Иванов указывал: «На уровне науки в целом комплексность проявляется, во-первых, в результате формирования и развития научной стратегии (относительно новой ориентации в методологическом плане) – подход комплексный; во-вторых, в становлении комплексных исследований как определенном типе научного поиска, который опирается на принципы комплексности подхода; в-третьих, в комплексировании как отдельной деятельности в науке, которая направлена на объединение науки, дисциплинарных

знаний и особых действий представителей в различных научных областях с целью многогранного и целого изучения достаточно сложных объектов и существующих комплексных проблем» [4, с. 59]. Следует отметить, что изложенная позиция все еще является актуальной, поскольку на настоящий момент существует необходимость в привлечении эксперта (экспертов) узкой специализации, обладающих специальными знаниями в различных областях деятельности человека. В условиях этих познаний интеграционное исследование позволяет разрешать возникающие сложные вопросы различного характера (юридического, технического, экономического) при расследовании различных категорий преступлений (в сфере экономики, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, против мира и безопасности человечества и т. д.).

Законодателем установлен приоритет Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) перед иными законами относительно регулирования уголовно-процессуальных отношений. Такое установление облегчает работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обзримым, существенно снижая риск исказить аутентичную волю законодателя [5, с. 46].

Со своей точки зрения считаем, что комплексная экспертиза имеет для процесса самостоятельное значение, потому что ни один из отдельных видов судебно-экспертных исследований не может разрешить сложные вопросы, ответы на которые лежат в плоскости нескольких наук (специальностей) одновременно. Исследования в ходе исполнения комплексной экспертизы экспертами различных специальностей осуществляются поэтапно и, как правило, выводы являются взаимозависимыми. Зачастую для согласования определенных общих выводов экспертам необходима совместная и не всегда последовательная работа. Исследования при проведении комплексных экспертиз нередко отличаются сложностью и длительностью, что обусловлено зависимостью результатов исследования одного эксперта от результатов исследования другого эксперта, несовпадением этапов в изучении общего объекта специалистами разных отраслей знаний, необходимостью видоизменения объекта в ходе проведения исследований, различными методологическими подходами и особенностями анализа и синтеза полученных результатов. Поэтому для успешного решения поставленных задач, принятия общего аргументированного решения в процессе формулирования выводов экспертам различных отраслей знаний так важен процесс взаимодействия.

Учитывая вышеизложенное невозможно игнорировать факт необходимости наличия комплексного вида судебных экспертиз в процессуальном законодательстве.

К сожалению законодатель нашего государства не учел этого обстоятельства, вследствие чего комплексная экспертиза не нашла своего закрепления в уголовно-процессуальных нормах права.

Правовое регулирование производства комплексных судебных экспертиз на территории ДНР осуществляется лишь на основании ст. 28 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» [6] и Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований [7].

Следует отметить, что законодатели некоторых стран ближнего зарубежья (например, Российская Федерация, Беларусь, Казахстан) поступили иначе, закрепив процессуальное положение комплексной экспертизы в собственном уголовно-процессуальном законодательстве.

Часть 7 ст. 28 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» декларирует возможность комплексного производства экспертизы единолично «если эксперт владеет различными судебно-экспертными специальностями, которые необходимы для выполнения комплексной экспертизы, в случаях, предусмотренных законодательством ДНР, он вправе единолично дать заключение по поставленным вопросам». Вышеизложенная действующая норма, устанавливающая юридический статус комплексной судебной экспертизы, будет являться причиной нечеткого толкования рассматриваемых понятий как у судебных экспертов, так и у лиц, назначающих эти исследования. На наш взгляд, категорически недопустимо признавать экспертизу комплексной в случае ее единоличного проведения экспертом. Следует согласиться с позицией Ю. К. Орлова, который указывает, что комплексная экспертиза, в отличие от комплексного исследования, является, прежде всего, понятием процессуальным. Ей присущи отличительные признаки: участие экспертов различных специальностей при производстве исследования и в результате появляющиеся между ними разделение функций, формулирование совместных выводов экспертами-представителями различных областей познаний. Значимый признак экспертизы как комплексной является ее правовая особенность, суть которой сводится к одинаковости или неодинаковости пределов компетенции экспертов, а не в отличии отраслей познания, которые необходимы для решения поставленных вопросов. Автор считает, что если комплексная экспертиза может проводиться одним лицом, какая-либо правовая специфика в этом отсутствует и не стоит вопрос о ее допустимости как доказательства [8, с. 34].

Аналогичной позиции придерживается Ю. Г. Корухов, полагающий, что комплексной экспертизой является такая, при производстве которой без участия одновременно различных специалистов, сформулировать общий вывод невозможно, равно как и решить поставленные вопросы. Основаниями для указанного вывода являются отдельные заключения каждого из экспертов по тем вопросам, которые относятся к его компетенции. Эти заключения должны максимально вплотную подводить к совместному заключению всех экспертов [9, с. 33]. Также Ю. Г. Корухов указывает, что возможность комплексных экспертиз не случайно ограничивается решением вопросов смежных наук, поскольку, кроме наличия узкой специализации эксперта, в данном случае необходимы его определенные познания в смежной области (областях). Здесь в первую очередь подразумевается наличие базового образования у эксперта, а также его специализации, приобретенной в результате профессиональной подготовки [9, с. 33]. Абсолютно соглашусь с изложенным мнением ученого. При расследовании уголовных дел по факту нарушения правил эксплуатации транспортных средств для установления фактов, имеющих доказательственное значение, необходимо проводить не только, например, экспертизу технического состояния транспортного средства, но и

металловедческую, используя узкие специальные познания эксперта-металловеда, который, в свою очередь, также владеет методами исследования деталей и механизмов транспортных средств.

Одним из наиболее действенных инструментов решения прикладных задач при расследовании указанной категории дел является назначение комплексных экспертиз, которые открывают перед органами предварительного следствия и судом новые, более широкие возможности получения судебных доказательств. Как в 70-х гг. XX в. указывал В. И. Шиканов, «коэффициент полезного действия» специалистов, которые привлечены для решения вопросов той или иной комплексной экспертизы, будет превышать простую арифметическую сумму всех возможностей, которыми располагает в отдельности каждый из них» [10].

Среди ученых нет единого мнения относительно вопросов, разрешение которых требует проведения комплексной экспертизы. Так, Р. С. Белкин отмечал, что определяющим признаком комплексной экспертизы выступает необходимость кооперации знаний специалистов разного профиля при исследовании общего для них объекта исследования. Также допускается возможность проведения комплексной экспертизы единолично, поскольку в процессуальном плане для решения подобного вопроса не возникает никаких препятствий – любое заключение подлежит обязательной оценке следователем и судом, только они решают вопрос о возможности использования его по делу в качестве доказательства [2, с. 89].

На наш взгляд, достаточно емко и полно дал определение комплексной экспертизы профессор В. И. Шиканов, понимая ее как «исследование, проводимое в установленном процессуальном порядке, при производстве которого эксперты решают совместные вопросы на основе кооперации, то есть симбиоза познаний, которые относятся к компетенции двух и более видов экспертных исследований и почерпнуты из различных областей наук» [11, с. 12].

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что на настоящем этапе развития государства и общества в процессе глубоких изменений в правовой системе ДНР неизбежно произойдет становление комплексных экспертиз, и в связи с этим статус комплексной экспертизы должен найти законодательное закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства. Для достижения этой цели предлагаю внести изменения в УПК ДНР, касающиеся закрепления статуса комплексной экспертизы как отдельного процессуального вида экспертного исследования.

Список источников

1. Россинская, Е. Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности / Е. Р. Россинская // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 16–17; Корухов, Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований / Ю. Г. Корухов // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. – М., 1985. – С. 30–36; Седова, Т. А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования / Т. А. Седова // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. – М., 1985. – С. 40–45; Шляхов, А. Р. Теория и практика

- комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР / А. Р. Шляхов // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. – М., 1985. – С. 3–20;
2. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М., 1997. – 334 с.
3. Евстратова, Ю. А. Комплексная экспертиза: проблемы содержания понятия / Ю. А. Евстратова // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – Вып. 2(78). – Т. 1. – С. 98–101; Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы: учебник для вузов / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин – М., 2012. – 368 с.
4. Иванов, О. И. Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях / О. И. Иванов. – Л., 1981. – 158 с.
5. Кондрат, И. Н. Рассмотрение жалоб прокурором и руководителем следственного органа в порядке статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики досудебного производства по уголовным делам / И. Н. Кондрат // Вестник Российской правовой академии. – 2012. – № 4. – С. 45–51.
6. О судебно-экспертной деятельности: Закон Донецкой Народной Республики (принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 20.02.2015 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-sudebnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 14.07.2019. – Загл. с экрана).
7. Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований. Утверждена Приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 10.02.2016 № 99 / Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2016/05/PrikazMinust_N99_10022016.pdf. (дата обращения: 14.07.2019. – Загл. с экрана).
8. Орлов, Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие / Ю. К. Орлов. – М., 1995. – 64 с.
9. Корухов, Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований / Ю. Г. Корухов // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. – М., 1997. – 196 с.
10. Шиканов, В. И. Комплексная экспертиза – методологический и процессуальный аспекты / В. И. Шиканов // Теоретические, процессуальные и организационные проблемы судебной экспертизы: материалы Всесоюзной науч. конф. «Современные тенденции развития судебной экспертизы вещественных доказательств и пути внедрения новых физических, химических и биологических методов исследования в экспертную практику». – Ч. 1. – М.: ВНИИСЭ, 1972. – С. 67–72.
11. Шиканов, В. И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / В. И. Шиканов. – Л., 1968. – 20 с.

Поступила в редакцию 29.10.2019 г.

TO THE QUESTION OF PROCEDURAL FIXING OF THE CONCEPT OF INTEGRATED FORENSIC EXPERTISE

The article is devoted to the analysis of the procedural consolidation of the concept of complex forensic examination with the use of special knowledge. The points of view of different authors on

---

the definitions of «complex expertise» and «complex expertise» are analyzed. As a result of the study, some shortcomings of the criminal procedure law in this part are indicated, proposals for amendments to the criminal procedure legislation of the Donetsk people's Republic to eliminate these shortcomings are formulated.

Keywords: criminal procedural legislation, special knowledge, complex judicial examination, Commission judicial examination, expert activity.

Тимошенко Нина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: n.timowenko@gmail.com

Кондрашов Александр Владимирович

студент юридического факультета

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: 6182223@mail.ru

Kondrashov Alexandr

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: 6182223@mail.ru

УДК 342.922

Финкина А. П.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрена система субъектов административного права, проанализированы различные виды классификаций юридических лиц как субъектов административного права. На основании изложенных мнений ученых предложена авторская система критериев классификации юридических лиц как субъектов административного права.

Ключевые слова: субъекты административного права, юридические лица, коллективные субъекты, предприятия, учреждения, организации.

Создание правового государства и формирование гражданского общества обуславливают процессы внутреннего реформирования общества. Одной из актуальных проблем является определение понятия и статуса субъектов административного права, поскольку именно правовая наука должна создать теоретический фундамент для проведения реформ. Данная статья посвящена исследованию системы субъектов административного права, которая приобретает в современных условиях важное научное и практическое значение.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемные аспекты классификации юридических лиц как субъектов административных правоотношений рассматривались многими учеными. В частности, этими вопросами занимались В.Б. Аверьянов, В.К. Колпаков, С.В. Кивалов, В.М. Манохин, А.А. Демин, В.Е. Чиркин и другие. В поле зрения упомянутых ученых попадали как отдельные субъекты, так и их группы, обобщенная характеристика всей системы субъектов административного права и тому подобное.

Несмотря на вклад, внесенный вышеуказанными учеными, изменения в законодательстве требуют нового комплексного подхода к классификации юридических лиц.

С целью формирования упорядоченной и четкой системы знаний об административных правоотношениях важным является исследование правового положения субъектов в административных правоотношениях, а также определение проблемных аспектов относительно их статуса.

Методологической основой работы является совокупность методов и способов познания в сфере общественного развития. Ведущим специальным методом исследования является системный метод. В качестве общенаучных методов используются анализ, обобщения правовых явлений, индукция, дедукция, наблюдение.

© Финкина А. П., 2020

Субъектами административного права являются участники общественных отношений, имеющие субъективные права и исполняющие субъективные обязанности, установленные административно-правовыми нормами. Можно выделить их признаки: владение способностью иметь или реализовывать (непосредственно или через представителя) права и юридические обязанности в сфере государственного управления, то есть речь идет про административную правосубъектность; потенциальная возможность реального участия в административно-правовых отношениях; внешняя самостоятельность при реализации своих прав и обязанностей в сфере государственного управления.

Субъектами административно-правовых отношений являются органы государства, в первую очередь, органы исполнительной власти, внутренние части их аппарата, органы общественных организаций, деятельность которых регулируется правом, администрации предприятий, учреждений, организаций, а также органы местного самоуправления. Субъектами этих отношений надо признать и структурные подразделения предприятий, учреждений, организаций (цеха, факультеты, отделения в больнице и т.д.).

Также в круг субъектов административно-правовых отношений входят и различные хозяйственные структуры. Субъектами хозяйствования признаются участники хозяйственных отношений, которые осуществляют хозяйственную деятельность, реализуя хозяйственную компетенцию (совокупность хозяйственных прав и обязанностей), имеют обособленное имущество и несут ответственность по своим обязательствам в пределах этого имущества, кроме случаев, предусмотренных законодательством.

Чаще всего ученые выделяют следующие основные виды субъектов административного права:

1) физические лица – в эту категорию входят граждане, иностранцы и лица без гражданства;

2) юридические лица – органы исполнительной власти, любые другие государственные органы, органы местного самоуправления, объединения граждан, предприятия, учреждения, организации (в лице их руководителей, которые возглавляют органы управления этих предприятий, учреждений, организаций);

3) коллективные субъекты (образования), без признаков юридического лица, но они в той или иной степени наделяются определенными правами и обязанностями: структурные подразделения государственных и негосударственных органов, предприятий, учреждений, организаций, некоторые другие общественные образования (например, общее собрание граждан по месту жительства) [1, с. 185].

Существует иная классификация, включающая две группы субъектов, а не три, как в предыдущей классификации:

– индивидуальные субъекты (граждане, иностранцы, лица без гражданства, беженцы). Они, в свою очередь, делятся на индивидуальных субъектов с общим административно-правовым статусом и со специальным административно-правовым статусом;

– коллективные субъекты. Их классифицируют в зависимости от наличия публично-властных полномочий на субъектов, которые наделены публично-

властными полномочиями и реализуют публичный интерес (органы публичной администрации, административные суды) и субъектов, реализующих собственные интересы (объединения граждан, предприятия, учреждения, организации и их структурные подразделения).

Именно такой вариант классификации является системным, в котором все субъекты взаимосвязаны и структурированы, что позволяет выявить их сущность.

Обязательный участник административной процедуры – физическое лицо (гражданин, иностранец, лицо без гражданства) или юридическое лицо, именуемые в зарубежном праве как «частное лицо». В нашем законодательстве существует и такой вид субъектов как «легализованная общественная организация, не имеющая статуса юридического лица», которая выступает в отношениях через своих членов – физических лиц.

В процедурном смысле можно выделить следующие категории частных лиц:

1) лицо, обратившееся в административный орган с заявлением, в том числе за получением государственной услуги (заявитель);

2) лицо, в отношении которого принимается акт по инициативе административного органа, в том числе в порядке осуществления контрольных полномочий (адресат);

3) лицо, вступающее в административную процедуру по собственной инициативе или привлекается по инициативе административного органа, поскольку решение по делу может повлиять на его права или законные интересы (заинтересованное лицо);

4) лицо, обращающееся в административный орган с жалобой на решения, действия и бездействие административного органа (жалобщик).

Статус «заявителя» или «жалобщика» напрямую связан с видом процедуры. Особое внимание необходимо обратить на понимание особенностей статуса таких категорий участников административной процедуры, как адресат административного акта и заинтересованное лицо (эту вторую категорию лиц в зарубежном законодательстве еще называют «затронутые» лица, или третьи лица и т.д.).

Эти категории участников разграничиваются и в рекомендациях Совета Европы, и непосредственно в законодательстве некоторых стран. Нам подобный подход видится вполне практичным, поскольку для каждого из них последствия решения дела имеют весьма разное значение, соответственно отличается и их статус в административной процедуре. Например, адресат административного акта автоматически становится участником процедуры, заинтересованное лицо станет участником только в случае, когда изъявит такое желание.

В юридической науке существует несколько подходов к классификации юридических лиц. Подробнее остановимся на некоторых из них.

Так, В. К. Колпаков отмечает, что для административного права характерной чертой считается наличие значительного количества субъектов с различными полномочиями, правовыми свойствами и структурой. Этими факторами и обусловлено существование нескольких вариантов их классификации. Субъектов административного права, отмечает ученый, можно разделить по принадлежности

к государственным структурам (государственные организации и их представители и негосударственные организации и их представители); на субъектов коллективных и индивидуальных; физических и юридических лиц и т.п. [2, с. 144]. Хотя в конечном варианте классификации так называемых «основных носителей субъективных прав и обязанностей в сфере государственного управления вообще и исполнительной власти в частности» ученый-административист юридических лиц частного права не выделяет вообще, выделяя лишь: 1) главу государства; 2) органы государственной власти; 3) государственных служащих, как субъектов, в деятельности которых объективизируются полномочия государственных органов управления; 4) граждан, иностранцев, лиц без гражданства; 5) органы местного самоуправления; 6) объединения граждан; 7) субъектов предпринимательской деятельности.

С. В. Кивалов и Л. Р. Белая делят субъектов административного права на две группы – индивидуальные и коллективные. Коллективными органами являются органы исполнительной власти, местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации, объединения граждан. При этом они подчеркивают особое место в системе субъектов предприятий, учреждений, организаций, ведь через их деятельность государство осуществляет свои функции и задачи [3, с. 18], то есть речь идет о юридических лицах публичного права.

Детальная регламентация видов юридических лиц как субъектов административного права предложена В. Н. Манохиным, Ю. С. Адушкиным и З. А. Багишаевым. Они предполагали существование двух групп субъектов: первая из них – физические лица, вторая – организации. В свою очередь, организации делились на государственные (выполняют задачи, функции, полномочия государства, основаны на государственной собственности и управление осуществляется государством: органы государства, государственные предприятия и учреждения) и негосударственные (не выполняют государственные задачи и функции, их финансирование ведется не государством: общественные объединения граждан), кооперативные объединения, объединения по другим интересам [4, с. 43–45].

В свою очередь, А. А. Демин также проводит деление на индивидуальных и коллективных субъектов. Последние представлены органами исполнительной власти (государственного управления), государственными предприятиями, учреждениями, организациями, негосударственными предприятиями, учреждениями, организациями, органами местного самоуправления [5, с. 23].

Выделяется среди других научных трудов в данной сфере монография Чиркина «Юридическое лицо публичного права», в которой классификации юридических лиц публичного права посвящена отдельная глава исследования. В. Е. Чиркин на основе особенностей каждого вида юридического лица выделяет четыре группы общих признаков и родов юридических лиц публичного права. Группами общих признаков названы следующие:

- 1) способы отношений и связей с публичной властью;
- 2) порядок образования;
- 3) организационно-правовая форма публично-правового образования (орган, объединение, учреждение);

4) способы деятельности.

На их основании предлагаются такие роды юридических лиц, как: 1) государство и государственные (государствоподобные) образования; 2) территориальные публичные коллективы разного уровня; 3) органы публичной власти; 4) некоммерческие организации общественного характера (за исключением религиозных). При этом в пределах каждого рода, отмечает В. Е. Чиркин, есть свои виды юридических лиц публичного права, например, среди органов публичной власти – органы государства и местного самоуправления [6, с. 101–102].

Данная классификация присуща в целом публичной сфере, а учитывая то, что административное право является одной из главных составляющих такой сферы, она оправдано применяется и к юридическим лицам-субъектам административного права.

Стоит заметить некоторую противоречивость отдельных положений В. Е. Чиркина. Так, государство, по мнению ученого, является юридическим лицом, но государство является самостоятельным субъектом публичных отношений и его не стоит отождествлять с государственными органами или другими государственными образованиями, вступающими во взаимоотношения с другими участниками от его имени.

Также неопределенность вызывает такой вид юридических лиц, как территориальные публичные коллективы. По мнению В. Е. Чиркина, особенностью таких коллективов, как юридических лиц публичного права, является, способ их образования. Это публично-правовые образования жителей в пределах административно-территориальных границ, их задача – обеспечение совместной жизнедеятельности, которая является источником определенного рода публичной власти и создает свои органы публично-правового регулирования. То есть фактически речь ведется о территориальной громаде – жителях села или добровольного объединения в сельскую громаду жителей нескольких сел, поселка и города. По нашему мнению, они не могут рассматриваться в качестве самостоятельного вида юридических лиц – субъектов административного права, поскольку у них отсутствуют специфические черты, присущие юридическим лицам.

Итак, как уже отмечалось, вопросы классификации юридических лиц как субъектов административного права подробно не исследованы представителями административно-правовой науки, поэтому требуют дополнительного внимания и уточнения.

На основании изложенных мнений ученых по поводу указанной проблематики и анализа базы отечественного законодательства в этой сфере, предлагаем следующую систему критериев классификации юридических лиц как субъектов административного права:

1) в зависимости от порядка создания: юридические лица частного права; юридические лица публичного права.

Отметим, что цивилистике присуща точка зрения, согласно которой возможно создание юридических лиц частного права, основанных государством.

Данную точку зрения неоднократно высказывал Л. В. Винар, который к таким субъектам относил государственные акционерные компании, национальные

акционерные компании, государственные акционерные холдинговые компании. Однако представляется, что такой подход является не совсем верным, поскольку содержит противоречие с положениями действующего Гражданского кодекса. Юридические лица публичного права создаются государством в распорядительном порядке на основании соответствующего акта главы государства, органа государственной власти, органа местного самоуправления, а частные лица – как правило, в заявительной, на основании разработанных их участниками учредительных документов, поэтому использование конструкции «юридические лица частного права, основанные государством» является некорректным. То есть, всем юридическим лицам, основанным государством, присущ признак публичности, и организационно-правовая форма (акционерные компании и т.д.) в данном случае не может служить основанием для того, чтобы считать таких лиц частными [7, с. 73].

2) по цели деятельности: коммерческие; некоммерческие.

3) в зависимости от организационно-правовой формы: общества; учреждения; предприятия; организации; органы и тому подобное.

4) в зависимости от правового режима имущества: юридические лица, реализующие свою хозяйственную компетенцию на основе права собственности; юридические лица, реализующие свою хозяйственную компетенцию на основе права хозяйственного ведения; юридические лица, реализующие свою хозяйственную компетенцию на основе права оперативного управления.

5) по виду (предмету) деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; добывающая промышленность; перерабатывающая промышленность и др. Указанный критерий разработан согласно Классификации видов экономической деятельности.

6) по сроку действия: постоянные; временные (срочные).

7) по наличию контрольных полномочий: юридические лица общего контроля; юридические лица специального контроля; не контролируемые юридические лица.

Таким образом, вопрос классификации юридических лиц является актуальным и требует дальнейшей теоретической разработки. Предложенные критерии классификации юридических лиц как субъектов административного права могут быть дополнительно детализированы и являются своеобразной базой для последующих научных исследований в данной сфере.

Список литературы

1. Административное право Украины. Академический курс: учебник / под. ред. В. Б. Аверьянова. – К.: Юридична думка, 2007. – 592 с.
2. Колпаков, В. К. Административное право Украины / В. К. Колпаков. – К.: Юриком Интер, 1999. – 544 с.
3. Кивалов, С. В. Административное право Украины: учебно-методическое пособие / С. В. Кивалов. – Одесса: Юридична література, 2006. – 488 с.
4. Манохин, В. М. Российское административное право: учебник / В. М. Манохин. – М.: Юристъ, 1996. – 359 с.
5. Демин, А. А. Субъекты административного права Российской Федерации: учебное пособие / А. А. Демин. – М.: Книгодел, 2010. – 272 с.

6. Чиркин, В. Е. Юридическое лицо публичного права / В. Е. Чиркин. – М.: Норма, 2009. – 352 с.
7. Винар, Л. В. Способы создания юридических лиц, основанных государством / Л. В. Винар // Проблемы усовершенствования правового регулирования обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Украине: Материалы 5-ой Региональной межвузовской научной конференции (Ивано-Франковск, 16 апреля 2004 року). – Ивано-Франковск, 2004. – С. 72–75.

Поступила в редакцию 12.11.2019 г.

CLASSIFICATION OF LEGAL ENTITIES AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE RELATIONS

The article considers the system of subjects of administrative law, analyzes various types of classifications of legal entities as subjects of administrative law. On the basis of the stated opinions of scientists the author's system of criteria of classification of legal entities as subjects of administrative law is offered.

Keywords: subjects of administrative law, legal entities, collective subjects, enterprises, institutions, organizations.

Финкина Анна Павловна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: any4170@yandex.ru

Finkina Anna
Senior Lecturer of the Department of the
Civil Law and Procedure of Donetsk national
University
DPR, Donetsk
E-mail: any4170@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

    постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

    анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

    формулирование цели и постановка задач;

    изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

    выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–12 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно дается их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.**

Серия Е: Юридические науки

2020. – № 1

Технический редактор А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел.: +38(071)36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 06.03.2020 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 13,25.

Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.